В. КОЗЛОВЪ

ПОДЪ ГРОЗОЮ

РАЗСКАЗЫ



В. КОЗЛОВЪ

ПОДЪ ГРОЗОЮ

РАЗСКАЗЫ



ПЕТРОГРАДЪ



 Тип. Т-ва А. С. Суворина—„Новое Время". Эртелевъ, 13 

СОДЕРЖАНІЕ

ПОДЪ ГРОЗОЮ

ПОДЪ ГРОЗОЮ.

I.

— Вотъ такъ здорово! Ого-го! Вотъ это такъ-такъ!— приговаривалъ Лазарь Тышскій, глядя на небо и прислушиваясь.

Оттуда, гдѣ уже померкла послѣдняя полоска заката, неслись глухіе удары, точно бы кто то чудовищно-громадный билъ гигантскимъ молотомъ по землѣ. Мѣстечко Карповичи содрогалось, стекла въ домахъ позванивали, земля стонала. Хотя огней никто не зажигалъ, но все населеніе было на ногахъ: въ такую ночь попробуй-ка, усни!

— И что же ты теперь скажешь, Лазарь? До какихъ поръ намъ сидѣть тутъ?—возбужденно шептала Роза надъ ухомъ Тышскаго.—Чего ты дожидаешься, чтобы насъ поубивали всѣхъ, что ли?

— Такъ уѣзжай же! Подвода готова,—рѣзко отвѣтилъ Лазарь.

— А ты?

— Куда я поѣду?

1*

— Какъ куда? Въ Варшаву! Скажите пожалуйста, всѣ ѣдутъ, а ему ѣхать некуда. Ему не хватитъ въ Варшавѣ мѣста!

— И не всѣ! Дѣти и женщины, дѣйствительно, уходятъ, а изъ мужчинъ кто же?

— Ой, бѣда, бѣда! Ой, наказаніе наше! Ой, несчастные мы!—тихо и тоскливо зашептала Роза и заплакала.

Въ который разъ она принимается плакать? Отчего другіе не разстраиваютъ попусту мужей, бѣгутъ безъ оглядки, а Розѣ обязательно нужно вымотать изъ Лазаря всю душу? Нѣтъ, Тышскому это надоѣло! И безъ того сердце его обливается кровью, а тутъ еще бабьи причуды. Именно, наказаніе!.. Довольно, онъ приметъ крутыя мѣры!..

Высоко въ небѣ бродятъ бѣлые снопы свѣта. Это нѣмецкіе прожекторы нашариваютъ кого то. Въ томъ мѣстѣ, гдѣ дрожатъ и зыблятся эти ясные, четкіе, прямые лучи,—отлично видны всѣ предметы. А вокругъ притаилась жуткая ночь, мерцаютъ звѣзды. И кажутся эти полосы яркаго свѣта какими-то зловѣще-страшными коридорами, по которымъ черезъ головы нашихъ войскъ пробирается вражеская сила, всевидящая, хитрая, безпощадная. За всѣми она слѣдитъ, всѣхъ подсчитываетъ. Бросается вправо, влѣво, бѣгаетъ съ непередаваемой быстротой по полямъ, прокладываетъ ослѣпительную дорогу изъ края въ край по всему небу. Отъ нея нѣтъ возможности скрыться. Вотъ заглянула въ мѣстечко, словно бы на секунду ворвалась въ душу каждаго изъ притаившихся. И убѣжала, метнувшись высоко вверхъ, къ самымъ звѣздамъ.

— Ой, горе! Ой, дѣтки мои бѣдныя!—шепчетъ побѣлѣвшими губами Роза.

А тамъ, за горизонтомъ, ни на минуту не смолкаетъ. Пучками пламени вспыхиваютъ рвущіяся шрапнели, словно бы въ томъ краю неба кто то затѣялъ оглушительный фейерверкъ. Гудитъ, стонетъ, охаетъ земля. Все бьетъ и бьетъ по ней тяжкій, невидимый молотъ. Чудится, что попадись хотя бы тысячная толпа подъ одинъ изъ этихъ ударовъ — нѣтъ спасенія! Сотретъ въ прахъ, не оставитъ даже мокраго мѣста.

— Роза! Дѣтка моя! Ну, ты же видишь это...— Лазарь обвелъ рукой домъ, погребъ, магазинъ, сараи.— Какъ бросить добро? Развѣ у насъ есть капиталы? Развѣ въ Варшавѣ мы имѣемъ банкъ? Все здѣсь! Цѣлую жизнь наживали, трудились, а теперь разомъ все отдать? Да за что же? Подумай, Роза, ты же не сумасшедшая какая-нибудь. Что я имъ сдѣлалъ, за что они станутъ убивать или грабить? Я честный человѣкъ, мирный еврей. Я имѣю право жить въ своемъ домѣ, беречь свое хозяйство. А тебѣ надо уѣхать. Ты женщина, у тебя на рукахъ Боря и Раичка. Они дѣти... Уѣзжай же, Роза. Погляди, другимъ хуже твоего: всѣ идутъ пѣшкомъ, а у тебя подвода. Уѣзжай!

— Здравствуйте, Лазарь. Вы еще не уѣхали?—донеслось съ дороги.

Заговорившись съ женой, Тышскій не замѣтилъ, какъ возлѣ его магазина остановилась бричка пана Здзитовецкаго.

— Нѣтъ, панъ Зиновій, еще сижу.

— Слышно, наши отступаютъ.

— Что вы говорите!

— Сейчасъ идутъ обозы по цѣхановскому тракту. Офицеръ разсказывалъ, будто уходятъ подъ самую Варшаву.

— Какъ же это? Что же теперь будетъ, панъ Зиновій?—растерянно проговорилъ Лазарь.

— Уходить надо. Мои уже двѣ недѣли, какъ въ Варшавѣ.

— Вотъ видишь, вотъ видишь!—скороговоркой зашепталъ Лазарь женѣ.—И панъ Здзитовецкій и всѣ! Самъ остался, а семья въ Варшавѣ.

«Бу-бу-бу-бу»—гудѣла земля. «Ба—бахъ!.. Бахъ-бахъ!»—болѣе четко и рѣзко неслось сверху отъ разрывовъ. И, можетъ быть, это лишь казалось встревоженному воображенію, но канонада словно бы приближалась.

Панъ Здзитовецкій обошелъ бричку, поправилъ что то въ упряжи и сказалъ авторитетнымъ тономъ:

— Вамъ, пани Тышская, оставаться невозможно. Мужчинѣ туда-сюда, а вамъ немыслимо.

— Слышишь? А я что же говорю?

— Что значитъ немыслимо? Какъ я уѣду, когда онъ остается?

— Онъ—мужчина.

— Что значитъ мужчина?—снова возразила Роза, однако, безъ прежней увѣренности тона.

— Какъ знаете, пани, а только я на вашемъ мѣстѣ ни за что не остался бы. Хорони Богъ, молодая женщина, красивая... Да ни за что!

Остановка пана Здзитовецкаго и разговоръ его съ четою Тышскихъ прошли какъ-то незамѣченными. Ни той, ни другой сторонѣ это не показалось страннымъ—не такая была минута. Но если бы что либо подобное случилось въ болѣе спокойное время, то на такое событіе, конечно, обратило бы вниманіе все мѣстечко.

Панъ Зиновій Здзитовецкій былъ самымъ вліятельнымъ и богатымъ человѣкомъ изъ окрестной польской

шляхты, а Лазарь Тышскій—наиболѣе крупнымъ торговцемъ въ мѣстномъ округѣ. Между ними давно установились опредѣленно враждебныя отношенія. Панъ Здзитовецкій, какъ представитель польскаго дворянства, считалъ своимъ долгомъ проповѣдывать бойкотъ еврейской торговли... О Тышскомъ онъ отзывался не иначе, какъ съ презрѣніемъ, за которымъ таилась и нѣкоторая доля зависти: у Лазаря онъ подозрѣвалъ крупное состояніе, а собственное его держалось на «честномъ словѣ». При встрѣчахъ съ Тышскимъ панъ Зиновій выше поднималъ голову и проходилъ мимо съ осанкой надменной, величественной, словно бы стремясь всякій разъ подавить еврея своей старо-шляхетской важностью. По силѣ эта непріязнь могла равняться развѣ только съ непріязнью къ отставному полковнику Глотову, мѣстному начальнику уѣзда. Его панъ Здзитовецкій не терпѣлъ, какъ представителя русской власти, какъ живое олицетвореніе того «ига», того «гнета», того «казацкаго самоуправства», изъ-за которыхъ «всей варшавской Польшѣ нечѣмъ было дышать».

Здзитовецкій былъ правовѣрнымъ полякомъ. Для него каждый еврей былъ прежде всего—неровня, парій. А такъ какъ политически ихъ стремились сравнять и такъ какъ еврейство забирало все большую силу путемъ торговаго вліянія въ краѣ, то значитъ—баста—бойкотъ законенъ! Всякій же русскій чиновникъ—«москаль», «притѣснитель», «узурпаторъ». И тѣхъ, и другихъ полагалось ненавидѣть—однихъ съ примѣсью третирующаго презрѣнія, другихъ съ презрѣніемъ внѣшне-вѣжливымъ.

Панъ Здзитовецкій отнюдь ни измѣнилъ бы своего отношенія къ Тышскому и Глотову даже въ томъ слу-

чаѣ, если бы досконально было извѣстно, что Тышскій—безсребренникъ и человѣкъ кристальной честности, а Глотовъ—воплощенная справедливость и гуманность. До личныхъ душевныхъ качествъ этихъ людей Здзитовецкому не было никакого дѣла. Они—враги. Для пана Зиновія этого было достаточно. Онъ не стоялъ во главѣ партіи, проповѣдывавшей такую вражду, но, если бы главари въ Варшавѣ пошли на уступки и компромиссы, то панъ Зиновій разошелся бы съ ними. Непримиримость его диктовалась какимъ-то внутреннимъ инстинктомъ—не разумомъ.

И вдругъ остановился, заговорилъ, назвалъ Розу—пани Тышской! Еще недавно скажи кто-нибудь Здзитовецкому, что такой случай возможенъ — онъ разсмѣялся бы шутнику въ лицо. Теперь же это вышло какъ-то само собою, совершенно незамѣтно, съ тою непринужденной естественностью, съ какой происходятъ всѣ обыкновенныя вещи. Даже не явилось мысли, что нельзя или зазорно остановиться. Даже не подумалъ, что Розу можно или нужно назвать не «пани Тышская».

Когда высоко-нагруженная фурманка, съ Розой за кучера, съ дѣтьми, потонувшими въ скарбѣ, выѣхала за ворота и направилась вдоль темнаго мѣстечка, то панъ Зиновій пошелъ рядомъ съ Лазаремъ и на ходу говорилъ:

— Въ Варшавѣ, пани Тышская, остановитесь въ «Нотовскихъ» номерахъ. Тамъ и моихъ встрѣтите. Кланяйтесь, скажите—здоровъ. Счастливо доѣхать, пани!..

II.

Въ мѣстечко возвращались вдвоемъ, молча. Мысли ушли вслѣдъ за фурманкой Розы. Панъ Здзитовецкій думалъ о томъ, что семья его въ Варшавѣ ютится въ номерахъ, что у нихъ, должно быть, не хватитъ денегъ, что всѣ его надежды на хорошій урожай могутъ въ одинъ день, даже въ одинъ часъ безвозвратно рухнуть. А все нѣмцы!..

Лазарь Тышскій былъ радъ, что Роза, наконецъ, послушалась и уѣхала. Чортъ знаетъ, что разсказываютъ про нѣмцевъ. Можетъ быть, и врутъ, но лучше подальше отъ грѣха. Обидятъ Розу—что съ нихъ возьмешь? И Боричка съ Раичкой тоже будутъ въ безопасности. А здѣсь — онъ самъ! Не можетъ же быть, чтобы эти люди пришли и такъ себѣ, здорово живешь, все истребили. За что? Ну, допустимъ, возьмутъ коечто, допустимъ, не заплатятъ, причинятъ убытки. Но не потопъ же, не землетрясеніе, не пожаръ—эти нѣмцы! Люди все-таки... И затѣмъ, до мѣстчека ихъ, можетъ быть, не допустятъ. Съ какой же стати, онъ, Лазарь Тышскій, по собственной волѣ оставитъ добро на произволъ судьбы? Разъ нѣтъ хозяина, то кто же станетъ церемониться? Свои же мѣстечковые растащутъ по клочкамъ. Нѣтъ, Роза — баба! У нея только страхъ, а здраваго смысла ни капли.

— Глядите, что это? — сказалъ панъ Зиновій и остановился въ тѣни забора.

По улицѣ шагомъ ѣхали всадники съ ружьями за спиной. Отсвѣтъ далекаго боевого зарева позволялъ разглядѣть ихъ лица — суровыя, бородатыя, пытливо всматривающіяся въ тьму ночи.

Ихъ было семь человѣкъ. Ѣхали они гуськомъ, осторожно, словно бы боясь у каждаго забора наткнуться на засаду

— О, да это панъ полковникъ! — шопотомъ проговорилъ Лазарь.—Вонъ онъ сбоку, на сѣромъ конѣ.

Теперь и Здзитовецкій видитъ, что это полковникъ Глотовъ, начальникъ уѣзда, и съ нимъ стражники.

— Доброй ночи, панъ полковникъ! — громко произноситъ Здзитовецкій и выходитъ изъ тѣни.

— Кто здѣсь? Кто такіе? А-а! Здравствуйте, панъ Здзитовецкій! Вы что здѣсь дѣлаете?

Полковникъ кряжистъ и тученъ. Слѣзая съ коня, онъ запыхался, отдувается.

— Слышали? Отступаемъ, уходимъ къ Варшавѣ. Велѣно сжигать казенные запасы, чтобы ничего имъ не досталось. Весь день не слѣзаю съ коня.

Взволнованно онъ жметъ руку пану Зиновію и Тышскому, идетъ рядомъ.

— Еще утромъ думали, что не пустятъ ихъ, а послѣ пришелъ приказъ... Въ Яблонцѣ, въ Олеснечахъ, на Боровой Полянѣ — всюду сжегъ склады провіанта. Господи, сколько пропало добра!.. Ишь, ишь, какъ жарятъ! Говорятъ, пѣхота ушла уже. Остались казаки и конная артиллерія. Прикрываютъ отступленіе.

— Долго еще продержатся?

— Должно быть, до утра.

Стражники тоже спѣшились и шли сзади, ведя коней въ поводу. Лазарь сказалъ:

— Люди-то ваши устали, панъ полковникъ. Не отдохнуть ли вамъ у меня? Милости прошу.

Начальникъ уѣзда заколебался.

— Оно такъ — изморились. Нужно бы съѣздить еще въ Красники—сжечь фуражъ.

— Покормите коней и поѣдете.

— Оно такъ — изморились, — повторилъ полковникъ.—Здорово животы подвело.

— Найдется покушать.

— Эй, ребята, сворачивай къ магазину Лазаря Борисовича. Сдѣлаемъ привалъ, — распорядился полковникъ Глотовъ.

Сразу же люди повеселѣли, заговорили, послышался смѣхъ. И самъ начальникъ словно бы скинулъ встревоженную суровость.

— А мы ихъ, знаете ли, здорово поподчивали. Отъ линіи дороги до самаго Крапивника, въ оврагахъ, въ лѣсу, на рѣчкѣ—легло ихъ видимо-невидимо. Понимаете, въ иныхъ мѣстахъ прямо другъ на дружкѣ лежатъ. Страсть!.. Стойкій народъ нѣмцы, что ни говорите. Люто дерутся!

— Вы были тамъ?

— А какъ же! Лично вывозилъ почту и сберегательныя кассы изъ Заполья, Новакова. Можно сказать, ѣхали по трупамъ.

— И живые есть?

— Есть, стонутъ. Наши тоже. Какъ имъ поможешь, когда у меня всего семь человѣкъ и велѣно спѣшить? И совѣстно, а отворачиваешься...

У Лазаря на всемъ хозяйствѣ остался только онъ самъ и мальчикъ Шлема, приказчикъ. Стражникамъ вынесли хлѣба, колбасъ, коробки консервовъ — все равно не убережешь отъ нѣмцевъ. Лазарь самъ ставилъ самоваръ, а панъ Зиновій съ полковникомъ мастерили яичницу.

— Черезъ Вислу ихъ не пустятъ,—говорилъ панъ Зиновій.—Тамъ день и ночь идутъ работы.

— Ого, чего захотѣли,—черезъ Вислу! Обломаютъ

зубы! Нашимъ нужно только упереться. Какъ станутъ, то никакимъ родомъ вы ихъ не сдвинете.

Полковникъ даже показалъ, какъ «наши» упираются—разставилъ ноги, а туловище выдвинулъ. Всѣ засмѣялись. Стало ясно, что при такомъ упорствѣ взять Вислу нѣмцамъ нѣтъ никакой возможности.

Стекла же время отъ времени звенѣли тонкимъ жалобнымъ звономъ, земля стонала.

Лазарь пилъ чай, обжигаясь, о чемъ-то крѣпко думая, инстинктивно прислушиваясь.

— Пусть убьютъ, а своего не отдамъ! — проговорилъ онъ ни съ того ни съ сего, отвѣчая на какія-то мысли.

Панъ Здзитовецкій и полковникъ не успокаивали. Лазарь имъ былъ понятенъ—у каждаго такое же «свое» находилось въ опасности. Всѣхъ мела и гнала какая-то стихійная, бездушная сила.

— Еще поглядимъ!—за всѣхъ отвѣтилъ панъ Зиновій.

Что «поглядимъ», какъ «поглядимъ»—они не знали. Но было такое чувство, что «еще поглядимъ!», «еще не сломили насъ!». Была готовность какъ-то бороться, чѣмъ-то жертвовать.

— Мнѣ можно съ вами? — спросилъ Здзитовецкій.

— Куда? — удивился полковникъ. — Мы — жечь склады.

— И я — жечь.

— Гмм... Ѣдемъ, пожалуй.

— У меня есть конь, только упряжной, безъ сѣдла.

— Я дамъ,—откликнулся Лазарь Тышскій.

Снаружи, подъ самыми окнами, треснулъ ружейный выстрѣлъ. Всѣ вскочили, засуетились.

— Я пойду. Спасибо, Лазарь Борисовичъ!

Полковникъ одной рукой надѣвалъ фуражку, другой ощупывалъ револьверъ и портупею. Панъ Зиновій тоже отстегнулъ кобуру, щелкнулъ предохранителемъ маузера и съ сосредоточеннымъ лицомъ пошелъ за Глотовымъ. Съ порога онъ вернулся и сказалъ Лазарю шопотомъ:

— Я съ ними. Можетъ вамъ придется, панъ Тышскій, уѣхать въ Варшаву, такъ передайте вотъ это женѣ... Тутъ бумаги, деньги... Что успѣлъ собрать... пожалуйста.

Пальцы не слушались, пуговицы на груди отстегивались до странности туго. Лазарь ничего не отвѣтилъ, только кивнулъ. Понимали другъ друга безъ словъ.

— Счастливо вамъ... Дай Богъ...

— Счастливо, панъ Зиновій... Прощайте!

Вышли вмѣстѣ, прислушались. Что-то измѣнилось въ мѣстечкѣ, но что—сразу не разберешь. Выстрѣлъ подъ окнами словно бы приблизилъ далекую тревогу непосредственно къ домамъ, сдѣлалъ жуткими мѣстечковыя улицы. Затѣмъ, Лазарь Тышскій увидѣлъ, что прожекторы потухли—стало темнѣй.

— Прррр!.. Ты, подлая! повертись вотъ еще! — не громко, но съ раздраженіемъ покрикивалъ Шлема.

Онъ засѣдлывалъ лошадь пана Здзитовецкаго и съ непривычки не могъ разобраться въ подпругахъ. У противоположнаго забора притаились въ тѣни стражники.

— Кто стрѣлялъ? Что случилось?—спросилъ панъ Зиновій, подходя къ нимъ.

— Такъ, глупости. Дозорному что-то почудилось. Вы готовы, панъ Зиновій? — откликнулся полковникъ.

Лазарь велъ черезъ дорогу лошадь и говорилъ тихо:

— А палятъ-то меньше. Наши, должно быть, ушли.

— Ночью стрѣлять—только зря снаряды портить. Нѣтъ прицѣла, — авторитетно сказалъ Глотовъ. — Ну, ѣдемъ. Садись, ребята. Если будетъ благополучно, то на обратномъ пути мы еще заглянемъ къ вамъ, Лазарь Борисовичъ.

— Ой, врядъ ли успѣете.

— Ого, мы рысью! Къ разсвѣту будемъ назадъ.

Они уѣхали. Лазарь потихоньку прошелъ до околицы, прислушался къ удаляющемуся топоту, поглядѣлъ на темныя поля. Мало-по-малу канонада совершенно утихла. Гдѣ-то очень далеко за горизонтомъ виднѣлось зарево пожара. Въ мѣстечкѣ не свѣтилось ни одного огня, даже собаки не лаяли. Лазарь не думалъ, что послѣ отъѣзда семьи и случайныхъ гостей станетъ такъ одиноко и жутко. Домой не хотѣлось. Не спѣша, онъ пошелъ лугами, сзади огородовъ, и думалъ:

— Ахъ, война война! Кому ты понадобилась, чтобъ тебѣ скиснуть! Жили люди безъ хлопотъ, мирно, никого не трогали и вдругъ на̀ тебѣ! Бьютъ до смерти, наваливаютъ кучами кого попало, жгутъ, разоряютъ. А отвѣчать кто будетъ?..

Потянуло вѣтромъ, стало холодно. На дорогѣ что-то шумѣло, тарахтѣли колеса. Приблизившись, Лазарь разглядѣлъ, что идутъ какія-то войска, на выбоинахъ покрякиваютъ пушки. И рѣчь слышна русская.

— Уходятъ послѣдніе!—догадался еврей. — Что-то будетъ, что-то будетъ?!.

Онъ стоялъ долго, часъ или два, пока не прошли всѣ. А когда вернулся домой, то прежде всего выбросилъ въ отхожее мѣсто револьверъ, патроны и старое охотничье ружье. Пусть знаютъ, что Лазарь Тышскій—

мирный человѣкъ. Онъ ничего не хочетъ дѣлать силой, онъ полагается только на свое право смирнаго, послушнаго жителя.

III.

— Вставайте, панъ Лазарь! Пришли!..

Тышскій вскочилъ.

— Гдѣ они? Сколько?

Онъ сразу все понялъ, будто не спалъ. Шлема стоялъ съ возбужденнымъ лицомъ и горящими глазами. Жестикулировалъ, сыпалъ обрывками фразъ.

— Конные, въ каскахъ! Человѣкъ сто! Заскочили сначала на почту, послѣ въ костелъ. А казаки были часъ назадъ, уѣхали къ лѣсу. Вызвали ксендза и трехъ стариковъ. Кажется, арестовали...

— Казаки?

— Нѣтъ, нѣмцы! На площади. Сію минуту явятся.

— Двери закрыты?

— И ворота, и двери. Я поснималъ вывѣски... Ой, ратуйте! Слышите, панъ Лазарь?

Снаружи въ двери магазина громко стучали. У Тышскаго поблѣднѣло, посуровѣло лицо и какимъ-то спокойнымъ, рѣшительнымъ блескомъ зажглись глаза.

— Открой имъ, Шлема. Да не вертись ты, какъ юла!—сказалъ онъ ровнымъ, громкимъ голосомъ.

— Ого, да здѣсь цѣлые склады!—донеслось изъ магазина по-нѣмецки.—Гдѣ хозяинъ?

Лазарь застегнулъ послѣднюю пуговицу сюртука и вышелъ. Посреди магазина, съ хлыстомъ въ рукѣ, слегка покачиваясь на каблукахъ, стоялъ германскій офицеръ и увѣренно распоряжался:

— Открыть окна. Уберите занавѣски съ полокъ. Осмотрите, что есть въ кладовыхъ.

Шлема зорко и ловко исполнялъ приказанія, а гдѣ онъ не поспѣвалъ, тамъ дѣйствовали три солдата. Они не стали искать, какъ отстегиваются занавѣси, а просто рванули за край. Лазарь выступилъ впередъ и сказалъ съ поклономъ:

— Я хозяинъ магазина, господинъ офицеръ. Позвольте, я самъ покажу всѣ товары — ваши солдаты только напортятъ. Если угодно, я дамъ списокъ всего, что у меня есть.

— Еврей?—отрывисто спросилъ офицеръ.

— Да, господинъ офицеръ.

Отстраняя бумажку, протянутую Лазаремъ, офицеръ проговорилъ, чеканя слова:

— Не надо списковъ. Мнѣ некогда разбираться. Всѣ консервы, всѣ пищевые продукты, табакъ, напитки, сѣно, овесъ, ячмень — весь фуражъ — вы должны немедленно представить въ управленіе. Явитесь не позднѣе полдня. У васъ есть на чемъ перевезти?

— Нѣтъ, ни одной лошади, ни одной подводы.

— Здѣсь я вижу и мануфактуру. Можетъ быть вы имѣете мѣха?

— Нѣтъ, не имѣю.

— А драгоцѣнности?

— Какія же драгоцѣнности въ деревенской лавкѣ!

Офицеръ проговорилъ внушительно:

— За утайку мы судимъ полевымъ судомъ по законамъ военнаго времени.

Лазарь блѣднѣлъ, но оставался спокойнымъ.

— Скажите, господинъ офицеръ, я долженъ даромъ отдать все это, или мнѣ заплатятъ?

— Германская армія ничего не беретъ даромъ.

— Я могу представить свои цѣны или существуетъ такса?

Круглые глаза лейтенанта блеснули веселымъ огонькомъ, отчего лицо стало добродушнымъ.

— Ставьте цѣны, какія угодно, ставьте больше. Вы, вѣдь, понимаете, гдѣ же и поживиться, какъ не на войнѣ! На вашемъ мѣстѣ я не сталъ бы стѣсняться.

Онъ ушелъ, смѣясь, простодушно похлопавъ Тышскаго по плечу, миролюбивый, доброжелательный.

Составляя на память реестръ потребованныхъ товаровъ, Лазарь иногда бормоталъ въ задумчивости:

— Гм... Поживиться!.. Знаемъ мы эту поживу. Нѣтъ, Лазарь Тышскій — осторожный человѣкъ. Онъ не поставитъ ни одной лишней копейки... Зачѣмъ барыши? Дай Богъ получить свое... Гмм... А Роза говорила! Глупая женщина. У ней только страхи на умѣ. Она не понимаетъ, что спокойствіемъ и разсудительностью даже львовъ и крокодиловъ дѣлаютъ добрыми...

Въ школѣ на площади мѣстечка толпился народъ. Торговцы, крестьяне, ремесленники — всѣ, кто не оставилъ насиженныхъ мѣстъ, были вызваны сюда. Гомона и шума не было — говорили вполголоса, жались другъ къ другу кучками.

Лазарю Тышскому молча дали дорогу — все же онъ первый купецъ въ округѣ.

— Ну, что? Составили счетъ? — съ прежнимъ добродушіемъ спросилъ офицеръ.

Онъ сидѣлъ за столомъ съ двумя писарями и принималъ отъ жителей такіе же списки. На входныхъ дверяхъ былъ наклеенъ плакатъ:

«Реквизиціонная комиссія».

— О-о-о! Да у васъ цѣлые погреба и склады! Это

хорошо, это очень хорошо. Вы говорите, вамъ потребуется до шестидесяти повозокъ?

— У меня запасы зерна. Около 3,000 пудовъ.

— Отлично! Это настоящій обозъ! Почему же вы поставили такія скромныя цѣны? Ха, ха, ха! Ну, прекрасно, прекрасно. Приготовьте грузы. Сегодня же у васъ все возьмутъ.

— А деньги, господинъ офицеръ?

— За разсчетомъ вы явитесь вечеромъ сюда же.

Эти реквизіонисты, вѣроятно, очень спѣшили, потому что уже черезъ часъ къ усадьбѣ Тышскаго подъѣхали чудовищные автомобили-грузовики. Пріемщиками были простые солдаты. Обращались они грубо, то-и-дѣло бранясь. Требовался весь тактъ, все спокойствіе, вся выдержка Лазаря, чтобы не обострить дѣло до открытаго скандала.

Среди суетливой лихорадочной работы раздались вдругъ выстрѣлы, и произошла суматоха. Кто то кричалъ:

— Казаки! Казаки!..

Солдаты похватали съ автомобилей ружья и кинулись на площадь.

— Панъ Лазарь! Идемте скорѣе — вы все увидите! — захлебываясь, шепталъ Шлема и потащилъ Тышскаго на чердакъ.

Домъ Лазаря возвышался надъ всѣми мѣстечковыми постройками. Изъ слухового чердачнаго окошка, какъ на ладони, открылась картина тревоги.

За рѣчкой, гдѣ начинались сѣнокосные луга, засѣла кучка людей и часто-часто стрѣляла. А отъ мѣстечка на нихъ бѣжали нѣмцы, присѣдали, выпускали по нѣсколько патроновъ и снова надвигались.

— Это казаки,— говорилъ Шлема.— Вонъ видите, за березами стоятъ привязанные кони. Ахъ, жаль, мало ихъ!

— Принеси скорѣе бинокль изъ кабинета.

Пока Шлема бѣгалъ, картина измѣнилась. По узкому мостику, черезъ рѣчку, рысью пошли нѣмецкіе кавалеристы. Ихъ было человѣкъ сорокъ — борьба не равная. Кучка засѣвшихъ стрѣлковъ перебѣжками стала отходить къ березкамъ, за которыми укрывались лошади.

— Успѣть бы имъ! Ахъ, Господи! Чего они мѣшкаютъ! — вслухъ бормоталъ Лазарь.

Ему такъ хотѣлось, чтобы наши успѣли, такъ онъ боялся за нихъ, что по всему тѣлу отъ волненія выступилъ потъ.

— Ну, и чего еще они отстрѣливаются? Скорѣе! Милые мои, бѣгомъ, бѣгомъ!.. Ой, отрѣжутъ! Ой, ратуйте!..

Шлема въ жизнь свою не видѣлъ Лазаря Борисовича въ такомъ возбужденномъ состояніи.

Взглянувъ въ бинокль, Тышскій крикнулъ:

— Да, вѣдь, это панъ полковникъ! Гляди, гляди! Его стражники, вонъ присѣдаетъ панъ Зиновій Здзитовецкій. Видишь, слѣва?.. Уходятъ, уходятъ!.. Нѣтъ, теперь не догнать!.. Ха, ха, ха!

Самъ не замѣчая того, Лазарь бормоталъ вслухъ, вскакивалъ, махалъ руками, смѣялся. Когда наиболѣе проворные стражники добѣжали къ коновязи и стали отвязывать лошадей, Лазарь и Шлема запрыгали отъ радости.

— Родименькіе, скорѣе!.. Панъ полковникъ, натужьтесь! Шибче, шибче! Ха, ха, ха! Добѣжитъ! Это видѣли? Ха, ха, ха!

Отъ смѣха и радости по лицу текли слезы. Лазарь показывалъ въ сторону нѣмцевъ кукиши и восклицалъ, захлебываясь:

2*

— Куда вамъ, паршивцы, тягаться съ нашими! Посмотрѣлъ бы я, если бы это были, дѣйствительно, казаки! Только и всего, что стражники, полиція, а и то носъ утерли. Ахъ, мразь!..

И вдругъ на чердакѣ, надъ стрѣхой, пронесся тревожно-жалобный возгласъ:

— Что тамъ?! Боже-жъ ты мой!!!

Смѣхъ слетѣлъ, ликованіе будто сдунуло. Тышскій въ бинокль, а Шлема просто такъ увидѣли, какъ полковникъ Глотовъ сковырнулся, присѣлъ, попробовалъ встать и вновь упалъ.

— Ранили! Должно быть, въ ногу!..

Двое стражниковъ подхватили начальника подъ руки, подняли, повели. Онъ грузенъ, толстъ, этотъ полковникъ.

— Не доведутъ!.. Не успѣютъ!..—шепчетъ въ тоскѣ Лазарь.—Гдѣ ужъ тамъ!

Нѣмецкіе кони огромны. Они скачутъ, тяжело шлепая по мягкой луговинѣ, загрузая копытами. Но полковника все же не спасти—мало времени. Стражники возятся съ нимъ, тревожно оглядываются. Послѣ опустили, на минуту склонились къ начальнику—и кинули.

— Что же подѣлаешь?—шепчутъ губы Лазаря.—Все равно, не унести. Ужъ лучше хоть имъ спастись...

Тышскій точно бы тамъ, на лугу, вмѣстѣ съ отступающими переживаетъ трагизмъ минуты. Ему больно и тяжко, и щемитъ сердце, а необходимость вынуждаетъ поступить именно такъ. Что толку не спасти раненаго начальника и отдаться во вражескія руки? Лучше уйти. Значитъ, судьба!

— У-у, подлецы! Прохвосты!—не удерживается Лазарь отъ брани и тихо, подавленный, спускается съ чердака.

IV.

Всѣ амбары и кладовыя Лазаря Тышскаго опустошены, грузовики уѣхали, наступилъ вечеръ. Уже давно слѣдовало бы разсчитаться за взятые товары. Это, вѣдь не шуточки, а одиннадцать тысячъ съ лишнимъ! Условіе было ясное: немедленный разсчетъ. Лазарь Тышскій не такой крупный коммерсантъ и, главное, онъ не такъ глупъ, чтобы оказывать кредитъ какимъ-то неизвѣстнымъ нѣмецкимъ лейтенантамъ. Да еще на десятки тысячъ! Пустячки—комбинація!.. Взять товаръ и держать человѣка три часа на улицѣ, не впуская даже на порогъ... Правду говорила Роза, нельзя имѣть дѣло съ разбойниками. Ну, да отъ Лазаря Тышскаго они такъ просто не отвертятся. Что его—то его. Онъ не намѣренъ уступать этимъ жуликамъ ни полушки. Ни за что!

— Послушайте, господинъ солдатъ, когда же я могу видѣть лейтенанта? — въ десятый разъ спрашиваетъ Лазарь у караульнаго.

Тотъ что-то промычалъ. Сердито, неразборчиво, какъ человѣкъ совершенно не желающій объясняться.

— Но мнѣ очень нужно. Господинъ лейтенантъ самъ приказалъ явиться именно теперь. Я васъ очень прошу доложить.

— Слушайте, здѣсь не до васъ.

— Что значитъ—не до васъ?—возмутился Лазарь.— У меня взяли товаръ, приказали быть вечеромъ, а вы говорите—не до васъ!

— Иди, тебѣ говорятъ. Ступай вонъ!

— Вы не толкайтесь! — окончательно вскипѣлъ

еврей. — Вы думаете, если вы съ ружьемъ, а я безоружный, то вамъ все позволено? Я найду на васъ законъ!

Гнѣвъ помутилъ ясную голову Лазаря, иначе онъ не сталъ бы споритъ съ этой нѣмецкой дубиной. Оглушительный ударъ прикладомъ свалилъ его съ ногъ.

— Что ты дѣлаешь, мерзавецъ?! За что?!—изступленно вскрикнулъ Тышскій. — Разбойникъ! Душегубъ!

Изъ дома выскочилъ сначала унтеръ-офицеръ, за нимъ —знакомый лейтенантъ.

— Что здѣсь такое? Кто это?

Караульный вытянулся и доложилъ.

— Какъ же ты смѣешь бить?—сказалъ лейтенантъ сердито.—Вамъ что угодно?

— Вы приказали явиться за разсчетомъ вечеромъ. Я пришелъ, а этотъ солдатъ не пускаетъ, толкается, чуть не убилъ меня прикладомъ.

— Входите. Гдѣ вашъ счетъ?

Лазарь подалъ. Онъ еле стоялъ на ногахъ, въ груди жгло отъ страшнаго удара, голова словно бы плыла въ какой-то мути, отъ которой тошнило и гнало по тѣлу жаръ.

— Гмм... Одиннадцать тысячъ триста семьдесятъ рублей? Вы хотите получить рублями, а не марками? Что-жъ, пусть получитъ рублями... Эй, тамъ... Сдѣлайте надпись.

Писарь подхватилъ небрежно брошенную лейтенантомъ бумажку и черезъ нѣсколько минутъ Лазарь получилъ ее обратно.

— Позвольте, что же это?—проговорилъ онъ, недоумѣвая.—А деньги?

— О, это вѣрнѣе денегъ! — сказалъ офицеръ и улыбнулся попрежнему съ доброжелательствомъ.—Здѣсь

сказано, чтобы русское казначейство уплатило вамъ эту сумму. Счетъ правиленъ.

— Значитъ?..

— Значитъ, вы получите, Россія богата!

— Значитъ, вы ограбили меня? Значитъ, когда германскій офицеръ входитъ въ мирный домъ, то нужно все прятать, какъ отъ разбойника?

Лазарь глядѣлъ въ упоръ. Взволнованнымъ, лихорадочнымъ огнемъ пылало его лицо, онъ выдавливалъ слова. Лейтенантъ внезапно побагровѣлъ и съ силой ударилъ еврея по щекѣ.

— Арестовать!—кинулъ онъ грозно.

Въ ту же минуту Тышскаго схватили, смяли, бросили и вновь подняли на воздухъ чьи-то желѣзныя руки. Грудь жгло, въ сознаніи все прыгало.

— Роза, Боринька! О-о-ой, убиваютъ, убиваютъ!

Кричалъ ли Лазарь или лишь слабо шепталъ и хрипѣлъ въ рукахъ нѣмецкихъ солдатъ—онъ не отдавалъ себѣ отчета. Когда же сознаніе къ нему вернулось, то была глубокая ночь, вокругъ темно, жутко и холодно. Кто-то сбоку тяжело дышалъ, изрѣдка неслись стоны.

— Въ ихнемъ застѣнкѣ,—подумалъ Тышскій и тихонько окликнулъ:—Кто здѣсь?

Въ отвѣтъ ни звука, только дыханіе стихло.

— Это я, Лазарь Тышскій. Меня избили и кинули Кто еще здѣсь?—повторилъ онъ послѣ паузы.

Простонавъ и закряхтѣвъ, голосъ изъ тьмы отвѣтилъ:

— Добрая ночь, Лазарь Борисовичъ. Я полковникъ Глотовъ. Въ хорошенькомъ, чортъ побери, положеніи мы встрѣтились!

V.

Ночью вѣтеръ разыгрался не на шутку. Лѣсъ гудѣлъ полуоголенными вершинами по осеннему. Было и на полѣ и въ чащѣ неуютно, холодно. Тянуло подъ крышу, къ огоньку.

Нѣсколько человѣкъ, ведя лошадей въ поводу, шли по узенькой звѣриной тропѣ. Хотя было темно до желтыхъ круговъ передъ глазами, тѣмъ не менѣе люди шли увѣренно. Впереди шагалъ панъ Зиновій Здзитовецкій и, не поворачивая головы, спрашивалъ:

— Не могу понять, какъ же ты все-таки нашелъ насъ?

— Я, видите ли, слѣдилъ съ чердака за вашей битвой съ нѣмцами. И панъ Лазарь былъ. Какъ ранили пана полковника и какъ стали вы уходить, то я такъ и подумалъ: «текаютъ въ Хорошихинскій лѣсъ». Ну, а тутъ мнѣ каждая тропка, какъ родная. Кому нужно сховаться, то лучше Крутого Яра мѣста не найти. Въ Яру васъ и нашелъ.

— Молодецъ! Голова тебѣ недаромъ привѣшена,— одобрилъ панъ Зиновій.

Шлема самодовольно крякнулъ.

— Я думалъ такъ: что-жъ Лазарю Борисовичу и пану полковнику даромъ пропадать! Къ нимъ пробраться и вывести—разъ плюнуть. Не будь панъ полковникъ раненъ, я и самъ бы разобралъ стѣнку.

— А магазинъ, говоришь, разорили?

— До чиста! Днемъ панъ Лазарь самъ отдавалъ товары, когда же его схватили, то явилось ихъ человѣкъ тридцать, и всѣ съ мѣшками, и всѣ бьютъ, заби-

раютъ, калѣчатъ. Чего не утащили, то совсѣмъ-таки изуродовали.

— Мерзавцы!

— А что же, настоящіе грабители съ большой дороги.

Кончился лѣсъ, вышли въ поле. Стражники изъ мѣстныхъ крестьянъ отлично знали дорогу и двигались по-охотничьи—безшумно, быстрыми тѣнями.

— Шлема умный и осторожный еврей, — думалъ панъ Зиновій.—Разъ онъ берется провести и выручить плѣнниковъ—значить, это возможно. Было бы измѣнничествомъ со стороны моей, шляхтича Здзитовецкаго, не подать помощи полковнику. Еще бы! Вмѣстѣ бились!.. И Тышскій! У него бумаги, деньги... Сѣдло самъ предложилъ, безъ просьбы... Отличные люди, вѣрные, не выдадутъ въ бѣдѣ!..

— Тутъ осторожнѣе, милостивый панъ. У нихъ, можетъ быть, караулы выставлены,—зашепталъ Шлема.— Дайте лучше, я сбѣгаю впередъ—какъ бы не натолкнуться.

— Куда сбѣгаешь?

— А къ мѣстечку. Тутъ сейчасъ тропка, послѣ мостикъ—и совсѣмъ-таки близко.

— Ну, иди. Можетъ быть дать тебѣ человѣка?

— Ничего. Я одинъ...

Ждать въ бездѣйствіи всегда страшнѣй и жутче, чѣмъ самому итти на встрѣчу опасности. Лѣзутъ скверныя мысли, есть время подсчитывать шансы за и противъ. Въ результатѣ колебанія: «А не вернуться ли? Не перерѣшить ли, пока не поздно?».

Но Шлема не далъ много времени на размышленія. Его тонкая фигурка вынырнула у самаго носа стражниковъ.

— Съ этой стороны нѣту никого. Стоятъ только на площади и на дорогахъ. Караульщики у дверей спятъ, а у задней стѣнки ни души. Насъ-таки да не замѣтятъ!

— Молодецъ, Шлема!—одобрилъ панъ Зиновій и распорядился: — Двое останутся съ лошадьми, остальные за мной. Только, глядите, тихо!

Пошли. Пѣшеходный мостикъ утлъ и скрипучъ. Вся душа сжимается, пока минуешь зыбкую настилку. По открытому мѣсту черезъ дорогу до огородовъ лучше ползти. Земля сырая, холодная, и мѣстами лужи, грязь. Но тутъ не до чистоты — ползутъ на брюхѣ, двигаются на четверенькахъ. На огородахъ идутъ, держась тѣхъ мѣстъ, гдѣ по краю канавъ насажены вербы. Дальше стало еще удобнѣе: начались заборы и дома.

— Тутъ!—шепнулъ Шлема.—Вотъ эта стѣнка.

— Ты хорошо знаешь?

Шлема даже обидѣлся.

— Ой, что вы говорите, ясновельможный панъ! Какъ же можно мнѣ не знать?!

Два стражника и панъ Зиновій, предводительствуемые Шлемой, прокрались вокругъ зданія, увидѣли дремлющихъ караульщиковъ. Если сдѣлать все безъ шума, то смѣлый планъ мальчика, въ самомъ дѣлѣ, можетъ выгорѣть. На всякій случай Здзитовецкій оставилъ на углахъ по одному дозорному.

— Ахъ, канальскій еврейчикъ! — шепчетъ панъ Зиновій, возвращаясь къ дожидающимся стражникамъ.— Какую обмозговалъ каверзу!

Кто ножомъ, кто палкой, кто просто руками — ковыряли стѣну сарая, вынимали кирпичи. Панъ Зиновій ободралъ руки до крови, но это такіе пустяки

сравнительно съ выполняемой работой! Онъ еле сдерживается, чтобы не пыхтѣть, по лицу бѣжитъ потъ. Ужасно это тяжелая работа — разобрать безъ инструмента здоровую стѣну!..

Слышатъ ли они тамъ, въ сараѣ, чувствуютъ ли, что помощь близка, что съ каждымъ вынутымъ кирпичемъ приближается освобожденіе? И не смѣшно ли — онъ, панъ Зиновій Здзитовецкій, измарался въ грязи, ползъ на брюхѣ, исцарапался до крови—все для «москаля» Глотова и «жида» Тышскаго! Чудеса!..

Но раздумывать объ этомъ некогда. Когда-нибудь послѣ панъ Зиновій въ этомъ разберется, теперь же важно не опоздать. Помилуй Богъ!.. И ужъ что-что, а о сдѣланномъ панъ Зиновій, конечно, не пожалѣетъ— поступить иначе способенъ только негодяй или трусъ. Нѣтъ, панъ Здзитовецкій прекрасно чувствуетъ, что честно и по-шляхетски, а что гнусно...

— О, теперь осторожнѣй! Не роняйте кирпичей,— говоритъ онъ стражникамъ, когда отверстіе стало сквознымъ.—Разбирайте потихоньку, шире.

Для Лазаря можно было бы оставить дыру, какъ она есть, но полковникъ толстъ и къ тому же раненъ.

— Панъ Лазарь! Панъ Лазарь! — шепчетъ въ отверстіе Шлема.—Это мы, стражники. Тутъ панъ Зиновій—не пугайтесь.

— Съ нами крестная сила!—доносится хриповатый голосъ полковника.

А Лазарь уже здѣсь, у пролома. Онъ съ лихорадочной торопливостью помогаетъ разбирать стѣну и шепчетъ:

— Ломайте больше, ломайте больше! Панъ полковникъ самъ не сможетъ — его нужно вынести на рукахъ. Перебито бедро, кость пополамъ. Эти прохвосты

даже не перевязали, бросили, какъ собаку. Я перевязалъ въ темнотѣ. Рубашку порвалъ, вмѣсто бинта. Ахъ, негодяи какіе!..

Шестипудовое тѣло полковника Глотова несли посмѣнно вчетверомъ. Должно быть, было ему больно, потому что временами онъ скрежеталъ и сопѣлъ, задерживая стонъ.

Хрупкій мостикъ чуть не обломился, а когда перешли его, то изъ жердей смастерили носилки. Такъ и прошли до самаго Хорошихинскаго лѣса. Уже пробирались по опушкѣ, когда начался тусклый разсвѣтъ. Дальше звѣриныя тропы, непролазныя пади и Крутой Яръ—самъ чортъ не сыщетъ!..

Значительно восточнѣй вчерашняго мѣста боя, по другую сторону мѣстечка Карповичей, глухо и тяжко грохнуло орудіе, за нимъ другое, третье. Далеко во мглѣ утра, на встрѣчу зачинающемуся дню, съ рѣзкимъ лязгомъ вспыхнула въ небѣ шрапнель. Еще, еще, еще... Повидимому, это опять на весь день до вечера.

Взлѣзшій на дерево Шлема крикнулъ:

— Пожаръ! Карповичи горятъ!

Дѣйствительно, надъ мѣстечкомъ поднимался густой дымъ, захватывалъ все больше и больше неба, клубился и плылъ, какъ низко нависшая туча.

Лазарь Тышскій стоялъ, прямой, застывшій. Только глаза его выдавали внутреннее волненіе, да губы шевелились, о чемъ-то скорбно и страстно шепча.

ХРИСТОПРОДАВЦЫ

ХРИСТОПРОДАВЦЫ.

Я никогда не видѣлъ у полковника такого лица, какъ въ тотъ моментъ, когда онъ отдавалъ мнѣ послѣднее приказаніе. Всегда открыто-добродушное съ улыбающимися глазами, теперь оно стало холодно-строгимъ, даже суровымъ. Приказанія, отданнаго съ такимъ выраженіемъ, нельзя ни измѣнить, ни ослушаться. «Такому» необходимо только подчиниться.

— Я пойду къ первому батальону и лично поведу его. Тамъ всѣ старшіе выбыли, командуетъ поручикъ. А вы, капитанъ Новиковъ, какъ только услышите оттуда ура, ведите въ штыки.

— Слушаю-съ, господинъ полковникъ,—отвѣтилъ я.

Хотя стоялъ сплошной грохотъ отъ орудійной пальбы—наша артиллерія подготавливала штыковую атаку—однако, ближніе солдаты слышали слова командира. Я понялъ это по ихъ лицамъ: они посуровѣли, стали похожими на полковничье.

Мелькнула было мысль, что надо сказать своимъ людямъ какое-то ободряющее, геройское слово. Какое?.. И слѣдомъ пронеслась другая: «А, да не все-ли равно!

Какія къ чорту слова, когда начинается «главное»—«роковое!»...

Высоко надъ головами лопнула шрапнель. Зловѣщій и отвратительный, какъ ножомъ по стеклу, звукъ лета метнулъ мысль въ другую сторону: «Что ждетъ черезъ часъ?.. Смерть? Торжество побѣды?»...

— Однако, предупредить все-таки нужно,—подумалъ я, спустя минуту, и сказалъ громко:—Батальону изготовиться къ штыковой атакѣ!.. Передать голосомъ вдоль цѣпи.

— Батальону изготовиться къ штыковой атакѣ!—крикнули ближніе.

— Батальону изготовиться...—подхватили дальше.

Ротныя цѣпи, залегшія вдоль ручья и по гребню холма, зашевелились. Кое-кто крестился, другіе дѣловито подтягивали какіе-то ремешки въ амуниціи, оправляли фуражки, рубахи.

И стихли. Даже пальба на минуту присмирѣла.

Съ чѣмъ бы сравнить это душевное состояніе передъ ударомъ въ штыки. Передъ тѣмъ роковымъ мгновеніемъ, когда вы должны подняться и побѣжать прямо на пулеметы, на картечь, на колючую тугую проволоку, на встрѣчную массу людей, въ свою очередь убивающихъ штыками. Страхъ? Нѣтъ, это не то,—страха нѣтъ. Жуть? Тоже нѣтъ. Отчаянность? То состояніе, когда все равно? Опять-таки нѣтъ.

Я бы сказалъ, что въ этомъ моментѣ есть единое, безраздѣльно васъ захватившее чувство ожиданія. По остротѣ и силѣ это мгновеніе ни съ чѣмъ не сравнимо, но ужъ если сравнивать, то, пожалуй, есть нѣчто психологически-родственное въ томъ короткомъ мигѣ, который отдѣляетъ блескъ молніи отъ удара грома. Грозовой зигзагъ какимъ-то колдующе-яркимъ свѣтомъ

ослѣпилъ ваше сознаніе—и замеръ. Одна единственная мысль поглотила все ваше существо: «Вотъ грохнетъ! Вотъ грохнетъ!»... Передъ стихійной силой этого «ожиданія» вы приникли, безпомощны. Только оно—напряженное, околдовавшее и мозгъ, и нервы, мистически поработившее разумъ...

Волевые, закаленные люди ждутъ съ сосредоточеннымъ, суровымъ лицомъ; слабые не выдерживаютъ—затыкаютъ уши, прячутся съ головой.

Тоже самое передъ штыковой атакой:

— Вотъ сейчасъ!... Сію минуту!.. Еще мигъ и!..

И нѣтъ никакихъ размышленій, нѣтъ гаданій, совершенно отсутствуетъ «оцѣнка» положенія или взвѣшиваніе опасности. Надвигается на васъ «неотвратимое»—и вы не въ силахъ уклониться. Лишь безсознательно, спрятавшееся въ глубокій тайникъ души, теплится Іисусово моленіе: «да минуетъ меня, Господи!»

...«Ура» донеслось.

Я вскочилъ, точно бы какой-то пружиной меня механически вытолкнули изъ углубленія на гребешокъ холма.

— За мной, братцы! Урра!

Ноги сами бѣжали. Попалась канава—я даже не пріостановился. Ни на какомъ состязаніи я не сдѣлалъ бы такого прыжка.

Рядомъ со мною бѣжалъ здоровый солдатъ, отчаянно сопя носомъ. Я нѣсколько разъ взглянулъ на него. И странно: уже долго спустя, лежа раненымъ, я мучительно вспоминалъ—кто это такой, съ такимъ знакомымъ и въ то же время неузнаваемымъ лицомъ? Лишь придя къ заключенію, что это правофланговый седьмой роты Савельевъ, я успокоился. Сосредоточенное, взволнованно-напряженное лицо человѣка, несу-

щаго смерть и идущаго на-смерть. По сравненію съ обыденнымъ лицомъ Савельева, оно такъ же измѣнилось, какъ измѣнился бы въ нашемъ представленіи обыкновенный шаръ голландскаго сыра, начиненный на нашихъ глазахъ гремучей ртутью, ежеминутно грозящей взорваться.

Двѣсти шаговъ, отдѣлявшіе насъ отъ австрійскихъ окоповъ, растянулись безконечно длинно. Бѣжимъ, а все далеко еще.

— Ахъ, чтобъ тебѣ!...

Оглянулся: Савельевъ упалъ, дѣлаетъ усиліе подняться и не можетъ. Лицо все такое же—сопящее, знакомо-чужое.

И вдругъ стали.

— Что такое?!.. Впередъ! Урррa!!

— Сѣть!..

Какая сѣть? Господи, олухи, олухи! Задерживаться въ такую минуту!..

Натыкаюсь, падаю и разомъ соображаю: сѣть проволочная.

— Рѣжь ножницами! У кого нѣтъ—рви!

Самъ я изступленно рублю сѣть шашкой. Проволока точно гуттаперчевая: поддается, никнетъ до земли, а послѣ опять выпрямляется, какъ ванька-встанька.

— Ахъ, ты, подлая! Ахъ, проклятая!..

Пули дождемъ. Не изъ винтовокъ, не отдѣльными свистящими позваниваніями — летятъ тысячи. Оглядѣлся—не батальонъ, а горсточка.

— Подтянись, братцы! Рви!

Зачѣмъ кричу—самъ не знаю. Все равно за грохотомъ крика моего не слышно, да и не нуженъ онъ: солдаты безъ подбадриваній работаютъ съ судорожной быстротой.

Какіе-то новые люди окружаютъ насъ, кидаются на сѣти, опережаютъ. Все такъ дико, такъ суматошно, что еле-еле соображаю: догналъ свѣжій батальонъ.

— Урра! Урррра!..

— Братцы мои, вправо - то прорвались!—кричитъ надъ ухомъ чей-то голосъ.

Дѣйствительно, правая колонна уже лѣзетъ въ окопы. Гдѣ-то, что-то умолкло, стало тише, словно бы самый день прояснился.

Сколько времени мы провозились съ проволокой—сказать затрудняюсь. Ощущеніе времени совершенно утратилось. Можетъ быть полчаса, часъ, а возможно—нѣсколько минутъ. Падали люди слѣва, падали справа, повисали на загражденіи. Били насъ въ упоръ, въ лицо, съ страшнымъ проворствомъ.

И вновь:

— Урррa!..

Это ужъ нашъ чередъ—прорвались!

Я кинулся на брустверъ, вверху споткнулся, захотѣлъ вскочить, но почувствовалъ невыносимую боль въ колѣнкѣ. Послѣднимъ впечатлѣніемъ осталось, будто я скатываюсь съ окопа куда-то впередъ, а чьи-то сапоги топчутъ мою ногу, и отъ боли я теряю сознаніе.

* * *

Темно, холодно, накрапываетъ чуть слышно дождикъ. Нога занѣмѣла, но если я шевелюсь, то боль скрежещущая, заставляющая стискивать зубы. Подъ впечатлѣніемъ этой боли, этой гнетущей темноты и холодной, нижущей насквозь сырости,—я очнулся.

Меня трясетъ. Отъ раны-ли это или отъ дождя, отъ холодной, мокрой земли—не знаю.

3*

Убиваетъ меня моя абсолютная безпомощность. Если бы сію минуту меня взяли на носилки и перевязали, уложили, то, я увѣренъ, подавленное настроеніе смѣнилось бы покоемъ.

Я стараюсь размышлять безъ преувеличеній.

Что жъ, въ сущности, все до удивительности просто. Ну, ранили, покалѣчили ногу—ничего ужаснаго. И дома я могъ заболѣть, могъ упасть, сломать кость. Мало-ли чего не бываетъ! Нужно лѣчиться, полежать, слушаться врача—только всего. Пройдетъ! Хирургія теперь творитъ чудеса. Не ногу, а сердце оперируютъ, сшиваютъ...

Вотъ подберутъ-ли,—это вопросъ!..

Дождикъ тихо шлепаетъ, тѣло коченѣетъ...

Ахъ, если бы не боль, если-бы я могъ свернуться калачикомъ, подобрать выше колѣни! Это вышло-бы чертовски удобно. Полой кителя я укрылъ-бы голову, надышалъ-бы тепла. А такъ, въ неловкой вывернутой позѣ, конечно ничего не сдѣлаешь...

Разумѣется, меня должны подобрать, и скоро. Объ этомъ не можетъ быть и рѣчи. Если бы стычка была случайная, удаленная отъ главныхъ силъ, тогда другое дѣло. Но здѣсь, въ центрѣ боя, гдѣ пали тысячи—сюда придутъ! Нужно лишь нѣкоторое терпѣніе. Замѣшкались, можетъ быть, по случаю темноты, или нѣтъ подъ рукой достаточнаго числа санитаровъ. Нервничанье не у мѣста, да и не поможетъ...

А дождь все шлепаетъ. Откуда это наказаніе! Ни вчера, ни третьяго дня его не было. Бои безпрерывно шли, но погода стояла хорошая. Точно поджидала, подлая, когда ранятъ меня, капитана Новикова.

Проклятое невезенье!...

Мысли идутъ сумрачныя, то злыя, то вялыя, без-

различныя. Я стараюсь взять свое самочувствіе въ руки и послѣдовательнымъ разборомъ вещей и причинъ доказать себѣ, что ничего исключительно худого со мной не произошло.

Однако, порой логическій ходъ мысли нарушается какими то дикими образами, непреоборимыми предчувствіями. Должно быть это лихорадка мутитъ мой разумъ. Минутами же я засыпаю—тогда все отлично, тепло, уютно. Какое это было бы счастье—проснуться не въ грязной лужѣ, а на лазаретной койкѣ! . . . . Чей то пронзительный крикъ прервалъ тишину ночи. Мое оцѣпенѣніе исчезло. Слушаю, догадываюсь—что это?..

— О, о, о! За что?! Боже мой! Спасите!..

Крикъ такъ страшенъ и въ словахъ столько ужаса, безнадежной мольбы, что меня стало колотить дрожью. Кто кричитъ въ кромѣшной тьмѣ? Раненый? Въ предсмертной мукѣ? Въ бреду?.. А что, если это еще ужаснѣе? Если?...

Я хочу сдержать дрожь, слиться съ землей, стать недвижимымъ, какъ трупъ—и не умѣю: тѣло дергается, бьется, будто въ падучей.

И вдругъ слышу совсѣмъ близко, отчетливо:

— Христопродавцы... Иродово отродье!.. А на судѣ что отвѣтишь?

Голосъ хриплый, злобный, жуткій.

Все еще боясь понять смыслъ происходящаго, приподнимаюсь на локтѣ. Шагахъ въ десяти тускло свѣтитъ огонь фонарика. Какія-то тѣни идутъ, останавливаются, склоняются, шарятъ.

— На крестъ! Бери! Рѣжь, Иродъ!—вскрикиваетъ тотъ же голосъ и, слышно, тамъ идетъ послѣдняя неравная борьба.

Стихло. Фонарикъ скрылся. Потушили его, чтобы дѣлать свое злодѣйское дѣло въ абсолютной тьмѣ или ушли въ сторону?..

— Господи, не допусти!.. Отврати, Господи!—беззвучно шепчутъ губы.

Идутъ, идутъ!.. Доносится змѣиный шопотъ—характерная, шипящая нѣмецкая рѣчь. О чемъ они совѣщаются? Чего хотятъ?.. Крадутся, ищутъ!.. Боже, Боже, неужели смерть подъ подлымъ ножомъ!..

И вдругъ мысль, яркая, рѣшительная:

— О чемъ же я думаю? Защищаться, бороться! Гдѣ мой револьверъ, мой наганъ?.. Эта разбитая колѣнка сдѣлала меня бабой!...

Я достаю кобуру изъ-подъ раненой ноги. Боль такая, что въ головѣ мутится, ручьемъ бѣжитъ слюна. Затошнило, пошли, завертѣлись пламенные круги. На минуту я безпомощно падаю, но снова собираю силы и подымаюсь на локтѣ.

Вотъ онъ—наганъ. Нѣтъ, подлецы, капитана Новикова вы не возьмете такъ просто! Посмотримъ еще!..

А они идутъ. Ближе, ближе... Завозились надъ кучей тѣлъ. Теперь я ясно различаю, что ихъ четверо. Лицъ разсмотрѣть не могу—фонарикъ тускль.

Нагнулись, обыскиваютъ, слышно пыхтѣнье. И опять зашептались.

— Ой, ратуйте! Рату!..—леденяще-дико крикнулъ пронзительный голосъ.

Какъ мухи отъ взмаха, кинулись злодѣи вразсыпную. Стихло. Вопль оборвался на полусловѣ, смѣнился хрипомъ и какимъ то бормотаньемъ.

Я забылъ про дрожь, про боль. Гляжу до рѣзи въ зрачкахъ—вернутся ли?..

О, подлыя, трусливыя собаки! Они отлично пони-

маютъ свое превосходство въ силѣ. Крадучись, пригнувшись, возвращаются къ тому же мѣсту. Кидаются сразу. Бормотанье и хрипъ оборвались—лишь забулькало что-то, заклокотало.

Съ неимовѣрными усиліями я устанавливаю на землѣ пистолетъ, навожу дуло въ ту сторону. На-вѣсу цѣлиться не могу—руки слабы, дрожатъ.

— Разъ, разъ!.. Еще разъ!..—ни звука.

Въ изнеможеніи, кусая губы, чтобы не взвыть, я покорно опрокидываюсь на землю. Силы нѣтъ. Нажимаю спускъ—онъ лишь чуть сдвигается. Для выстрѣла я слишкомъ ослабѣлъ.

— Значитъ, какъ же?—мелькаетъ безпомощная мысль.—Пусть рѣжутъ?..

Трясетъ меня, трясетъ!.. За что-же это, Господи? Не дай меня, защити!.. Христопродавцы, проклятые!.. Такъ рѣжьте же, мучьте! . . . . Словно бы вызванный таинственной силой моего призыва, моего безмѣрнаго смертельнаго отчаянія, донесся откуда то шумъ голосовъ, топотъ.

— Спасите! Ко мнѣ!.. Спасите!..

Крикъ рвется наружу самъ собой, возносится высоко къ слезящемуся небу и вмѣстѣ съ моимъ сознаніемъ падаетъ въ бездонную пропасть...

. . . Позже разсказывали, что налетѣвшій разъѣздъ переловилъ и здѣсь же разстрѣлялъ свыше пятидесяти непріятельскихъ мародеровъ.

ХИТРЕЦЫ

ХИТРЕЦЫ.

Компанія нѣмецкихъ офицеровъ-развѣдчиковъ отдыхала послѣ завтрака. Руководитель развѣдки, штабной майоръ фонъ-Кирстенъ солидно курилъ сигару, отхлебывалъ изъ стакана сладкій кофе и упорно, не мигая, разсматривалъ разложенную на столѣ карту.

Оберъ-лейтенантъ Гофшмидтъ, прозванный за свою неизсякаемую энергію, выносливость и жестокость «Некротимымъ», спорилъ съ товарищемъ о превосходствѣ манлихеровской магазинки надъ маузеровской. Чтобы завершить споръ опытами, они поставили дорогой инкрустированный столикъ на ребро и открыли стрѣльбу по шахматнымъ квадратикамъ.

— Прекратите, господа, — съ неудовольствіемъ сказалъ майоръ. — Не время.

Лейтенанты повиновались, но въ душѣ каждый подумалъ, что этотъ «франтъ» изъ штаба слишкомъ много себѣ позволяетъ. Не обижай населенія, за каждаго цыпленка расплачивайся, не смѣй трогать имущества... Ни на что не похоже! Самодурство!..

Какъ бы понявъ мысли, заставившія лейтенантовъ

оборвать споръ и сдѣлавшія ихъ лица суровыми, майоръ сказалъ примирительно:

— Мы находимся въ исключительномъ положеніи. Уйдя отсюда, мы обязаны оставить по себѣ добрую память. Отъ этого зависитъ дальнѣйшій нашъ успѣхъ!

Пожалуй, майоръ правъ. А жаль! Въ помѣщичьемъ домѣ видимо-невидимо всякаго добра. Чудесные ковры, въ которыхъ, какъ въ лѣсномъ мху, тонетъ нога. Великолѣпные гобелены, старинные, ручной работы, вѣроятно бывшіе свидѣтелями магнатскаго безудержа еще въ державную эпоху панства...

Ужасно жалко! Съ какимъ шикарнымъ трескомъ посыпалась бы вся эта позолота, весь этотъ лоскъ и блескъ спесиваго польскаго барства... Соблазнительно, чортъ возьми, запустить этакій сногсшибательный фейерверкъ, о которомъ можетъ быть правнуки помнили бы! Одинъ добрый пукъ соломы сдѣлалъ бы репутацію оберъ-лейтенанта еще «неукротимѣе», а то, не угодно ли еще довести до конца развѣдку! Да и выйдетъ ли какая-нибудь изъ нея польза?.. Охапка соломы и полбанки керосина — это куда проще!

Гофшмидтъ легъ на диванъ, опять оглядѣлъ холодными глазами богатое убранство помѣщичьяго покоя и подумалъ съ досадой:

— Эти штабные черезчуръ умничаютъ.

За окнами нехотя падалъ снѣгъ. Откуда-то изъ дальнихъ комнатъ доносились, заглушенные стѣнами, взрывы раскатистаго солдатскаго хохота и взвизги женщинъ. Оберъ-лейтенантъ подумалъ съ завистью:

— Ишь, подлецы! Сказано имъ — не трогать бабъ! Пойду-ка, дамъ имъ подзатыльника.

Оживившись отъ предвкушенія «выручки» женщинъ, попавшихъ въ солдатскія лапы, Гофшмидтъ вскочилъ

съ дивана. Майоръ поглядѣлъ на него вскользь и сказалъ:

— Вотъ обратите вниманіе. Если бы намъ узнать, что дѣлается въ этомъ районѣ, то мы вернулись бы съ прекрасными свѣдѣніями. Блестящая развѣдка!

Майорскій палецъ чертилъ на картѣ какой-то кружокъ, оберъ-лейтенантъ нетерпѣливо мялся и молчалъ.

— Чего они тамъ развозились, негодяи! Подите и скажите имъ, чтобы пальцемъ не смѣли трогать.

— Слушаю, господинъ майоръ.

Сначала громко хлопая дверьми, а затѣмъ все тише, почти крадучись, шелъ Гофшмидтъ черезъ безчисленныя комнаты панскаго дворца. Застать бы ихъ, чортъ возьми, на мѣстѣ преступленія!.. Какъ прошлый разъ въ Праснышѣ. Ха, ха, ха! Потѣха!..

Ближе, яснѣй. Слышны отчетливо и визги, и возгласы. Эти скоты не скучаютъ! Надъ ихъ душой не торчитъ конфектная штабная «дипломатія».

— Это что?! Приказаніе забыли?! — рявкнулъ оберъ-лейтенантъ, появляясь въ дверяхъ.

Разомъ стихло, солдаты вскочили и вытянулись. Двѣ здоровыя, толстощекія работницы, повидимому, вдребезги пьяныя, остались сидѣть и тупо улыбались. Онѣ не понимали по-нѣмецки и ихъ одураченное коньякомъ сознаніе уже не поддавалось впечатлѣнію опасности.

— Проше пана, — сказала одна, дѣлая усиліе встать.

Онѣ не умѣли отличать солдата отъ офицера и имъ чуть не силой вливали въ ротъ коньякъ. Не итти же имъ на смерть изъ-за упрямства!

— Пшепрашамъ, милостивый панъ!

А пальцы не слушаются и никакъ не могутъ застегнуть на груди кофточку.

— Мы ничего, господинъ оберъ-лейтенантъ. Мы вотъ допрашивали плѣннаго, — нашелся унтеръ-офицеръ.

— Какого? Вотъ этого?

Посреди комнаты стоялъ мужиченко въ измазанномъ полушубкѣ, съ рыжей всклокоченной головой. Лицо его склабилось въ масленую, придурковатую улыбку, глаза смотрѣли добродушно, безъ капли страха.

— Кто такой?

— Нашли на конюшнѣ въ сѣнѣ. Говорятъ, конюхъ.

— Что же вы съ нимъ дѣлаете?

— Онъ русскій. Недавно былъ со своимъ паномъ за Лодзью у самой Варшавы — такъ мы думали, не скажетъ ли онъ чего-нибудь интереснаго.

— Ага, у Варшавы? Отлично. Идемъ за мной... А вы тутъ прекратите сію минуту безобразіе. Чтобы духу ихняго не было.

Работницамъ объяснили жестами, подтолкнули и, пьяно-обрадованныя, онѣ убѣжали.

— Ступай за мной.

Мужиченко стоялъ, продолжая склабиться.

— Иди за господиномъ офицеромъ, — подсказалъ одинъ изъ солдатъ.

Походка, движенія, весь видъ этого конюха были какіе-то несуразные, смѣшные. Словно бы всѣ шарнирчики въ его суставахъ развинтились и каждый дѣлаетъ что хочетъ, не повинуясь законамъ единства и осмысленности.

— Не угодно ли, какую я откопалъ фигуру! — со смѣхомъ проговорилъ оберъ-лейтенантъ, вталкивая мужика. — Былъ подъ Варшавой, все видѣлъ и, кажется, совсѣмъ дуракъ.

Фонъ-Кирстенъ долго и холодно глядѣлъ на него

и, желая огорошить, спросилъ по-русски чисто и отчетливо:

— Ты не изъ шпіоновъ ли?

— Ась?

— Я спрашиваю, ты не служишь въ русскомъ бюро развѣдки?

— То-ись, какъ?

— Фу, оселъ! Тебѣ деньги платятъ?

— Деньги-съ? А какъ же, семь рублевъ въ мѣсяцъ получаемъ. На хозяйскихъ харчахъ.

По лицу майора расплылась довольная улыбка. Дѣйствительно, мужикъ глупъ. Если онъ что-нибудь знаетъ, то, пожалуй, не трудно выпытать.

— Ты давно былъ въ Варшавѣ?

— Въ Варшавѣ то? Ого! Почитай, три года, какъ былъ.

— Ты кто? Кѣмъ служишь?

— Конюхъ-съ. У здѣшняго пана въ конюхахъ.

— Ну, и куда же ты съ паномъ ѣздилъ?

— Ѣздили-то? Далеко ѣздили. Въ имѣніе Культяпки ѣздили. На конскій заводъ паровать жеребчиковъ.

— На лошадяхъ ѣздили?

— На лошадяхъ же, въ бричкѣ. Дороги усѣ заняты.

— Чѣмъ онѣ заняты?

— Усѣ подъ войско взяты. Тьма-тьмущая!

— Все солдаты?

— Скрозь солдаты. Идутъ и идутъ, конца-краю нѣту.

— Такъ что проѣхать невозможно?

— Чего не проѣхать? Ѣдутъ которые.

— Фу, болванъ! То говорилъ «дороги заняты», а теперь: «ѣдутъ»... Ты, братъ, у меня не вертись!

Мужиченко замигалъ, потоптался, оробѣлъ.

— Я, то-ись, что же? Мое дѣло маленькое.

Майоръ всталъ, прошелся, успокоился.

— Просто идіотъ какой-то, — сказалъ онъ по-нѣмецки. — Русскіе мужики сплошь такіе.

Конюхъ оправилъ полушубокъ и съ опаской взглядывалъ поочередно на офицеровъ.

— Я, баринъ, что же? Я развѣ причиненъ?

— Ну, ну! Не бойся, братецъ. Ничего худого тебѣ не будетъ. Ты денегъ хочешь?

— Ась?

— Деньги тебѣ нужны?

Глаза мужиченки блеснули, лицо стало жалобнымъ.

— Наши, баринъ, какіе же достатки? Можно сказать, завсегда въ нуждѣ. Голодъ терпимъ.

Майоръ пошарилъ въ вьючномъ чемоданѣ, вытащилъ кожаный мѣшочекъ и высыпалъ на столъ новенькіе серебряные рубли и золото.

— Хочешь?

Мужикъ даже шагнулъ впередъ.

— Ежели ваша такая милость...

— Сію минуту я тебѣ отвалю пятьсотъ цѣлковыхъ. Слышишь, чистоганомъ пять сотенныхъ, — говорилъ нѣмецъ, щеголяя настоящими русскими словами. — Но только ты долженъ говорить мнѣ всю чистую правду. Согласенъ?

— Батюшка баринъ, да рази я?!. О, Господи!

— Жадная свинья! — пробормоталъ оберъ-лейтенантъ, ни звука не понимавшій по-русски, но догадывавшійся въ чемъ дѣло.

— Такъ вотъ... Во-первыхъ, куда именно вы ѣздили съ паномъ?

— Я же говорю—въ Культяпки ѣздили.

— Это гдѣ?

— Далеко! Верстовъ, полагать, шестьдесятъ!

— Войскъ тамъ много?

— Видимо-невидимо. Будто насыпало!

— Въ поѣздахъ ѣдутъ?

— И ѣдутъ, и гономъ ихъ гонятъ. Антилерія какъ пойдетъ, то по получасу ждемъ.

— Куда же они направляются?

Мужиченко развелъ руками.

— Нѣшто они говорятъ? Сказывали, драться идутъ. На нѣмца...

— Но куда, куда? На западъ? Или на сѣверъ?

— На полночь больше держатъ.

— Что?

— На полночь. Вонъ туды.

— Ага, къ сѣверу? Къ сѣверо-западу? Такъ...

Нѣсколько минутъ длилось молчаніе. Майоръ отмѣчалъ что-то на картѣ.

— Теперь вотъ что, милый. Пятьсотъ рублей я тебѣ выдамъ, но это пустяки. Ты, если хочешь, можешь заработать цѣлое состояніе. Понимаешь, землю можешь себѣ купить, домъ, хозяйство. Тысячи! Понялъ?

Мужиченко весь напрягся. Даже развинченность словно бы какъ-то уладилась.

— Дѣло же вовсе нетрудное. Ты не знаешь ли здѣсь какого-нибудь потайного мѣста? Чтобы вдали отъ любопытныхъ глазъ?

— Не возьму въ толкъ.

— Ну, лѣсокъ какой-нибудь. Или одинокая изба.

— Есть. Пошто не быть лѣску?

— А говорить по телефону ты умѣешь?

— Чего-съ?

— По телефону? Аппаратъ такой.

— Это ужъ увольте. Не могу знать. Мы темные.

— Ну, ладно. Я научу. Дѣло простое: лежитъ, скажемъ, трубка, а ты взялъ ее и говори своимъ обыкновеннымъ голосомъ. Я буду за нѣсколько верстъ и все услышу.

— Такъ, такъ. Слыхалъ, будто есть такая механика.

— Прекрасно. Это мы наладимъ. Отъ тебя потребуется пустое. Какъ придутъ сюда русскія войска или какъ только услышишь о нихъ—сейчасъ же скажешь все по телефону. За каждое сообщеніе будешь получать по триста рублей наличными. Согласенъ?

— А какъ они сдогадаются?

— Чего тамъ! Ты дѣлай осторожно, съ толкомъ.

Мужикъ покраснѣлъ, заволновался. Въ лохматой его головѣ, видимо, боролись противорѣчивыя соображенія. И вдругъ, кинувъ шапку о-земь, онъ съ рѣшимостью проговорилъ:

— Идетъ! По рукамъ! Только, гляди, безъ надувательства, баринъ.

— Зачѣмъ надувать? Заработалъ—и получай.

— А отъ кого?

— Тутъ есть одинъ вѣрный человѣчекъ.

— Идетъ!..

— До вечера ты присмотри удобный тайникъ и въ эту же ночь мы поставимъ телефонъ. Только не мѣшкай. Нужно время, чтобы провести и спрятать проводъ.

— Слушаю-съ. Я, баринъ, сей же минутъ пойду на досмотръ. Мѣста есть! Какъ не быть!..

Когда конюхъ вышелъ, то майоръ хитро подмигнулъ офицерамъ, засмѣялся и проговорилъ, смакуя:

— Готово! Вотъ какъ обдѣлываются настоящія дѣла.

— А и мерзавецъ же этотъ мужикъ! — брезгливо процѣдилъ оберъ-лейтенантъ.—Попробовали бы русскіе подкупить хоть одного нѣмца!

— Кто знаетъ?—философически возразилъ начальникъ.

— О, я готовъ прозакладывать голову, что среди германцевъ нѣтъ измѣнниковъ!

— Можетъ быть... Хотя, какъ можно рисковать головой въ такой невѣрной сдѣлкѣ?.. Но не въ этомъ дѣло. Нужно, господа, приготовиться къ ночной работѣ. Предстоитъ прокладка телефоннаго провода по крайней мѣрѣ верстъ на пятнадцать. Днемъ объ этомъ и думать нельзя.

— Пожалуй, на недѣлю затянется.

— Вздоръ! Въ отрядѣ сто двадцать человѣкъ—въ три ночи кончимъ.

— А снѣгъ все сравняетъ, все прикроетъ, — добавилъ лейтенантъ.

До самаго вечера майоръ фонъ-Кирстенъ мурлыкалъ подъ носъ «маршъ кайзера» и былъ въ отличнѣйшемъ расположеніи духа. Удачный, чортъ побери, денекъ! Кому придетъ въ голову подозрѣвать въ шпіонствѣ этого мужиченку, на видъ совершенно идіота? И вѣдь сколько въ немъ жадности! Нѣтъ, какъ бы ни убѣждали русскіе варвары, что они европейцы, но факты доказательнѣе словъ. Только въ полудикомъ народѣ способны родиться такіе типы. Только въ средѣ азіатовъ можетъ воспитаться этакій экземпляръ дикаря! О, культура—великая вещь! Тѣмъ или другимъ способомъ, но она отдаетъ власть въ достойныя руки. Алчность, косность, безнравственность, аморальность — все должно быть использовано культурнымъ противникомъ!..

. . . .

4*

Снѣгъ падаетъ тихо и лѣниво. Пухлый и нѣжный, онъ лежитъ ровной дѣвственно-чистой скатертью. Будто громадный гладкій столъ накрытъ для какого-то сказочнаго пира. Чтобы лѣсъ не зашумѣлъ, не нарушилъ торжественной тишины своими вымерзшими вѣтвями— его ласково и терпѣливо, какъ мать младенца, укутываетъ небо въ бѣлоснѣжный пухъ. Каждый сучокъ, каждый стволъ—отдѣльно. И столько мастерства, столько ловкости, столько безконечной любви къ красотѣ вложено въ этотъ блистающій уборъ, что даже привыкшіе ни съ чѣмъ не церемониться нѣмцы, словно бы, совѣстятся топтать его: идутъ гуськомъ, тулясь къ опушкѣ, боясь сдѣлать лишній слѣдъ.

— Ну, а мѣсто это дѣйствительно потайное?

— Мѣсто то? Ого! Въ носъ не кинется. Скажемъ, идетъ загонъ для табуна, со всѣхъ сторонъ огороженный. Стоитъ сѣно скирдами, навѣсы, а тутъ же и сторожка пріютилась для конюха. Рази кто надоумится? Отъ деревни четыре версты. Посереди поля между перелѣсками.

— Молодецъ, братъ. Изъ тебя, я вижу, выйдетъ прокъ. Часть я выдамъ тебѣ авансомъ.

— Ась?

— Говорю, нѣсколько сотъ впередъ дамъ.

— Много благодарны, баринъ. Это правильно, потому работа моя, какъ сами видите!..

Мужикъ идетъ впереди, за нимъ майоръ, офицеры и весь отрядъ. Снѣгъ запорошилъ и окуталъ въ бѣлое всѣ фигуры—онѣ точно слились въ одномъ цвѣтѣ.

Проводникъ изрѣдка остановится, присядетъ на корточки, вглядывается. Выжидаетъ и присаживается за нимъ вся шеренга.

— Ты чего собственно боишься?—спросилъ майоръ

— Всего боюсь, ваша милость. Одинъ худой глазъ доглядитъ—конецъ всему нашему дѣлу.

И видитъ майоръ фонъ-Кирстенъ, что этотъ развинченный мужиченко вовсе не такой ужъ круглый дуракъ. Если и дуракъ, то очень хитрый.

— Это ничего, это часто уживается въ тваряхъ низшаго порядка—ограниченность и хитрость,—думаетъ офицеръ.—Это даже отлично: шпіонъ чѣмъ хитрѣе, тѣмъ цѣннѣе.

— Глянько-сь, вонъ и скирды видать.

Майоръ напрягаетъ зрѣніе, но ничего не умѣетъ разобрать—все бѣло. И совершенно внезапно уперлись въ высокую ограду.

— Пришли,—тихо сказалъ проводникъ.—Мѣсто глухое, одначе я сбѣгаю, посмотрю—нѣтъ ли кого чужого.

Отрядъ подтянулся къ стѣнѣ загона. Солдаты отряхивались, кое-кто закурилъ подъ полой трубки и папиросы. Зашептались. Вынужденное напряженное молчаніе утомило больше ходьбы.

— Не шумѣть!—приказалъ начальникъ и шопотомъ спросилъ оберъ-лейтенанта:—Вы предупредили ихъ, чтобы изготовились къ прокладкѣ?

— Все приготовлено, господинъ майоръ.

Изъ-за ограды показалась голова мужика.

— Баринъ, а баринъ! Гдѣ вы?

— Здѣсь.

— Лѣзьте сюды.

— Развѣ нѣтъ воротъ?

— Неча здря слѣдить. Снѣгъ мягкій.

— Экій хитрецъ!—уже чуть ли не восторгаясь своей находкой, подумалъ фонъ-Кирстенъ.—Молодчина! Правильно разсуждаетъ.

Майора подсадили, слѣдомъ за нимъ оберъ-лейтенанта и лейтенанта. Потомъ другъ за другомъ вспрыгивали солдаты и мягко шлепались въ снѣгъ.

Высокимъ бугромъ возвышалась въ нѣсколькихъ шагахъ скирда. Проводникъ позвалъ:

— Сюды, ваша честь, за мной.

Майоръ быстрой походкой завернулъ за уголъ, но точно споткнулся обо что-то и упалъ. Страшная тяжесть навалилась на него сверху, чьи то руки сдавили горло, зажали лицо.

— Предательство! Назадъ!—хотѣлъ онъ крикнуть, но только глухо, невнятно захрипѣлъ.

Нѣсколько минутъ рядомъ слышалась какая-то возня. Послѣ вдругъ грохнулъ залпъ, бойко и четко заговорили винтовки.

— Бери на руки! Неси!—приказалъ чей-то голосъ.

Сбоку громко, заглушая пальбу, оралъ терпкій грохочущій басъ:

— Да коноводовъ, коноводовъ не упустите! Бери живьемъ чортовыхъ дѣтей!

Ноги майора безпомощно трепыхались въ воздухѣ. Пара здоровенныхъ рукъ держала его, какъ въ тисскахъ, и куда-то несла отъ мѣста схватки.

Потомъ всѣ трое—майоръ и его офицеры—очутились въ темной холодной комнатѣ, совершенно пустой. Руки ихъ были связаны, оружіе отобрано. По сопѣнью, по срывающимся ругательствамъ они узнали въ темнотѣ другъ друга, но не обмолвились ни словомъ. Только у «Неукротимаго» вырвалось:

— Проклятый идіотъ!—и остальные поняли, что относится это не столько къ русскому мужику, сколько къ «конфектному франту», присланному изъ штаба.

— Укротили Неукротимаго!—съ злорадствомъ подумалъ въ отвѣтъ майоръ.

Утромъ ихъ развязали, дали по стакану чая съ булками и повели «на допросъ», какъ предупредилъ конвойный.

Комната, въ которую ихъ ввели, оказалась тою же самой, гдѣ наканунѣ состоялась сдѣлка съ конюхомъ. Гобелены, ковры, штофные старинные диваны и кресла.

Вошелъ невысокій стройный офицеръ со значкомъ генеральнаго штаба. Его ярко рыжіе волосы были гладко причесаны съ прямымъ проборомъ сбоку. Майоръ взглянулъ и что-то знакомое мелькнуло въ глазахъ этого вылощеннаго русскаго офицера. Насмѣшливое и умное, но удивительно схожее съ хитростью давишняго мужика.

— Потрудитесь сказать, какъ васъ зовутъ и какой вы части, г. майоръ?—офиціальнымъ тономъ на прекрасномъ нѣмецкомъ языкѣ началъ допросъ офицеръ.

А майоръ подумалъ:

— Чортъ ихъ знаетъ! Въ этой звѣриной странѣ они всѣ похожи одинъ на другого.

КАЗАЧЬЯ РАБОТА

КАЗАЧЬЯ РАБОТА.

Нашъ полкъ прошелъ Львовъ и получилъ дневку. Было это очень кстати. Пока въ дѣйствіи, въ движеніи, то замѣчать разныхъ мелочей и пустяковъ некогда. То обыскивали деревни, то сгоняли въ тылъ плѣнныхъ, а то полтора дня перемѣнными аллюрами заходили влѣво, на югъ, и послѣ ударили на австрійскіе фланговые кордоны.

Какъ разъ въ эту пору армія Брусилова сломила ихъ у Гнилой Липы. Когда они побѣжали къ Львову и Городку, то нашъ полкъ очутился у нихъ наперерѣзъ—они наткнулись на насъ.

Дважды удалось заскочить въ ихніе обозы. Что тамъ творилось — разсказать нѣтъ возможности. Кони рвутся, люди кричатъ, повозки переворачиваются — столпотвореніе! Какъ увидятъ насъ, то словно бы теряютъ разсудокъ, мечутся изъ стороны въ сторону. Толку, конечно, никакого: сворачиваютъ съ дороги, лупятъ лошадей, всякъ норовитъ проскочить впередъ, а проскочить некуда, такъ какъ сами же все сплошь загромоздили обозами. Впрочемъ, все это только въ

первыя минуты: какъ протянутъ вверхъ руки, покорятся, то сейчасъ же и успокоятся. Одни волы въ упряжкѣ держатъ себя съ достоинствомъ: стоятъ, жуютъ, важные, точно бы они всѣмъ посторонніе въ этой кутерьмѣ.

Ну, какъ сами понимаете, спать въ такую пору нельзя. Измотались, истрепались, наморились до послѣдней крайности.

Дневка, словомъ, пришлась въ пору.

Для казака первое—конь. Обчистили, вымыли, наладили ковку, гдѣ подбито—смазали мазью, пустили въ прохладу на волю. Послѣ обмылись, обстирались сами—и спать!

Говорили, будто всѣ австрійцы, вмѣстѣ съ генералами, забраны въ плѣнъ. Казаки, ѣздившіе съ донесеніями въ штабъ, слышали, что не только у Городка, а и подъ Бужскомъ, подъ Равой Русской, подъ Каменкой — всюду ихъ побили и взяли живьемъ несмѣтное число. Поэтому, молъ, отдыхъ намъ данъ на три дня. Однако, къ ночи прискакалъ ординарецъ изъ штаба. Разъ ординарецъ, то тутъ ужъ какой же отдыхъ!

Полковой командиръ послѣ чаю обошелъ бивакъ. Вызвали охотниковъ.

Наша сотня какъ была, такъ вся и вышла на пять шаговъ впередъ. Другія тоже самое. При фонаряхъ плохо видно, однако, смотримъ, командиръ разсердился.

— Оголтѣлый народъ!—говоритъ.—Какъ же я выберу охотниковъ, когда они всѣ—охотники?

Намъ тоже и смѣшно, и досадно. Сотенный сказалъ, что требуется всего 60 человѣкъ — попробуй, попади, когда впередъ вышелъ весь полкъ!

Полковникъ крикнулъ:

— Прошу сотенныхъ командировъ отобрать по десяти человѣкъ отъ каждой сотни.

А послѣ не выдержалъ—даже голосъ другой сталъ:

— Эхъ, братцы мои! Ну васъ къ чорту!..

Вообще командиръ у насъ—дай Богъ каждому.

Въ числѣ прочихъ выбрали меня и приказали намъ сѣдлать къ полуночи. Выѣхали тихо, огней не свѣтили, команду передавали шопотомъ. Мало ли: деревня чужая, народъ хоть и хорошій, однако, кто его знаетъ — можетъ быть тутъ же и шпіоны, и передатчики. До переправы вели коней въ поводу, рѣчку перешли вплавь, а дальше сѣли и двинулись шибкимъ ходомъ. Ночь свѣжая, дорогу отлично видно. Деревни объѣзжаемъ стороной, а послѣ снова на большакъ и даемъ ходъ.

Къ разсвѣту кони упарились. Тутъ дорога пошла сильно въ гору, начался лѣсъ.

— Стой, слѣзай,—командуетъ начальникъ.—Бери, братцы, лошадей въ поводъ и пойдемъ напрямки. Дорогу нужно бросить.

Начальникомъ съ нами послали подъесаула П., командира четвертой сотни. Лихой офицеръ, изъ молодыхъ, но дѣловой. Два сотника и одинъ хорунжій были вродѣ взводныхъ. Шли мы около часу. Забрались въ такую глушь, что ни взадъ, ни впередъ. Начальникъ остановится, поглядитъ на карту, на компасъ, посовѣщается съ товарищами—и снова идемъ, продираемся. Наконецъ, вышли на поляну.

— Тутъ, ребята, подождемъ до вечера. Можете согрѣть чай. Лошадей держите на приколѣ и сѣделъ не снимать—отпустите только подпруги.

Отдохнувши, пошли мы четырьмя партіями на раз-

вѣдку—по пяти человѣкъ при офицерѣ. Идемъ, крадемся винтовки въ рукахъ. Начальникъ объявилъ, что кругомъ должны быть отступающія непріятельскія войска. Нашихъ никого.

Не то, чтобы страшно, а какая-то жуткая бодрость. Не знаешь, что впереди, что сзади. Будто на охотѣ по звѣрю: будь на чеку, а то самъ попадешь въ лапы.

Въ двадцати шагахъ лѣсъ, какъ стѣна. Случись что—нѣтъ тебѣ ходу. Ни коня, ни дороги, ни помощи. Только и всего, что шестеро насъ, да патронная сумка. Даже дыханіе сдерживаемъ.

Однако, видимъ, пошли просвѣты—лѣсъ кончился. На пригоркѣ верстахъ въ трехъ деревня. Тянутся поля, хлѣба убраны, а огороды стоятъ еще зеленые, чуть пожелтѣвшіе. Проселокъ идетъ какъ разъ по опушкѣ. На немъ ни души.

— Теперь, молодцы, гляди въ оба,—говоритъ сотникъ.—Нужно добыть проводника.

Сидимъ. Солнце къ полудню. Слышимъ, скрипитъ возъ. Показался мужикъ на волахъ—настоящій хохолъ изъ Подоліи, только свитка другого фасона. Дремлетъ на возу, волы тоже будто сонные.

— Не трогать, пусть ѣдетъ,—приказалъ офицеръ.

Пропустили, опять ждемъ. Мужикъ, разумѣется, намъ не подходитъ. Нуженъ человѣкъ бывалый, расторопный.

Солнце припекаетъ, глаза сами слипаются. Только затарахтѣли вдругъ колеса и выѣхала бричка. Правитъ парнишка лѣтъ пятнадцати, а сзади сидитъ господинъ въ парусиновомъ балахонѣ. Смотримъ мы на сотника, онъ колеблется: брать или не брать? Наконецъ мигнулъ и разомъ мы вскочили.

— Стой! Молчать! Заводи бричку въ лѣсъ...

Сотникъ распоряжается, а мы и безъ него ужъ все обработали. Не успѣли они рта открыть, какъ мы имъ скрутили руки. Бричку кое-какъ втянули въ кусты, чтобы не бросалась въ глаза. Когда повели плѣнниковъ, то старшій молчалъ, мальчикъ же испугался, раскисъ.

Въ чащѣ остановились, сотникъ началъ чинить допросъ:

— Кто такой? Откуда? Куда ѣхалъ? Видалъ ли австрійцевъ и гдѣ?

По виду этотъ человѣкъ даже не испугался. Спокойный, говоритъ по-русски, только съ малороссійскимъ выговоромъ и то и дѣло мѣшаетъ польскія слова.

Ѣдетъ онъ изъ Кракова. До Ярослава ѣхалъ по желѣзной дорогѣ, дальше—на лошадяхъ. Осталось до дому верстъ восемь. Знаетъ отлично и Явуровъ, и Ярославъ, и Перемышль, и Дыновъ. Ѣзживалъ туда и чуть ли даже не хаживалъ. Словомъ, человѣкъ самый подходящій.

— Слушайте меня, панъ, внимательно, — сказалъ ему сотникъ.—Вы должны провести нашъ отрядъ краткими дорогами къ Ярославу, оттуда къ Дынову. Пути нужно выбирать проселочные, чтобы никому въ носъ не кинулось, что здѣсь гуляютъ русскіе казаки. И быстро. Верхомъ умѣете?

— Могу.

— И отлично. Отговорокъ никакихъ! Теперь война— вы понимаете... Мальчишку вашего тоже возьмемъ, чтобы не разболталъ. За работу вамъ заплатятъ.

Къ тремъ часамъ дня мы вернулись на поляну. Отрядъ отдыхалъ. О чемъ еще разспрашивали пана, я не знаю, но подъесаулъ П. и прочіе офицеры долго съ нимъ бесѣдовали, разсматривали карту. Къ ночи двинулись дальше.

Этотъ панъ, дѣйствительно, зналъ дорогу. Ѣхали межами по полямъ, тропинками черезъ овраги и буераки. Край будто вымеръ. Парнишка объяснялъ, что люди попрятались и боятся выходить не только ночью, но и днемъ.

Къ утру мы не успѣли доѣхать до лѣсу, хотя гнали коней безъ пощады. Солнце уже показалось, а лѣсъ, въ которомъ мы предполагали спрятаться, синѣлъ не ближе шести верстъ.

Мѣсто было сильно холмистое, изрытое оврагами. Мы спустились въ глубокую балку и карьеромъ взлетѣли вверхъ. Впереди скакалъ дозоръ изъ четырехъ человѣкъ. Еще издали они махали намъ руками, сигнализируя о чемъ-то. Оказалось, навстрѣчу идутъ австрійскіе драгуны. Они были еще далеко, но ѣхали по нашей дорогѣ. Можно было спрятаться и пропустить, однако, въ начальникѣ заговорила казацкая кровь.

— Изготовиться къ атакѣ! — скомандовалъ онъ и сталъ ждать.

Ихъ было меньше эскадрона, человѣкъ сто. И они не знали, что ихъ ожидаетъ, а мы знали.

Австрійцы шли по три въ рядъ и дремали. Было до нихъ шаговъ пятьдесятъ, когда мы лавой вынеслись изъ-за гребешка и гикнули. Произошла тутъ настоящая каша. Кто стрѣлялъ, кто кричалъ, кто пустился на утекъ, — мы даже не разобрали. Рубили сплеча. На скаку хорошъ ударъ наотмашь: шашка стрижетъ, какъ бы рѣжетъ комъ сырой глины.

Въ четверть часа все покончили. Вдалекѣ скакали во всю мочь человѣкъ двадцать спасшихся...

Изъ нашихъ убитъ наповалъ урядникъ Барышевъ, оцарапанъ въ плечо сотникъ Д. и слегка ранены три казака. Убитаго товарища здѣсь же схоронили и, не задерживаясь, двинулись дальше.

Въ этотъ день мы здорово выспались. Панъ завелъ насъ въ такую непролазную трущобу, что мы и сами не сумѣли бы себя найти, если бы потребовалось.

Ночью, на переправѣ черезъ рѣку, проводникъ сказалъ:

— Вонъ тамъ Ярославъ.

Мы уже чувствовали близость города. По дорогамъ попадались проѣзжіе, не признававшіе насъ только потому, что было темно. Съ пригорковъ были видны тамъ и здѣсь биваки ихнихъ войскъ. Горѣли огни, курились костры, гудѣло будто отъ улья.

Отрядъ обошелъ городъ съ юга. Два раза мы пересѣкали полотно желѣзной дороги. Въ одномъ мѣстѣ подобрались такъ близко къ станціи, что слышали голоса людей, видѣли снующій народъ.

Думалось: что это была бы за потѣха, если бы внезапно мы налетѣли! Воображаю, какъ они всѣ вдругъ заторопились бы!

Но намъ было не до того. Разбившись на четыре части, мы пошли въ разныхъ направленіяхъ кругомъ города. Австрійцы по обѣ стороны рѣки окапывались. Работали и солдаты, и народъ. Должно быть, рѣшили защищаться.

А городъ за полночь шумѣлъ и свѣтился огнями. Тамъ, повидимому, шло какое-то лихорадочное движеніе. Убѣгало ли населеніе или наполнившія городъ войска не давали улицамъ стихнуть — кто ихъ знаетъ. Но до-поздна, почти до разсвѣта, Ярославъ стоналъ и охалъ.

Мы сошлись у берега и шибко — шибко двинулись на югъ. Утро насъ застало верстахъ въ двадцати — шли безъ остановокъ. Этотъ день провели тревожнѣе. Засѣли въ глубокомъ оврагѣ, точно въ ко

лодцѣ. Было сыро, кругомъ слякоть, а вдобавокъ и сверху пошелъ дождикъ. Дозоры, стоявшіе у спусковъ въ оврагъ, нѣсколько разъ передавали, что невдалекѣ по дорогамъ идутъ ихнія войска. Они могли бы накрыть насъ, какъ въ мышеловкѣ, если бы догадались.

Вечеромъ вышли, точно изъ склепа. Подлое это положеніе — сидѣть въ норѣ и ждать: вотъ накроютъ, вотъ прихлопнутъ! Не казакъ, а словно бы крыса.

У Дынова совсѣмъ было нечего дѣлать. Городишка маленькій, сонный. Ни войскъ, ни укрѣпленій. И надо думать разбѣжался на половину, потому что по виду, какъ бы вымершій. Покрутились мы возлѣ него, тихо объѣхали вдоль предмѣстья. Дома сбѣгаютъ къ самой рѣкѣ. У пристани какія-то барки. Мы, точно ночной караулъ, все обошли и оглядѣли.

— Хорошо бы теперь къ Перемышлю добраться, но заморились въ конецъ лошади, — сказалъ подъесаулъ.

А мы думали:

— Что жъ, къ Перемышлю, такъ къ Перемышлю!

Панъ замахалъ руками и сталъ застращивать. Молъ, у Перемышля войскъ видимо-невидимо и охрана лютая. Итти, дескать, туда все равно, что нарочно въ руки имъ отдаться. Начальникъ подумалъ и сказалъ:

— Ну, ай-да, братцы, во-свояси. Достаточно погуляли и посмотрѣли. Надо честь знать.

Назадъ шли южнѣе. Часто съ правой руки видали желѣзную дорогу и поѣзда. Отъ крестьянъ узнали, что подъ Городкомъ идетъ большое сраженіе, но что австрійцы понемногу бѣгутъ.

Былъ соблазнъ заскочить на какую-нибудь станцію, надѣлать имъ переполоху. Однако, приходилось сдерживаться — время на счету и, какъ говорили офицеры, нашего возвращенія ждутъ въ штабѣ.

Уже недалеко было до своихъ, уже стороной обходили мы ихнія позиціи у Городка, пробирались, такъ сказать, между ихъ войсками, будто сквозь колючую проволоку,—какъ произошла задержка. Дозоры донесли, что впереди и вправо стоитъ ихняя пѣхота. Двинулись влѣво — наткнулись на артиллерійскую позицію. Они подняли тревогу и лишь темнота насъ не выдала.

— Отойдемъ назадъ и поглубже обогнемъ ихъ въ лѣвую сторону,—рѣшилъ подъесаулъ.

Такъ и сдѣлали.

Солнце всходило ясное, въ лощинкахъ кое-гдѣ туманъ. Цѣпляется за мокрую траву, какъ ребенокъ за подолъ матери, а оторвавшись, гибнетъ.

Оттуда, съ нашей стороны, уже начинается пальба. Артиллерія, видимо, замахивается, нащупываетъ. Рвутся одинокія шрапнели, дробными барабанами затрещали пулеметы.

Стоимъ на бугрѣ, вокругъ тлѣютъ и курятся остатки пожарища, изъ-за развалинъ выглядываемъ мы, а насколько хватаетъ глазъ—зачинается бой. Между нашими войсками и нами лежатъ позиціи австрійцевъ.

Тѣснимся къ подъесаулу.

— Будемъ пробиваться, молодчики,—сказалъ онъ громко.—Кинемся лавой, а врубаться, глядите, плечо къ плечу—порознь ничего не выйдетъ. И помните одно, молодчики: вотъ здѣсь, въ сумкѣ, спрятаны важные документы—карты, съемка, плоды всей нашей развѣдки. Если свалюсь, то забирайте эту сумку. Кто будетъ ближе, тотъ и спасай. Во что бы то ни стало ее нужно доставить въ штабъ или въ полкъ... А теперь съ Богомъ! Другъ друга не выдавать!

Нашъ панъ-проводникъ вдругъ выѣзжаетъ впередъ и говоритъ:

5*

— Позвольте, панъ начальникъ, и мнѣ рубиться. Сабля у меня хоть и австрійская, но взята въ бою. Иду съ вами!

И двинулись.

Сначала рысцой спустились съ пригорка, дальше развернулись, даемъ ходъ. Начальникъ держитъ направленіе между крайними ихъ окопами и береговымъ болотомъ. Кони шибче, шибче — и наконецъ насъ замѣтили.

Прежде всего увидѣла насъ батарея. Артиллеристы побросали орудія, кинулись кто куда. Офицеры съ десяткомъ солдатъ встрѣтили было насъ изъ револьверовъ, но мы даже не задержались — смели ихъ. Я оглянулся: только прахъ клубился да валялись сѣрыя фигуры возлѣ пушекъ.

У окоповъ зашевелились, забѣгали. Не ждали насъ съ этой стороны. Подъесаулъ же, для ободренія должно быть, на всю долину рявкнулъ:

— Шашки вонъ! Наддай!

Свиснули надъ головой пульки, но не успѣли они какъ слѣдуетъ ни сообразить ничего, ни пристрѣляться. Наскочили мы на нихъ, прямо говорю, вихремъ. Гикнули въ шестьдесятъ казачьихъ глотокъ — только эхо раскатилось по рѣчкѣ и за рѣчкой. Послѣ:

— Ура! Урра!

Вѣкъ проживу — не забуду этой атаки. Сблизились мы, потѣснились, врѣзались въ гущу. Они толкутся, вой какой-то подняли. Отпоръ даетъ десятый, а девять сами валятся, бѣгутъ, растерялись. Но и съ десятымъ трудно. Въ трехъ линіяхъ цѣпями по меньшей мѣрѣ два батальона. Справа опять пѣхота, слѣва рѣка, а за нею тоже ихніе окопы. А насъ, какъ ни считай, все шестьдесятъ.

— Ура! — подаетъ голосъ подъесаулъ.

— Ура! — отзываемся мы.

Упалъ сотникъ Д., будто скосили его. Подъ паномъ убили лошадь. Онъ выскочилъ, уцѣпился за сѣдло ближняго казака, прыгнулъ. Потомъ, глядимъ, съ одного коня въ двѣ шашки работаютъ. Отчаянный панъ, царство небесное! Уже миновали вторую линію, оставалась послѣдняя, когда разомъ, одной пулей уложило и казака, и пана.

— Держись, братцы мои! Руби его!—закричалъ подъесаулъ и первый врѣзался.

Эта третья линія обошлась намъ дороже, чѣмъ первыя двѣ вмѣстѣ. Одумались ли они, успѣли ли сообразить положеніе и изготовиться—сказать не могу. Но только встрѣтили мы стѣну. Бьются, норовятъ попортить штыкомъ коня, наваливаются. Одного срѣжешь—двое свѣжихъ выростаютъ. Откуда-то набѣгаютъ новые и новые.

И вдругъ, видимъ мы—закачался въ сѣдлѣ начальникъ нашъ, падаетъ мѣшкомъ. Кинулись къ нему, подхватили. Я перебросилъ его поперекъ сѣдла, товарищъ поддержалъ. Подъесаулъ недвижимъ лежитъ, какъ мертвое тѣло.

Нашла тутъ на насъ злость невыразимая. Кажется, зубами его грызъ бы, мразь эту. Кони хрипятъ, становятся на дыбы, подминаютъ подъ себя. Крикъ, гомонъ и каша такая, точно бы всѣ кругомъ взбѣсились.

И увидѣлъ я просвѣтъ. Огрѣлъ коня, пригнулся—поминай какъ звали!

Когда обернулся, то за холмикомъ сѣчи ужъ не видно. Скачутъ слѣдомъ за мной человѣкъ пятнадцать—остальные полегли. Навстрѣчу же машутъ намъ, кричатъ:

— Сюда! Вали сюда, казаки! Что тамъ за битва?

Какъ доставилъ подъесаула въ лазаретъ, то тутъ только замѣтилъ, что и самому требуется ремонтъ: въ двухъ мѣстахъ покололи подлецы. Не сильно, впрочемъ—Богъ оберегъ.

Вотъ за эту, собственно катавасію, и дали мнѣ Георгіевскій крестъ. Что и говорить, дни были жаркіе—въ потъ бросало...

ПРАВОСУДІЕ

ПРАВОСУДІЕ.

I.

— Филатовъ, къ ротному командиру! — донесся возгласъ изъ-за вала.

— Никакъ, тебя, Мишка?—буркнулъ косоглазый «Аника-воинъ».

Оправляясь и засовывая въ глубину кармана горячую трубку, ефрейторъ Филатовъ опасливо говорилъ косоглазому:

— Не иначе, какъ подлая баба наябедничала. Помнишь, та, рыжая?

— Чего еще не выдумаешь! Откуда ей взяться?

Солдаты провожали Филатова глазами и у каждаго вертѣлось приблизительно одна и та же мысль:

— Достукается Мишка со своей отчаянностью!

Въ потной подслѣповатой землянкѣ ротный командиръ сидѣлъ у стола за кипой бумагъ, а прапорщикъ изъ судейскихъ и только-что произведенный юноша—подпоручикъ отдыхали на походныхъ койкахъ. Держа шапку, какъ на молитвѣ, глазами безпокойно бѣгая

отъ офицера къ офицеру, Мишка кашлянулъ легонько на сторону: дескать—«чего изволите?».

— Ты, Филатовъ, хорошо грамотенъ?—спросилъ ротный.

— Такъ точно, вашбродь. Три класса городского кончилъ.

— Свинья ты, Филатовъ,—между дѣломъ сказалъ ротный, не отрываясь отъ бумагъ.

Мишка насторожился: куда это онъ гнетъ? То грамотенъ ли, а то, вдругъ, свинья. Не спроста!

У Филатова такой складъ ума, что въ каждомъ обращеніи, особенно внезапномъ и еще неразгаданномъ, онъ склоненъ видѣть каверзу—въ добродушіе не вѣритъ.

Ротный всталъ, прошелся, задумчиво потеръ переносицу.

— Гмм... Да-съ... Штукенція!..—бурчалъ онъ, а послѣ рѣшительно и грубо закончилъ:—На вотъ тебѣ бумаги—прочти. А вечеромъ зайди ко мнѣ.

Когда недоумѣвающій Филатовъ уходилъ, командиръ добавилъ сердито:

— Стыдно, братъ! Свинья! А еще ефрейторъ!

Хотя дулъ холодный вѣтеръ и мело колючій снѣгъ, но Мишка развернулъ бумаги здѣсь же возлѣ командирской землянки. На верхней былъ четкій печатный заголовокъ: «Приставъ 2-го участка», на слѣдующей: «Судебный слѣдователь». Въ груди у Филатова екнуло, онъ сразу все понялъ.

— Ну, что?—спросилъ «Аника—воинъ».

— Ничего.

— Зачѣмъ звали?

— Убирайся къ чорту, смола!—свирѣпо вскрикнулъ Мишка и легъ на солому, съ головой завернувшись въ полушубокъ и шинель.

«Аника-воинъ» удивился. Онъ былъ лучшимъ другомъ Филатова еще съ «воли» и зналъ всѣ его привычки.

— Мишенька,—окликнулъ онъ, спустя время.— Миша!.. Ты разсказалъ бы, а?.. Ужъ не влетѣлъ ли?

— Прикрыли. Бумага отъ слѣдователя.

— А я?—понижая испуганный голосъ до шопота, спросилъ «Аника-воинъ».

— Почемъ я знаю, можетъ и ты.

— О, Господи!..

И такъ какъ ихъ рота отдыхала въ резервѣ, то никѣмъ не тревожимые, съ тяжелыми видѣньями вмѣсто сна—товарищи провалялись на соломѣ до вечера.

— Что-жъ теперь будетъ?—спросилъ «Аника», когда Мишка Филатовъ собрался къ ротному.

— По-собачьи начали, по-собачьи и кончимъ. А ты еще чего хотѣлъ?

— О, Господи!—снова вздохнулъ косоглазый.

II.

У ефрейтора Михаила Филатова была опредѣленная репутація: отчаянная голова, «на всѣ руки» и «пальца въ ротъ не клади». Когда рота приходила въ хорошо населенныя мѣста, когда по дворамъ привольно бѣгали куры, гоготали утки и надъ крышами курился дымокъ—про Филатова забывали. Никто не интересовался гдѣ онъ, чѣмъ занятъ и какому концу села посвятилъ свое вниманіе. Лишь фельдфебель окинетъ его при встрѣчѣ строгимъ взглядомъ и промолвитъ сурово:

— Ты, братъ, у меня того... гляди!..

— Чего-съ?—откликается Филатовъ, дѣлая на лицѣ «выраженіе».

— Смотри, говорю... Чтобы безъ фокусовъ.

— Не возьму въ толкъ... Да развѣ жъ я въ чемъ замѣченъ, Петръ Митрофанычъ?

— Ну-ну, то-то! Въ караулъ, говорю, не опаздывай.

— Обижаете, Петръ Митрофанычъ! Можно сказать, изъ кожи лѣзу, всегда въ первомъ нумерѣ!

— Ладно, знаю! — недовѣрчиво протянетъ фельдфебель.

Оба разговоромъ довольны. Петръ Митрофановичъ думаетъ, что приструнилъ и что Филатова лишній разъ цукнуть никогда не мѣшаетъ. А Мишка увѣренъ, что отвелъ начальству глаза и усыпилъ вниманіе. На постоѣ и на дневкахъ у него постоянно имѣлись «художества», требовавшія нѣкоторой тайны.

Когда же ротѣ приходилось туго, когда кругомъ не было ни кола, ни двора — гулялъ лишь вѣтеръ — Мишка оказывался крайне полезнымъ человѣкомъ.

Солдаты въ любомъ положеніи быстро устраивались. У одинокаго холма, обдуваемаго со всѣхъ сторонъ вѣтрами, посреди брошеннаго пепелища, на занесенной снѣгомъ лѣсной полянѣ или въ глубинѣ безлюднаго оврага — они на живую руку что-то смастерятъ, что-то разгребутъ, что-то выдолбятъ, сгрудятся въ кучу, разожгутъ огонь—глядишь, грѣются, кипятятъ въ котелкахъ воду. У солдата обязательно припасенъ въ нѣдрахъ вещевого мѣшка сухарь или краюха, а на языкѣ—шутка, съ любымъ положеніемъ примиряющая, какую угодно невзгоду скрашивающая. Ихъ много, и въ неприхотливой массѣ своей, они ко всему привычны. Подобно отарѣ овецъ, рота съ собою несетъ собствен-

ный источникъ тепла, собственный уютъ, собственную «походную обстановку».

Иначе чувствуютъ себя офицеры. Имъ холодно, зябко, скверно. Они — «европейцы», привыкшіе къ удобствамъ. Лишенія на нихъ ложатся непомѣрной тяжестью. Нѣтъ у нихъ ни закала мужичьяго, ни выносливости, ни умѣнья приспособляться къ жизни «въ гуртѣ». И отношенія ихъ между собою не такія первобытно-товарищескія, какъ у солдатъ. Они «постѣсняются» и скорѣе «вытерпятъ», нежели перейдутъ извѣстную грань «примитивности» и «амикошонства».

Зима же словно бы нарочито обозлилась на людей за эту жестокую войну. Задували ледяные вѣтра, свирѣпо ярился морозъ, выпадали дни, когда все тѣло нудилось отъ холода и ныло, какъ гнилой зубъ. Пощады никому! И дѣло не ждетъ. Не обращая вниманія на градусникъ, боевая и походная жизнь движется своимъ чередомъ...

Вотъ въ этакихъ крутыхъ положеніяхъ Филатовъ былъ незамѣнимъ. Кто-нибудь изъ офицеровъ призывалъ его и говорилъ:

— Послушай, голубчикъ, нельзя ли чаекъ обрядить, что ли? Огонь бы растопить, какъ слѣдуетъ... Сообрази, а!

Какое пѣтушиное слово было извѣстно этому солдату—оставалось его тайной. Взявъ съ собою «Анику-воина», онъ пропадалъ иногда на нѣсколько часовъ и возвращался нагруженный припасами, топливомъ, всякой-всячиной. Даже молчаливый товарищъ и сподвижникъ всѣхъ Мишкиныхъ «фокусовъ» — и тотъ удивлялся нюху Филатова.

— Откуда что берется! Будто колдунъ какой!

— Помалкивай, Аника,—говорилъ Мишка, подми-

гивая.—Ты только глянь на нихъ: подпоручикъ ровно дитё, прапоръ тоже самое—дрожитъ цуцикомъ. Да и ротный хоть не подаетъ виду, а лицо посинѣло. Нужно выручать, братъ ты мой.

— Дока! Изъ-подъ земли выкопаетъ!—изумлялись солдаты.

— Вотъ, вашбродь, медку не угодно ли? Цѣлая банка! А это—сырокъ. Промерзъ, подлый, но это ничего—мы его сейчасъ сунемъ въ жаръ. Тутъ вотъ картошка. Никакая шуба такъ не грѣетъ, какъ печеная картошка. Съ пылу, съ жару! Опять же, вашбродь, отвѣдайте коврижекъ. Чудная сторона: куда ни сунься—вездѣ коврижки, ей-Богу. Даже злость беретъ.

— Ты только смотри, Филатовъ, чтобы безъ озорства,—предупреждали его офицеры.—Плати наличными—знаешь, теперь строго.

— Боже упаси, вашбродь! Развѣ они возьмутъ?! Да ни за что на свѣтѣ! Такъ и говорятъ: отъ благодарнаго, молъ, населенія.

— Ну-ну, безъ глупостей!

Офицеры щедро платили: дорого яичко къ великому дню. И тѣмъ не менѣе никто, кромѣ Филатова, не умѣлъ достать всѣхъ этихъ вещей, когда кругомъ было глухо, пусто и разорено войной.

— Ловкій парень! Пройдоха!—съ одобреніемъ отзывался ротный командиръ.—Навѣрно «реквизируетъ», подлецъ.

И всѣ сходились въ одномъ:

— Этой мелочи—грошъ цѣна, но не подыхать же отъ голода и стужи, если нѣтъ другихъ способовъ достать припасы! Мало ли чего не случается на войнѣ!

Впрочемъ, и случаи такіе происходили не часто.

А въ обыкновенную пору Михаилъ Филатовъ ни-

чѣмъ особеннымъ не отличался: мерзъ въ окопахъ вмѣстѣ съ ротой, исправно несъ сторожевую службу, съ толкомъ и мѣтко стрѣлялъ, безъ заминки ходилъ въ штыки. Когда вызывали на рискованныя дѣла охотниковъ — Филатовъ неизмѣнно выскакивалъ впередъ и къ развѣдкамъ у него было врожденное пристрастіе.

— Хорошій солдатъ, но съ «репутаціей», — отзывался о немъ фельдфебель Петръ Митрофановичъ.

И вдругъ пришла эта «переписка»!..

III.

— Интересно знать, у какого умника родилась мысль разыскивать какого-то тамъ Михаила Филатова на войнѣ, въ верстѣ отъ непріятеля? — раздраженнымъ тономъ говорилъ ротный командиръ. — Ужъ будто бы это такое важное дѣло, что его не могутъ отложить до конца кампаніи.

— Война войной, а судопроизводство въ государствѣ не должно нарушаться, — сказалъ прапорщикъ-юристъ.

— Еще посмотримъ, дамъ ли я имъ подсудимаго Филатова! У меня каждый солдатъ на счету.

— Разумѣется, не давайте, — поддакнулъ подпоручикъ. — Собственно, спорный вопросъ — существуетъ ли такой законъ, чтобы отрывать солдата, когда дѣло касается защиты родины? Онъ и не преступникъ, а только подсудимый. Подозрѣніе—не преступленіе. Судъ можетъ и оправдать.

— Въ томъ то и дѣло, что Филатовъ уже осужденъ, — возразилъ прапорщикъ. — Въ бумагѣ ясно сказано: «по четыремъ дѣламъ приговоренъ къ тю-

ремному заключенію». Затѣмъ бѣжалъ изъ-подъ стражи и нынѣ разыскивается еще по тремъ однороднымъ дѣламъ. Мнѣ кажется, какъ опороченный по суду, онъ не имѣетъ права даже носить званіе солдата.

Ротный ходилъ изъ угла въ уголъ, слушая офицеровъ, вставляя свои замѣчанія и въ одно и то же время мучительно обдумывая: какъ поступить? Получивъ въ командованіе роту уже на войнѣ, онъ не успѣлъ усвоить всѣхъ казуистическихъ тонкостей «власти» и «отвѣтственности». Чортъ же его знаетъ, что въ подобныхъ случаяхъ ротный командиръ «долженъ», а что «можетъ». Передавать же дѣло на разрѣшеніе командиру полка не хотѣлось — резолюція будетъ формальная, холодная, напоминающая, пожалуй, разсужденія прапорщика.

Между офицерами споръ разгорѣлся.

— Если на время войны пріостановлены противъ военно-служащихъ всѣ уголовныя преслѣдованія — тогда иной вопросъ, — говорилъ прапорщикъ. — Присылка этой переписки является просто недоразумѣніемъ. Но если такого изъятія не послѣдовало, то двухъ мнѣній быть не можетъ: Филатовъ подлежитъ отсылкѣ въ распоряженіе слѣдователя.

— А я бы все-таки не отослалъ, — возражалъ упрямо подпоручикъ.

— Это явилось бы незакономѣрнымъ поступкомъ.

— И пусть.

— Такъ можно дойти до полнаго отрицанія всякой юрисдикціи, до какого угодно произвола.

— Я не юристъ, а сужу по совѣсти, — запальчиво отрѣзалъ подпоручикъ.

— А судьи что же — противъ совѣсти? У насъ, слава Богу, каждая буква закона согласована съ совѣстью.

— Судьи знаютъ изъ біографіи Филатова только его кражи и вердиктъ перваго суда. А мы, офицеры роты, видѣли этого солдата на развѣдкѣ, видѣли въ штыковомъ бою, видѣли съ прострѣленной рукой. Когда Филатова отправляли въ лазаретъ, то онъ Христомъ-Богомъ молилъ оставить его въ ротѣ. Только лихорадка свалила и заставила слечь на двѣ недѣли. Пришлось ротѣ взрывать мостъ—Филатовъ первый полѣзъ въ воду. Пусть-ка этотъ приставъ и слѣдователь, что требуютъ его къ суду, полѣзутъ въ рѣку, когда отъ мороза пошло сало и непріятель разстрѣливаетъ людей на выборъ! Пожалуйте-ка на мѣсто «осужденнаго» Филатова!

Прапорщикъ солидно крякнулъ и возразилъ:

— Ну, что жъ, судъ все это приметъ во вниманіе. Существуетъ и досрочное освобожденіе, и условное осужденіе, и ходатайство о полномъ помилованіи. Но законъ то долженъ быть соблюденъ.

— Чего-съ?! Законъ? Какой законъ? Штатскій? Мирный?... Не подходитъ-съ!—выкрикнулъ подпоручикъ.—Вотъ кончится война—будемъ блюсти законы, а теперь явились такія положенія, что мирное право—мертво. Война—переворотъ. Война—диктатура. Обязательно! И совѣсть иная, и кодексъ другой—все не то. Послѣ поговоримъ и о Филатовѣ, а нынче намъ не до того. Тогда, если останусь живъ, самъ пойду посвидѣтельствовать. Такъ, молъ, и такъ. Можетъ быть кралъ—не знаю. Но вотъ самъ я, его офицеръ и начальникъ, видѣлъ собственными глазами, какъ этотъ «осужденный» предлагалъ жизнь свою за родину. Да-съ, жизнь! Не годъ тюремнаго заключенія, а всю кровь, всю душу! Вотъ я—берите! За родину, за государство, за эти самые законы, по которымъ его теперь судятъ,

за васъ, г.г. судьи. Самъ вызывался подъ пули, въ ледяную воду. Изъ десяти—восемь пало. Уцѣлѣлъ случайно, по счастью. И крестъ получить—представленъ!.. Вотъ когда судьи услышатъ все это, то можетъ быть скажутъ: «иди, братъ, съ Богомъ и живи честно, какъ честно сражался». А такъ, зря отдать своего солдата—дудки-съ!

Отъ возбужденія подпоручика кинуло въ потъ. Ротный командиръ слушалъ его, кивая и улыбаясь.

— Каковъ адвокатъ, а?—спросилъ онъ у прапорщика со смѣхомъ.—Совершенно правильно изволите разсуждать. Не до мертвыхъ буквъ закона, когда вокругъ ожили величайшіе догматы чести и долга. Совѣсть, мораль и все прочее—получили новыя измѣренія, фантастическія и по масштабу, и по духу. Вполнѣ присоединяюсь!

IV.

Въ сѣнцахъ кто то затопалъ, сбивая снѣгъ.

— Кто? Войдите!

Появился ефрейторъ Филатовъ.

— Ну, прочелъ?

— Такъ точно. Осмѣлюсь доложить...

Мишка осѣкся и мялся, глядя въ землю. Разсматривая его, точно бы впервые, прапорщикъ думалъ:

— Какъ я раньше не обратилъ вниманія? Характерное воровское лицо. Глаза бѣгаютъ, жульническіе. И руки... Дрожатъ, безпрестанно въ движеніи. Однако, ти-ипъ!...

— Ну?—подбодрилъ ротный, а въ умѣ пронеслось:— Кажется, начнетъ, злодѣй, оправдываться.

Филатовъ замигалъ внезапно покраснѣвшими глазами и бухнулся на колѣни.

— Простите, вашбродь! Правда! Все правда! Жуликъ я, воръ несчастный! Простите!

Ротный отступилъ, брезгливо морщась. Онъ ждалъ чего угодно, только не слезъ и причитаній.

— Встань! А еще солдатъ!

— Ужъ какой я солдатъ!—вырвалось у Филатова воплемъ.

— Встань!

Филатовъ всталъ и уже безъ слезъ, безъ жалобныхъ нотъ, проговорилъ запинаясь, торопясь, глядя куда то въ уголъ:

— Осмѣлюсь доложить, вашбродь... Какъ, значитъ, все вышло наружу, то явите божескую милость: отправьте меня, чтобы рота не видѣла. Чтобы безъ сраму, вашбродь. И изъ списковъ, чтобы безъ скандалу. Потому, какъ оно выходитъ, опозорилъ я всю часть, такъ пойдутъ разговоры. Сами изволите знать, вашбродь, хотѣлъ заслужить—не вышло.

Было что то жуткое въ торопливомъ тонѣ ефрейтора. Казалось, переведи онъ глаза изъ темнаго угла землянки на офицеровъ—и снова вопль сорвется съ тѣмъ же отчаяніемъ. Едва уловимымъ движеніемъ языка онъ скоро-скоро облизывалъ пересохшія губы и, вдругъ, какъ раньше, съ размаха упалъ на колѣни.

— Развѣ жъ я хотѣлъ, вашбродь! Ахъ ты, Господи! Да если бы я зналъ, что вся эта подлость выявится — вотъ крестъ святой!—не вернулся бы съ атаки. Мыслимое ли дѣло, вашбродь! Всю роту!.. Всю роту!..

Какъ то до странности сильно и глупо вспылилъ вдругъ ротный командиръ.

— Идіотъ! Болванъ! Я тебѣ приказалъ встать? При-

6*

казалъ? Такъ какъ же ты смѣешь?! Вонъ! Вонъ, мерзавецъ!!.

Филатовъ турманомъ вылетѣлъ за дверь, а ротный еще бѣшеннѣй крикнулъ вдогонку:

— Сиди въ сѣняхъ! Жди!

Минутъ десять изъ землянки доносились только быстрые шаги командира. Потомъ прапорщикъ насмѣшливо сказалъ:

— Для насъ, судейскихъ, всѣ эти комедіи — дѣло бывалое. Филатовъ недаромъ сидѣлъ по тюрьмамъ— травленый волкъ.

— Да замолчите ли вы, прапорщикъ!—вскрикнулъ ротный. — Битый часъ побалтуйство и побалтуйство! Несносно, наконецъ.

За дверьми смолкло совершенно. Мишкина голова мало-по-малу остудилась. Холодъ сѣней напомнилъ о томъ, что вотъ теперь пойдетъ жизнь другая—старая. Этапы, сквозняки, надзиратели и грызущая жажда воли.

— По тюрьмамъ!.. Ишь, какой! Ты посиди въ тюрьмахъ, а послѣ разговаривай. Легко ли!

И привычно наладились «старыя» мысли: не удрать ли загодя?...

— Войди, Филатовъ,—услышалъ онъ наконецъ.

Стоя у окна, внѣ круга освѣщеннаго лампой, ротный командиръ сказалъ покойнымъ тономъ:

— Ступай въ роту и служи, какъ до сихъ поръ. Бумаги оставь и не болтай. Ничего не было. Кончится война—тогда и видно будетъ.

У ефрейтора мелькнуло желаніе снова кинуться въ ноги, но командиръ возвысилъ голосъ:

— Ну, ступай!

V.

Потеплѣло и оттаяло. Днемъ капало съ крышъ. «Аника-воинъ» въ качествѣ сибиряка негодовалъ:

— Рази-жъ это зима?! Одно званіе! У насъ коли зима, такъ она тебя въ бараній рогъ крючитъ, духъ изъ тебя вышибаетъ, а не то, чтобы.

— Ха, ха, ха! Адвокатъ!—смѣялись солдаты.

— Что и говорить—рѣчистъ!

— Одно слово—проповѣдникъ!

Съ временными оттепелями приходило временное оживленіе. Нѣмцы ворошились за своими окопами, начинали вдругъ неистово палить, а послѣ, словно бы сдуру, перли въ штыки. Возьмутъ окопъ-другой и станутъ.

— Малъ разбѣгъ!—иронизируютъ наши.

Въ первую же ночь, а иногда сразу же, переходимъ въ контръ-атаку мы. Старыя траншеи возвращаются прежнимъ хозяевамъ. Порою въ нихъ находятъ усовершенствованія въ родѣ переносныхъ грѣлокъ, порою же разрушенія, обвалы.

— Одно безпокойство съ оттепелями, — ворчитъ «Аника-воинъ». — У насъ въ Сибири онъ сидѣлъ бы, не пискнулъ.

Мишка Филатовъ сталъ менѣе говорливъ, не выказывалъ, какъ прежде, ухарства по пустякамъ и часто твердилъ товарищу:

— Подвигъ нуженъ! Безъ подвигу намъ, братъ ты мой, никакъ невозможно.

Подвига же все не подвертывалось. Тянулась обычная «траншейная пустельга». То въ темную ночь, въ

пургу, поползетъ къ нѣмецкому окопу, сниметъ часового и вернется съ каской. То въ теплую пору насадитъ въ снѣгъ сѣрыхъ папахъ, чтобы чуть торчали, какъ грибы, на серединѣ между нашими окопами и непріятельскими. Утромъ потѣха. Нѣмцы думаютъ, что это солдаты за ночь приблизились и окопались. Палятъ, точно сумасшедшіе, пока не вскроется обманъ. А то исчезаютъ они вдвоемъ съ «Аникой-воиномъ» и несутъ какіе-то свертки.

— Поглядимъ иллюминацію!—смѣются въ ротѣ и ждутъ.

Дѣйствительно, за полночь, къ утру, съ нѣмецкой стороны доносится глухой тяжелый ударъ. Гигантскій буракъ пламени и дыма вскидывается кверху и постепенно тухнетъ.

— Ловко работаютъ, шельмы! Все онъ, Филатовъ—всему дѣлу голова!—одобряютъ товарищи.

А «подвига» все не выпадало.

— Подвигъ развѣ выдумаешь? онъ самъ родится и находитъ, кого надобно,—объяснялъ Мишка товарищу въ тиши сторожскихъ ночей.

Въ одну изъ внезапныхъ непріятельскихъ атакъ ефрейтора Филатова здорово хлопнуло по головѣ и онъ свалился замертво. Какъ сквозь сонъ слышалъ шумъ боя, крики, выстрѣлы. Послѣ стихло—вѣроятно, потерялъ сознаніе,—а очнулся отъ толчковъ въ бока.

Возлѣ него сидѣлъ на корточкахъ «Аника-воинъ» и методически тузилъ его кулакомъ.

— Съ ума ты спятилъ, чортова дубина!

— Вставай! Идемъ сдаваться,—мрачно заявилъ товарищъ.

— Что?!

— А это видишь?

Надъ ранеными и убитыми копошились неизвѣстные люди. Филатовъ понялъ, что въ плѣну.

— Вотъ тебѣ, дождался подвига!

— Молчи ужъ! Скажи спасибо, что растолкалъ тебя. А то эти собаки вразъ закопали бы вмѣстѣ съ убитыми.

У «Аники-воина» была перебита лѣвая рука. Чѣмъ— онъ самъ не зналъ. Не то осколкомъ, не то переѣхало. Конецъ кости торчалъ наружу и вяло капала кровь. Конвойный же подталкивалъ ихъ ружьемъ и показывалъ, что нужно итти.

— Ты, сатана, озвѣрѣлъ, что ли?—грубо сказалъ нѣмцу Филатовъ.—Видишь, раненому перевязаться надо.

Не обращая вниманія на строгость и окрики конвоира, онъ досталъ изъ-за пазухи индивидуальный пакетецъ и кое-какъ перевязалъ товарища. Потомъ, поддерживая другъ друга подъ руки, пріятели пошли. Нѣмецкій солдатъ что то ворчалъ, вѣроятно, бранился за медленность.

У Филатова шумѣло въ головѣ и ныло темя. «Аника-воинъ» совсѣмъ ослабѣлъ. Но гнали ихъ безъ передышекъ версты четыре и заперли въ холодной избѣ.

Лишь на третій день Филатовъ окончательно очухался. «Аника-воинъ» валялся тутъ же на холодномъ полу. Его водили на перевязку въ лазаретъ, а послѣ снова вернули въ избу.

— Звѣрье!—ворчалъ Филатовъ.—Погодите! Дайте срокъ.

Окна были замерзши, но Мишка старательно дулъ на стекло изо-рта. Оттаивъ маленькій кружокъ, онъ долго разсматривалъ дворъ, стѣны, входившихъ и уходившихъ людей.

— Будь готовъ. Ночью бѣжимъ,—сказалъ онъ товарищу.

Тотъ не откликнулся. У него начиналась лихорадка и было все-равно.

VI.

Можетъ быть тяжелое состоянiе «Аники-воина» удержало бы Мишку Филатова отъ безумнаго плана бѣжать. Но вошелъ караульный солдатъ и предложилъ:

— Тфой хочитъ хуляйтъ? Мошно поль-часа.

Расхаживая съ невиннымъ видомъ по двору и глазомъ опытнаго вора схватывая всѣ детали этой импровизированной тюрьмы, ефрейторъ думалъ:

— И не изъ такихъ мѣшковъ выцарапывались! Ого!

Рѣшенiе бѣжать окрѣпло.

— Слышь, Аникей Иванычъ, сегодня въ ночь непремѣнно бѣжимъ.Сберись съ силами. Если не сейчасъ, то ужъ никогда. Угонятъ къ чорту на кулички.

— Слабъ я, Миша.

— Вздоръ. Понатужься! Здѣсь тебѣ все одно смерть. Кидаютъ, можно сказать, на произволъ судьбы. А дома ляжешь въ лазаретъ, доктора будутъ — выпользуютъ. Главное, возьми себя въ руки. И итти то всего четыре-пять верстъ. Пристанешь—я помогу.

— Какъ знаешь. Мутитъ меня.

— Не будь бабой.

До вечера Мишка все принюхивался и прислушивался. За стѣной что-то такое привлекло его вниманiе и съ звѣриной осторожностью онъ тулился къ этому краю комнаты. Прикладывалъ ухо, по-собачьи тянулъ воздухъ.

— Тутъ рядомъ есть товарищи, — сказалъ онъ «Аникѣ».

— Кто?

— Богъ ихъ знаетъ. Полагаю, наши—нашей роты. Только насъ они и потрепали третева-дни. Нужно посмотрѣть.

— Налетимъ, гляди.

— Если съ умомъ—не налетимъ.

Въ комнату къ сосѣдямъ вела дверь, наглухо забитая гвоздями. Какъ только стемнѣло и сквозь окно слабо замигалъ отсвѣтъ наружнаго фонаря—Мишка принялся за работу. Отогнулъ гвозди, тихонько оторвалъ рейку и потянулъ дверь. Она оказалась запертой внутреннимъ замкомъ.

— Дѣтская работа!—ворчалъ Мишка, ковыряясь въ скважинѣ гвоздикомъ.—Хе, хе! чѣмъ задержать вздумали!

Наконецъ дверь поддалась и Мишка тѣнью скользнулъ въ темноту. Ни звука! Ужъ не подстерегаютъ ли Мишку Филатова?!. Тю-тю-тю! Вонъ оно въ чемъ дѣло!..

— Кто здѣсь? Если русскій—отзовись шопотомъ?—тихо сказалъ ефрейторъ, понявъ, что притаившійся человѣкъ нарочно задерживаетъ дыханіе.

— Здѣсь я—прапорщикъ Перевозовъ.

— Вашбродь?! Вы!? Какъ же это вы дали маху?—изумился Мишка Филатовъ.

— У меня ступни отморожены. Контуженъ въ грудь.

— Тьфу, угораздило васъ! А итти не можете?

— Ни шагу. Развѣ вотъ съ поддержкой... Вы кто?

— Я то? Ефрейторъ Филатовъ, вашбродь.

На минуту воцарилось молчаніе. Оба кое-что вспомнили.

— Тутъ со мной Аникей Свистаковъ. Рука у него перешиблена, лихорадка. Мы бѣжимъ сейчасъ, вашбродь.

— Какъ это?

— Бѣжимъ домой. Хотите съ нами, вашбродь?

Прапорщикъ въ темнотѣ зашевелился, но тотчасъ же застоналъ и сказалъ слабо:

— Но какъ же я, голубчикъ? Ноги мои...

— Вынесемъ! — рѣшительно отрѣзалъ Мишка.

— Куда ужъ! Всѣхъ поймаютъ.

— И пусть.

— Дуракъ, за это разстрѣлъ!

— И пусть! — упрямо повторилъ ефрейторъ.

— А ну-ка, дай плечо, возьми руку — я попробую.

Филатовъ наклонился, приподнялъ прапорщика, поддержалъ.

— Ну, какъ, вашбродь?

— Больно. Огнемъ жжетъ.

— Это пустое. Главное, домой! Тамъ доктора, госпиталь и все. Здѣсь уморятъ, вашбродь.

— Держи. Идемъ.

Онѣ заковыляли въ комнату Филатова.

— Аникей Иванычъ, готовъ ты?

— Идемъ, идемъ! — заторопился раненый, а вскочивъ, чуть не упалъ обратно — качала лихорадка.

— Легче, милый! Не пори горячку. Изготовься, да присмотри вотъ за ихъ благородіемъ. Еще нужно окошко высадить.

Работа съ оконной рамой была гораздо проще давишней. Большой дворъ бѣлымъ настомъ снѣга уходилъ къ заборамъ. У воротъ висѣлъ керосиновый фонарь и освѣщалъ подъѣздъ и крыльцо. Открытое окошко приходилось въ самый край освѣщенной полосы. Мишка заколебался было, но только на минуту. Выбирать не изъ чего!..

— Голубчики мои! — зашепталъ онъ, забывъ о дис-

циплинѣ и субординаціи. — Христа ради, подтянитесь вы хоть въ первую минуту. Направо тутъ уголъ дома... Шасть — и готово! По мышиному, родненькіе! Впередъ я, а вы ко мнѣ на руки, вашбродь. Гопъ!

И Мишка, и безпомощный офицеръ чувствовали себя одинаково жутко. А что, если увидятъ изъ окна, если въ эту минуту выглянетъ караульный, появится прохожій!.. Два сердца судорожно замерли, четыре глаза горѣли углями.

— Фффу-у! Стойте здѣсь, прислонитесь къ стѣнкѣ.

Черезъ минуту за угломъ былъ и «Аника-воинъ», тоже принесенный на рукахъ.

— Теперь тихимъ манеромъ... Аникей, не отставай. Вашбродь, держитесь за меня крѣпче. Мои руки пусть останутся въ резервѣ — своими работайте.

Второй трудный этапъ былъ у забора. Высокій, каменный, преподло утыканный по гребню стекляшками, онъ для здороваго Филатова казался ничтожнымъ. Но съ двумя инвалидами это была цѣлая переправа.

— Охъ, если нарвемся, то, видитъ Богъ, не я буду виноватъ, — ворчалъ Филатовъ, перетаскивая по очереди спутниковъ.

— Брось, Миша. Я лучше вернусь, Куда-жъ тебѣ съ двумя калѣками! — плаксиво скулилъ «Аника-воинъ».

— Молчи ужъ ты! Лѣзь, скула несчастная!..

Дальше пошли пустыри села, лѣсокъ, необозримые снѣга и сугробы, крѣпкіе, съ хрустомъ.

— Я потому бѣгу, вашбродь, что въ плѣну мнѣ никакъ невозможно. Зарѣзъ! — говорилъ Мишка прапорщику тихо и убѣдительно. — Развѣ для меня плѣнъ тяжелъ, или что? Какъ бы не такъ! Видывали мы мѣста почище этихъ нѣмецкихъ, и обращеніе знаемъ позаковыристѣй. Не въ томъ дѣло. Подвигъ мнѣ надобенъ,

вашбродь. Какъ сами изволите знать, безъ подвигу мнѣ крышка. Послѣ замиренія опять ступай въ жиганы... А подвигъ гдѣ же сыщешь, кромѣ роты? Только въ числѣ прочихъ можетъ и удостоюсь, ежели пофартитъ случай. Вотъ и бѣгу — своя шкура каждому дорога... Эге, да вы совсѣмъ ослабли, вашбродь. Дайте-ка, я возьму васъ на руки — такъ будетъ способнѣй, а то до свѣту не доберемся... Ничего, ничего, не извольте безпокоиться — я жилистый... Тутъ обойти придется ихніе окопы влѣво... Аникей, не отставай! Держись за плечо, братъ. Обопрись...

Отъ усталости и боли у прапорщика шумѣло въ ушахъ, слышался какой-то звонъ и прыгали огоньки. Руки свѣшивались за Мишкиной спиной, какъ два толстыхъ, болтающихся обрубка. И все дальше отодвигалось окружающее, все покойнѣй становилось на душѣ. Мысль плела странный безсвязный узоръ о чемъ то знакомомъ, старомъ, смѣшномъ:

— Ай да мы! Хо, хо, хо! Ѣдемъ на саночкахъ... Ха, ха, ха, разступись!.. Приглашаю встать — судъ идетъ! О, судъ справедливъ!.. Ти-ипъ этотъ Филатовъ! Жуликъ!..

Сбоку же понуро шагалъ «Аника-воинъ». Въ его пылающей, до одури тяжелой головѣ не было никакихъ мыслей.

ЧУДО

ЧУДО.

Профессоръ, худой и изможденный, словно бы нарочито вывяленный, равнодушно смотрѣлъ и слушалъ. Объясненія ему давалъ ординаторъ палаты и изрѣдка, когда дѣло касалось мелкихъ подробностей, подсказывала сестра милосердія.

— А этотъ все еще здѣсь! — съ удивленіемъ сказалъ профессоръ, останавливаясь у койки ротмистра Кавторадзе.—Замѣчательно!

— Вторую недѣлю безъ перемѣнъ,— доложилъ ординаторъ.—Только хрипитъ. Въ сознаніе ни разу не приходилъ. Хотя надежды никакой, но я все же распорядился, чтобы разъ въ день ему вводили жидкую пищу.

Сестра добавила:

— Температура только однажды поднялась до 38,6. Повязку мѣняли вчера—выдѣленій почти нѣтъ.

— И все хрипитъ?

— Хрипитъ.

— Замѣчательно!—повторилъ профессоръ.

У слѣдующей койки ординаторъ кратко, на спѣхъ

давалъ поясненія о раненомъ съ ампутированной ногой, но профессоръ сталъ окончательно разсѣяннымъ и все оглядывался на хрипящаго ротмистра.

— Снимите повязку,—прервалъ онъ вдругъ ординатора на полусловѣ.

— Прикажете отнести въ операціонную?

— Не надо. Здѣсь.

Служитель Іоганнъ поддерживалъ голову, сестра быстро и ловко разматывала бинтъ.

— Замѣчательно!—еще разъ протянулъ профессоръ.

Черные, курчавые волосы кавказца-ротмистра свалялись въ блестящую паклю и рядомъ съ ними мѣловая блѣдность кожи казалась подчеркнуто прозрачной и страдальческой. Возлѣ носа запеклось узкое входное отверстіе раны, а на затылкѣ въ пробритой чащѣ волосъ—выходное. И оттого, что раненый не переставая хрипѣлъ, эта породистая голова пугала. Умолкни онъ—на первый планъ выступила бы красота рѣзко очерченнаго профиля, высокаго лба матово-нѣжной бѣлизны, придававшей всему рисунку лица впечатлѣніе трагичности. Но онъ не смолкалъ.

— Наложите повязку,—сказалъ профессоръ и пошелъ дальше.

Высокій, согбенный, вывяленный, онъ давно разучился волноваться. Особенно въ этой палатѣ русскихъ плѣнныхъ, которые если и представляютъ интересъ, то только съ точки зрѣнія хирургіи. Что пуля пронизала мозгъ и человѣкъ все же живъ, борется со смертью двѣ недѣли, это заслуживаетъ вниманія. Но что этотъ плѣнный красивъ—какое дѣло профессору! И не плакать же ему на груди у каждаго изъ этихъ полуживотныхъ только потому, что имъ больно! Скучный вздоръ!..

Вечеромъ сестра обошла затихшую палату, записала въ скорбные листки температуру, раздала капли.

— Все хрипитъ?

— Хрипитъ. Живучій!—отвѣтилъ Іоганнъ.

— За нимъ нужно присматривать ночью. Профессоръ хочетъ производить какіе-то опыты.

— Будьте покойны, фрейленъ.

Раненые лежатъ смирно. Лишь тѣ, кто въ забытьѣ, не сдерживаютъ стона и что-то бормочутъ въ бреду, мечутся. Остальные же притаились, чувствуютъ себя «на виду у непріятеля», во вражескомъ станѣ. Каждый отлично понимаетъ, что жалобы и слабость не найдутъ состраданія и не встрѣтятъ ласковаго отклика. А дразнить злорадство стоитъ ли? Это придаетъ мужества и крѣпости. Молчатъ, стихли.

* * *

Была глубокая ночь, когда ротмистръ Кавторадзе открылъ глаза и понялъ окружающее.

Низкая, обширная комната сплошь заставлена койками. Углы и дальніе проходы тонутъ въ полумракѣ. На табуреткѣ сидитъ сѣдой человѣкъ въ жилетѣ и бѣломъ передникѣ, точно мясникъ.

Странно, зачѣмъ бы мяснику быть въ госпиталѣ!

Всталъ, прошелся, стучитъ сапогами. Что-то знакомое мелькнетъ и исчезнетъ въ наружности этого старика. Гдѣ ротмистръ видѣлъ это лицо?.. Подходитъ-улыбается, наклонился къ изголовью.

— Лучше вамъ, баринъ?

Чортъ возьми, да вѣдь это Аксеновъ, старый, вѣрный, незамѣнимый Аксеновъ!

— Голубчикъ, когда же ты пріѣхалъ съ Кавказа? И гдѣ это мы?

— Молчите, баринъ, ттссс-сс-сс! Мы у нѣмцевъ.

Стало вдругъ холодно, побѣжали мурашки.

Вотъ такъ огорошилъ, старина! Впрочемъ, на то похоже. Какая отвратительная комната! Низкая, тусклая, затхлая, будто казематъ. Развѣ въ Россіи держали бы раненаго ротмистра въ такомъ мерзкомъ сараѣ!

— Ради Христа, баринъ... Лежите смирно. Идутъ.

Ахъ, славный старикъ! Пробрался сюда, что-то дѣлаетъ, должно быть служитъ, рискуетъ головой. О, тутъ не безъ участія Анны! Только въ ея отчаянной головѣ могъ родиться подобный замыселъ.

Два служителя и впереди сестра милосердія идутъ мимо коекъ въ проходѣ. Мужчины несутъ въ рукахъ носилки. Остановились, неловко и словно бы съ преднамѣренной грубостью берутъ съ койки человѣка за руки подъ плечи и за ноги. Набросили сверху какое-то грязное рядно и понесли. И все это такъ небрежно, съ такой ремесленной непочтительностью къ великому таинству смерти, что даже сестра поморщилась.

— Осторожнѣй вы,—сказала она съ сердцемъ.

Бр-р-р-р!.. Такъ вотъ оно какъ дѣлается эта штука! Унесли—и нѣтъ тебѣ никакого помину. «Ни сказки о васъ не разскажутъ, ни пѣсни о васъ не споютъ». Однако!

— Померъ, бѣдняга. Въ животъ былъ раненъ и не выжилъ,—шепчетъ Аксеновъ, проводившій печальную процессію и снова склонившійся къ раненому ротмистру.

Любопытно было бы знать, сдѣлаютъ ли эти негодяи хоть надпись? Оставятъ ли хоть какой-нибудь слѣдъ? Здѣсь, молъ, погребенъ такой-то, умершій отъ ранъ тогда-то... Или просто кинутъ въ яму, какъ падаль? Бр-р-р-р!..

И опять бѣгутъ мурашки по ротмистровой спинѣ.

— Что это ты, старикъ, какъ смотришь? Точно я съ того свѣта вернулся,—шутливо спрашиваетъ раненый.

— Съ того и есть. А какъ же, батюшка? Почитай, и не чаяли ужъ выходить. Впрямь съ того свѣта!

— Ха, ха, ха! Ну, ты и скажешь же!

— Тссс-сс! Тише, баринъ. Остерегитесь. На грѣхъ мастера нѣтъ, неровенъ часъ услышитъ кто. Кругомъ нехристи.

Аксеновъ шепчетъ испуганно и озирается на двери.

Какимъ образомъ онъ пробрался въ нѣмецкій лазаретъ? Какъ нашелъ своего ротмистра? Откуда вдругъ это знаніе ихъ языка? Любопытно! Точно въ бульварномъ романѣ.

— Вы, баринъ, сильны ли?

— Я то—ого!

— Надо бы бѣжать. Барыня заждалась. Изстрадалась, бѣдная. Таетъ, можно сказать.

— Какая барыня? Анна? Анна Львовна?

— Господи, какой-же еще быть?!

— Гдѣ она, старикъ? Веди меня!

— Повремените, батюшка. Нужно съ толкомъ.

— Веди сейчасъ. Видишь, я здоровъ, какъ быкъ.

— Тссс-ссс! Что вы, баринъ! Лежите, говорю вамъ.

На цыпочкахъ Аксеновъ ушелъ. По тусклой подслѣповатой палатѣ несутся шорохи. Кто-то шепчетъ во снѣ и вздыхаетъ, у кого-то срывается стонъ боли.

Низкій потолокъ давитъ ротмистра. Какая, чортъ побери, подлость! Влопаться въ плѣнъ, лежать въ мерзѣйшей обстановкѣ, точно послѣдній бродяга, окруженный презрительной небрежностью смертельныхъ враговъ! Хватитъ ли у него рѣшимости исполнить то

7*

страшное обѣщаніе, которое онъ далъ самому себѣ передъ походомъ:

— Лучше пулю въ лобъ, чѣмъ плѣнъ!

Впрочемъ, это въ крайнемъ случаѣ. Теперь возлѣ него Аксеновъ. Все будущее полно яркаго свѣта. О, онъ убѣжитъ! У него столько силы, что и старика вынесетъ на рукахъ, если понадобится. Анна! Милая, вѣрная Аннико—гдѣ ты? Ау, Аннико! Чуешь ли ты, что часъ близокъ? Чуешь, чуешь! Знаю! Ха-ха-ха!..

— Бога вы не боитесь! Оглашенный!..

Старикъ бѣжитъ, машетъ руками. У него злые округлившіеся глаза и встревоженное безъ кровинки лицо. Въ полумракѣ онъ напоминаетъ сову, размахавшуюся крыльями, готовую клюнуть.

— Ничего, старина. Подумаютъ, что это я въ бреду.

— Молчите. Не дышите... Ради Создателя, не выдайте себя! Сію минуту за вами явятся.

Въ дверяхъ опять появляется та же пара зловѣщихъ служителей съ носилками. Останавливаются у его кровати. Неужели?!.. Такъ и есть! Жесткіе пальцы впились въ тѣло, на лицо упало тяжелое вонючее рядно. Фу, до чего это противно, однако!.. Шагаютъ какъ попало, трясутъ, того гляди выронятъ. Вотъ охватило острымъ холодомъ—вынесли на дворъ. Жалобно пропѣла тяжелая дверь и рядно такъ быстро откинули, что ротмистръ отъ неожиданности мигнулъ... Ахъ, скоты! Они даже не дали себѣ труда вынуть тѣло изъ носилокъ—просто вывернули, вытряхнули, какъ мусоръ. И ушли—фф-фу! Вотъ это здорово!..

— Батюшка, не замерзли вы?

Ахъ, Аксеновъ! Ахъ, милый, чудесный старикъ! Думалъ ли когда-нибудь ротмистръ Кавторадзе, что

ты явишься на его пути въ такой изумительной роли ангела-хранителя!.. Чулки, штаны, какая-то теплая ватная куртка, полушубокъ...

— Только бы не простудиться вамъ—барыня Анна Львовна со свѣту сживетъ.

И такъ мягко, такъ проворно работаютъ старыя руки.

Простудиться! Ну, это шалишь, братъ. Полъ, положимъ, каменный и въ погребѣ морозъ, но не для того ротмистръ вырвался изъ больничной тюрьмы, чтобы простудиться!.. А жутко! При слабомъ свѣтѣ закопченнаго ночника Кавторадзе видитъ оскаленные зубы, страшныя застывшія маски. Трупы навалены кучей, въ одномъ бѣльѣ. Десятки глазъ остановились на какой-то послѣдней мысли, съ которой ихъ засталъ Рокъ, и кажется ротмистру, что эта мысль о немъ — объ его изумительной удачѣ. Ужъ не завидуютъ ли несчастные изъ-за гроба? Какъ они упорно, какъ неотступно слѣдятъ за каждымъ движеніемъ ротмистра. Что они знаютъ? А вдругъ вся эта затѣя сорвется и десятки глазъ таятъ не зависть, а злорадную насмѣшку. Вѣдь отъ нихъ теперь ничто не скрыто... Вонъ, вонъ отсюда!

— Да постойте вы! Ффу, наказаніе!.. Шубу-то, шубу застегните. Охъ, баринъ, съ вами невозможно имѣть никакого дѣла.

— Молчи, старина.

— Чего молчи. Нате шапку... Замѣсто побѣгу, угодимъ мы, кажется, подъ разстрѣлъ.

— Молчи. Развѣ ты не видѣлъ, какъ они смотрѣли?

— Кто?

— Они. Трупы.

— Святъ, святъ!.. Въ умѣ ли вы—на этакое заглядываться!

— Ну, идемъ. Веди.

— Тихонько, баринъ. Не выкидывайте вы, Христа ради, своихъ фортелей!

Осторожно, всей фигурой своей изображая воплощенную боязнь, двинулся старикъ вдоль забора, въ тѣни сарая, по глубокому снѣгу. Ни звука, ни шороха. Какъ легкій пухъ, забираясь въ складки кожи, разступается подъ сапогомъ снѣгъ. Запорошенныя стѣны, занесенный между ними проходъ кажутся глухими, навсегда брошенными.

И чего онъ такъ труситъ, этотъ Аксеновъ? Ну да, осторожность нужна, однако нельзя же доводить ее до глупой робости. Въ рѣшительныя минуты спасаетъ не страхъ, а только смѣлость, налетъ.

— Скорѣй, старикъ!

— Голубчикъ, баринъ миленькій! Хоть барыню Анну Львовну вспомните! Дѣтокъ малыхъ пожалѣйте!

Гнусавитъ, чуть не плачетъ. Кажется, онъ выжилъ изъ ума и со своей слезливой трусостью только провалитъ предпріятіе.

— Мы, что же, пѣшкомъ пойдемъ или есть лошади?

— Все есть. Имѣйте же терпѣніе, баринъ.

Околица. Не то зады хорошаго села, не то окраина городского предмѣстья. Донесется откуда-то одинокій лай и стихнетъ. Снѣгу мѣстами нанесло сугробы, а вперемежку тянутся прогалины и подъ подошвой чувствуется твердая земля. Небо точно выткано старательными, любовными руками. Въ прозрачномъ воздухѣ не скрылась ни одна звѣзда, даже самая маленькая. Всѣ блещутъ, всѣ до послѣдней то сверкаютъ яркими бриллiантами, то тихо, задумчиво мерцаютъ

изумрудными, зелеными огоньками. Луна зачаровала бѣлую землю какой-то сказочной холодно-сладостной красой. Притягиваетъ, манитъ, безпокоитъ душу несбыточными мыслями и видѣньями. И кажется, будто въ свѣтѣ ея теплѣй, чѣмъ въ тѣни. Теплѣй не градусами, а колдующей лаской, загадочной, тревожной и холодной, какъ мечта о недоступной дѣвушкѣ, которой никогда не быть вашей.

— Идемъ же!

— Да идемъ, идемъ.

Ротмистръ вглядывается въ лицо Аксенова — оно словно переродилось. Добродушно улыбается, страха нѣтъ. Молодецъ, старикъ! А казался бабой. Совсѣмъ молодецъ! Смѣется, безпеченъ—отлично!

— Воля, мой Воля!

Что же это—навожденіе? Но нѣтъ, нѣтъ—двѣ руки, холодныя, въ простывшемъ мѣху, охватываютъ шею ротмистра и сжимаютъ.

— Я заждалась, передумала Богъ знаетъ что. О, Воля, орликъ мой, дай посмотрѣть! Творецъ небесный, поблѣднѣлъ, осунулся... Ахъ, подлые, подлые!

— Аннико, ты что же здѣсь дѣлаешь? Фу, глупая!

Холодное, милое, иззябшее лицо.

Какъ знакомо оно и какъ дорого! Зашевелила губами, привычно, быстро отодвигаетъ усы — знакомый жестъ, всегда волнующій.

— Будетъ, Аннико! Бѣжимъ!..

Фу, даже голова закружилась.

— Да будетъ же!

А губы все шевелятся, горячѣй, крѣпче.

— Какъ Нина? Поправилась?

— Давно.

— А Петька?

— Ха, ха, ха! Ты представить не можешь — маршируетъ!

— Ха, ха, ха!

— Да вы, барыня, никакъ съ ума сошли. Али хотите попасться?! — сердито прикрикнулъ Аксеновъ.

Подъ деревьями, въ тѣни, фыркаютъ лошади.

— Что это? Никакъ тройка?

— Милый, я же помню, что ты любишь.

— Но вѣдь это безуміе — приводить сюда русскую тройку!

— Та-та-та! Не такъ страшно! До нашихъ два часа. Садись же. Ты не усталъ?

Анна совершенно такая же — и «та-та-та», и безпечность, и отвага. Прелесть Аннико — единственная во всемъ свѣтѣ.

— Пошелъ!

— Эхъ, бубенцы бы! Была бы штука!

— Фу, дура! Ха-ха-ха! Бубенцы! Ха, ха, ха!..

Опять быстро-быстро губы расчищаютъ мѣсто, отталкиваютъ усы и вмѣстѣ шепчутъ:

— Не смѣй браниться, слышишь, не смѣй!

— Погоди, Аннико, послѣ.

— Тебѣ больно?

— Нѣтъ, ничего. Такъ бубенцы, говоришь?

— А что бы ты думалъ? Они въ саняхъ. Доѣдемъ до своихъ и подвѣсимъ. Я все предусмотрѣла.

— Повремените маленечко, барыня. Не насмѣять бы намъ худа.

— Не каркай, старый.

Широкимъ махомъ уходитъ коренникъ, какъ змѣи вьются пристяжныя. Сбоку мчится и искрится яркій путь къ лунѣ. Ея лучи отразились въ милліардахъ снѣжинокъ и танцуютъ на узкой полосѣ бѣшеный та-

нецъ. То зеленоватымъ, то золотистымъ, то огненнымъ блескомъ сверкаетъ эта сказочная дорога, прорѣзавшая наискось необозримую бѣлую равнину.

— Хорошо?

— Хорошо, милый.

И кажется ротмистру Кавторадзе, что столько въ немъ любви къ своей Аннико, столько благодарной нѣжности къ старому слугѣ, столько трепетнаго нетерпѣнія увидѣть Петьку и Нину, что стоитъ только захотѣть — и улетятъ они отъ мчащейся тройки, какъ отъ стоячей. Будто въ удивительномъ, рѣдкомъ снѣ, растетъ и ширится въ тѣлѣ радость, легкость, способность летѣть безъ крыльевъ. Нѣтъ преградъ. Увѣренность въ себѣ необыкновенная.

— Полетимъ? Хочешь?

— Милый, очнись! У тебя жаръ, Воля, ты бредишь!

— Ахъ, какая баба! Летимъ, говорю? Не боишься?

— О, Воля! У тебя страшное лицо. Ты поблѣднѣлъ. Дай мнѣ руку. Это я — твоя Аннико!

— Фу! Въ самомъ дѣлѣ жарко. Ха-ха-ха! Ну, успокойся, успокойся, дѣтенышъ мой.

— Я испугалась. Вдругъ, «летимъ»! И лицо странное.

— Это шутка, я нарочно. Ты кого угодно стянешь съ облаковъ на землю...

Да, напрасно это, Аннико... Упустила моментъ. Неужели она никогда не видѣла такихъ сновъ? Впрочемъ, что за бѣда. Эта тройка тоже словно изъ сна — летитъ. И удивительно: топота совершенно не слышно. Не отдѣлились ли кони отъ земли?

Ротмистръ перегибается черезъ край широкой кошевы, убранной ковромъ. Нѣтъ, бѣгутъ и скачутъ, какъ надо. Только быстро, точно летятъ.

— Пшелъ! — вскрикиваетъ онъ дикимъ «цыганскимъ» покрикомъ.

Ухнуло, прокатилось по застывшей равнинѣ, ударилось о какую-то невидимую стѣну и вернулось обратно. Дико, захватывающе-радостно.

— Пшелъ!!

— Тебя это тѣшитъ, милый?

Тѣшитъ ли?! Ха-ха-ха! Развѣ можетъ ротмистръ Кавторадзе остаться покойнымъ, когда грудь его распирается ликующей радостью? Свободенъ! Здоровъ! Ѣдетъ, мчится къ дѣтямъ! И могъ бы полетѣть, только не хочетъ, потому что встревожитъ Аннико. Въ лучшемъ видѣ полетѣлъ бы. Ого...

— Стой!

— Что такое?

— А бубенцы.

— Ахъ, да! Стой! Стой же! Значитъ мы дома?

— Видишь, вонъ наши сторожевые огни.

Какъ же это онъ не замѣтилъ раньше?! Родные, близкіе костры! И онъ грѣлся у такихъ же до того подлаго дня, когда его хлестануло по «мордѣ». Сидѣлъ на корточкахъ, протягивалъ застывшія ладони къ трескучему пламени.

— Сиди, сиди, братцы. Погрѣемся, чѣмъ Богъ послалъ.

Ха-ха-ха! Братцы сидятъ, завязывается бесѣда, сначала робко, потомъ смѣлѣй, разспрашиваютъ о новостяхъ, а онъ самъ ничего не знаетъ. Почему въ мирное время никогда такихъ разговоровъ не бывало? Въ сущности, братцы—отличный народъ. Да, знакомые, родные костры!..

— Гони, голубчикъ. Теперь недалеко,—говоритъ

Анна, а ротмистръ такъ размечтался, что голосъ ея кажется далекимъ, чуть слышнымъ.

— Пшшшелъ!!

Кони рванулись, взвились съ мѣста вскачь. Дробно и звонко заговорили бубенчики разноголосымъ серебрянымъ подборомъ. Отчетливо и низко, будто октава въ хорѣ, громыхнулъ колоколъ подъ дугой. И вмѣстѣ съ этимъ безысходной жалобной болью сжалось сердце ротмистра.

— Аннико! Аксеновъ! О, Боже праведный!..

Кинули его, кинули! За что же это? Зачѣмъ поманили его? Ужъ лучше было не трогать, оставить въ нѣмецкой неволѣ—подохъ бы, какъ собака, на лазаретной койкѣ, во вражескихъ лапахъ...

— Аннико! Опомнись! Вернись, Аннико! Мнѣ холодно—стыну я, стыну! О, предательница! Подлая, низкая тварь! Аннико!..

Дальше и глуше бубенцы. Низко-низко къ лицу склонилась холодная, неразгаданная луна. Пламя дозорныхъ костровъ желтоватымъ свѣтомъ слѣпитъ глаза и знакомый, хриплый голосъ солдата успокаиваетъ:

— Не извольте тревожиться, ваше б—родіе. Они вернутся... Сію минуту вернутся.

— Я здѣсь... Воликъ мой, орликъ мой! Здѣсь я—твоя Аннико. Я пошутила. Дальше, милый. Петюня ждетъ, Нина... Очнись же. Тебѣ привидѣлось, ты слабъ еще. Слышишь бубенчики?

Про какіе она говоритъ бубенчики? Ахъ, да!... И костры... Какъ близко они горятъ—у самыхъ глазъ... Солдаты забезпокоились, вскочили—къ чему это? Будто они чужіе ему, будто не вмѣстѣ дѣлили и холодъ, и лишенія? Гдѣ-гдѣ, но не у костровъ разводить субординацію. Тутъ они—товарищи, друзья!

— Сиди, братцы, сиди! Грѣйтесь, милые. Покаля-каемъ? А?..

— Я съ тобою, мой Воля. Я всегда здѣсь, возлѣ тебя... Слышишь бубенчики? Это наша тройка. Скоро пріѣдемъ.

Фу, какой страшный кошмаръ! Какъ онъ, боевой ротмистръ, смогъ допустить себя до такой слабости, до такого мерзкаго подозрѣнія! О, вѣрная, любимая Анна! Прости, ну, прости же!

— Аннико! Дѣтенышъ мой, ближе!—будто молитву шепчетъ ротмистръ Кавторадзе.—Ахъ, какъ легко мнѣ! Дай губы. Такъ... Ха-ха-ха! Усы? Мѣшаютъ? Ну, ничего, Аннико... Не уходи. А Петька, Нина—гдѣ же они? Ф-фу, легко мнѣ, Аннико. Хорошо! Наконецъ то всѣ вмѣстѣ!..

* * *

Поручикъ Алексѣевъ уже давно прислушивается къ невнятному бормотанью ротмистра Кавторадзе. У поручика ампутирована нога, онъ безпомощенъ, но голова свѣжа.

— Кризисъ!—думаетъ онъ о товарищѣ и старается догадаться:—лучше это двухнедѣльнаго хрипѣнья или хуже?

Потихоньку, чтобы не разбудить спящаго Іоганна, всталъ рядовой Тычковъ и приковылялъ къ офицерамъ.

— Никакъ очнулись г. ротмистръ? Не хрипятъ?

— Нѣтъ, бредитъ. Посиди, голубчикъ, здѣсь. Можетъ быть понадобится помощь.

— Слушаю-съ, ваше б—родіе.

Тычковъ осторожно садится на край кровати. Палата, какъ казематъ, закопченная, тусклая, съ сырыми голыми стѣнами. Несутся шорохи. Поручикъ и сол-

дать, задумчиво глядя въ дальніе темные углы, вслушиваются въ безпокойныя, сбивчивыя рѣчи ротмистра. Какія видѣнія мутятъ эту на рѣдкость красивую, пронзенную свинцомъ, голову? Что это—выздоровленіе или конецъ?

— Чай, дѣтокъ поминаетъ,—тихо обронилъ Тычковъ.—Въ жару постоянно такъ: откуда что берется!

Поручикъ промолчалъ. Да и что тутъ вообще скажешь? На сердцѣ, какъ въ этомъ казематѣ: темно и глухо. Не до разговоровъ.

БРАТЬЯ

БРАТЬЯ.

I.

Панни Марія Догушевская ѣхала домой изъ Яблонова и сердито покрикивала на кучера:

— Погоняй же, Антось! Это невыносимо!

У панни Маріи Догушевской имѣлись серьезныя причины сердиться. Ей надоѣло примирять своихъ сыновей и терпѣть постоянныя непріятности... То обижается Янтекъ — и не угодно ли возиться съ нимъ, доказывая правоту Стася. То вламывается въ амбицію Стась—и снова успокаивай. Ужъ, кажется, чего имъ дѣлить? Каждый имѣетъ свою собственную землю, у каждаго своя усадьба, свое хозяйство, свои доходы. Живутъ другъ отъ друга чуть ли не въ ста верстахъ. Оба вѣрные католики, оба любятъ мать, оба честные поляки. Даже подданства разнаго: Янтекъ—германскій подданный и его имѣніе Краснополье расположено вблизи Яблонова на нѣмецкой землѣ, а Стась—русскій, живетъ вмѣстѣ съ матерью въ усадьбѣ Догушево Болото, возлѣ города Прасныша. Чего лучше! Живи

всякъ, какъ хочешь, устраивайся по своему, а другъ друга встрѣчай по-братски. Такъ нѣтъ же тебѣ! Что ни встрѣча, то ссора. Начнутъ съ пустяковъ, то да се—глядишь, уже оба натопорщились, надулись. Вчера дошло до того, что Стась швырнулъ стаканъ объ полъ и крикнулъ:

— Коли ты такъ, то больше я тебѣ не братъ! Баста!

Послѣ на коня и сломя голову ускакалъ.

И такъ каждый разъ. Нужна имъ эта политика, какъ собакѣ пятая нога! Спорятъ, спорятъ, спорятъ! Точно бы имъ поручили дѣлить и устраивать отчизну. Спроси у любого здравомыслящаго поляка: въ Варшавѣ лучше, въ Познани ли или въ Краковѣ—онъ не задумываясь отвѣтитъ, что вездѣ одинаково. А они все дѣлятъ, все спорятъ.

О, панни Догушевская отлично понимаетъ, что ссоритъ ея сыновей! Одна въ нихъ кровь—польская, а родина ихъ разорвана на три куска и каждый изъ братьевъ по своему хочетъ ей добра. Они и рады бы помочь своей общей отчизнѣ—Польшѣ, но не могутъ, безсильны, а потому каждый тянетъ въ свою сторону. Янтекъ бранитъ русскихъ, Стась—нѣмцевъ. Встрѣчаются братьями, а разстаются чуть ли не врагами. Каково это матери!..

Невеселыя мысли у панни Догушевской. Весь вчерашній вечеръ она провозилась съ Янтекомъ—насилу успокоила. Теперь вотъ пріѣдетъ въ Догушево-Болото и второй вечеръ будетъ возиться со Стасемъ.

— Ты долго еще будешь трясти меня!—вскрикиваетъ панни.

Хлопецъ, не оборачиваясь, ворчитъ подъ носъ:

— Долго ли!.. Ты дай мнѣ хорошаго коня, такъ я поѣду. Мои кони, что ли?

За Праснышемъ, верстахъ въ трехъ отъ Догушева-Болота, бричку встрѣтилъ Стась. Лицо его было пасмурно и весь костюмъ въ пыли. Должно быть, онъ долго скакалъ, такъ какъ лошадь подъ нимъ была въ мылѣ и тяжело дышала.

— Ну, что?—спросилъ онъ, поздоровавшись.

— Что, Стась? О чемъ ты?

— Такъ вообще... Хорошо ли доѣхала?

— Ахъ, Стась, и не говори! Чѣмъ дальше, тѣмъ хуже. Кажется, меня ужъ достаточно должны бы знать на границѣ. Ѣзжу десять лѣтъ по два раза въ мѣсяцъ. А нѣмчура эта, будто ее наускали, придирается къ каждому пустяку.

— Въ Дзядлово?

— Ну, да. Одни и тѣ же чиновники. Я ихъ всѣхъ по лицамъ выучила.

— Негодяи, — пробурчалъ Стась и, привязавъ лошадь къ задку брички, сѣлъ рядомъ съ матерью.

— Стасикъ мой,—тихо сказала панни Марія.—Ты вѣдь старшій, ты благоразумнѣе. Неужели нельзя сдержаться...

Сынъ молчалъ.

— Ну, я понимаю, если бы была причина, а то пустое все, одни разговоры.

— Нѣтъ, не разговоры, а вся вѣра.

— Помилуй Богъ! — испугалась панни. — Вѣра въ Христа Спасителя?

— Ахъ, мама, зачѣмъ ты путаешь! Религія—одно, а вѣра въ спасеніе отчизны—другое. Какіе мы были бы поляки, если бы перестали думать о своей родинѣ, о своемъ народѣ!

— Но ссориться зачѣмъ? Вы—братья.

— Ты только подумай: Янтекъ стоитъ на томъ, что

8*

нѣмцы освободятъ Польшу! Могу ли я хладнокровно это слушать?

— Ахъ, Стась! Больно мнѣ...

— Не буду... бросимъ это.

— Ты напишешь Янтеку?

Стась съ удивленіемъ взглянулъ на мать — въ его душѣ еще кипѣла вчерашняя обида. Но встрѣтивъ въ глазахъ матери нѣмую мольбу, отвѣтилъ уклончиво:

— Послѣ... Пусть это немного забудется.

Молча они пріѣхали и молча же разошлись.

II.

Догушево-Болото съ фольварками и угодьями насчитывало свыше тысячи десятинъ. Въ немъ всегда работы было по горло, тяжелыя мысли въ головѣ не застаивались.

Тѣмъ не менѣе, среди дѣла, и особенно по вечерамъ, панни Догушевская частенько вздыхала и пробовала примирительно заговорить со Стасемъ о Янтекѣ. Старшій сынъ ея, видимо, смягчался. Такъ было постоянно: подуется, посердится, а послѣ уйдетъ на весь вечеръ въ кабинетъ и напишетъ брату большое, ласковое письмо. Мать кладетъ конвертъ въ сумочку и счастливая, сіяющая, приказываетъ хлопцу Антосю закладывать бричку. И Янтекъ, навѣрно, ждетъ съ нетерпѣніемъ, когда мать пріѣдетъ въ Краснополье съ знакомымъ тугимъ пакетомъ. Онъ прочтетъ посланіе брата быстро, съ налета, а затѣмъ тоже засядетъ на цѣлый вечеръ. Возвращаясь въ Догушево-Болото, панни Марія привезетъ въ сумочкѣ другое письмо.

Но въ этотъ разъ вышло иначе. Стась дулся дольше

обыкновеннаго. Какъ-то утромъ прибѣжалъ хлопецъ Антось и таинственно доложилъ хозяйкѣ:

— Что я вамъ скажу, панни! Казаки ѣздятъ по деревнямъ, отбираютъ у крестьянъ лошадей... Мобилизацiя!.. Говорятъ, будетъ война съ нѣмцами.

— Что ты врешь! Кто говоритъ?

— Всѣ говорятъ. Стражники ходятъ по фольваркамъ, сзываютъ запасныхъ.

Панни Марiю это извѣстiе поразило, будто громомъ.

Война съ нѣмцами!.. Стась здѣсь, Янтекъ тамъ... Польется кровь, никого черезъ границу не пустятъ. Янтекъ резервистъ—его обязательно возьмутъ... убьютъ... Боже мой, что же это будетъ!..

Вѣсть о войнѣ быстро распространилась. Пришелъ Стась, серьезный, нахмуренный.

— Дождались!—сказалъ онъ злобно.—Вотъ Янтекъ хотѣлъ борьбы Россiи съ Германiей — пусть теперь расхлебываетъ.

— Стасикъ! Господи!.. Какъ же быть? Не поѣхать ли мнѣ въ Краснополье?—ломая руки, спрашивала мать.

— Оставь, мама. Мыслимо ли въ такое время ѣхать! Тебя арестуютъ, примутъ за шпiонку. Положись на Божью волю, мама... А кромѣ того, нужно и самимъ ко всему приготовиться.

Панни Марiя охала, металась по комнатамъ, все у нея валилось изъ рукъ. А Стась въ это время дѣлалъ хозяйственныя распоряженiя. Хлопецъ Антось и еще два вѣрныхъ человѣка съ лихорадочною поспѣшностью грузили какiе-то таинственнные тюки и мѣшки на два фургона, стоявшихъ въ сараѣ. Самъ Станиславъ Догушевскiй верхомъ ускакалъ куда-то и до полдня пробылъ въ лѣсу за Старыми Болотами. Они были непроходимы, а за ними укрывался отъ людскихъ глазъ запо-

вѣдный боръ. Въ немъ водились и лоси, и волки, и даже медвѣди. Старики разсказывали, будто во время польскаго востанія 1863 года этотъ лѣсъ сыгралъ крупную роль и схоронилъ не одну сотню поляковъ отъ казачьей пули.

Когда свечерѣло, то изъ усадьбы тихо выѣхали фургоны, до-верху нагруженные таинственными мѣшками. Сзади фургоновъ на короткихъ оброткахъ шла шестерка лучшихъ лошадей пана Стася.

На слѣдующій день въ Догушево-Болото пришелъ строжайшій приказъ доставить въ Прасньшъ всѣ повозки, экипажи и лошадей. Еще черезъ нѣсколько дней въ усадьбу пріѣхалъ на ночлегъ казачій разъѣздъ. Полусотня расположилась за господскимъ садомъ. Двое офицеровъ явились было въ домъ, но и панни Догушевская, и Стась встрѣтили ихъ холодно. Офицеры не задержались. Попросили продать имъ фуражу для лошадей, одного быка и еще кое-какой мелочи для обѣда. За все расплатились и ушли.

— Будьте осторожнѣе, — предупредилъ старшій офицеръ.—Запасы и скотину я бы посовѣтовалъ отправить куда-нибудь подальше, къ Варшавѣ. Каждый день нужно ждать германцевъ.

— Благодарю васъ, панъ есаулъ,—вѣжливо, но сухо отвѣтила хозяйка.

Офицеръ поклонился и вышелъ.

Въ ближайшіе дни казаки продолжали заглядывать въ Догушево-Болото, а затѣмъ скрылись. Весь округъ затихъ, будто насторожился. Чуялось, что это не спроста и что гдѣ-то вблизи назрѣваетъ нѣчто грозное и зловѣщее.

III.

Верховой ежедневно ѣздилъ изъ Догушева-Болота въ Прасньшъ на почту. Панни Марія ждала хоть какой-нибудь вѣсти отъ Янтека и часами глядѣла на дорогу, браня хлопца Антося за медлительность.

Въ воскресенье Антось вернулся съ необычайной быстротой. Онъ такъ настегивалъ коня, точно за нимъ гналась нечистая сила.

— Нѣмцы! Нѣмцы! — кричалъ онъ издали.

Усадьба панни Догушевской заволновалась.

— Страшные? Сердитые? — разспрашивали рабочіе и слуги, окруживъ хлопца.

— Не приведи Богъ! Бургомистра, говорятъ, посадили въ погребъ. Почтоваго чиновника, пономаря изъ церкви и купца Кречетова разстрѣляли.

— За что? Съ нами крестная сила!

— Такъ. Схватили, стали допрашивать и разстрѣляли. Разсказываютъ, такіе они, будто звѣри. Чуть что — бьютъ, жгутъ, разстрѣливаютъ.

Стась хмуро слушалъ Антося, а затѣмъ пошелъ къ матери и сказалъ:

— Не лучше ли, мама, и въ самомъ дѣлѣ уѣхать въ Варшаву? Разсказываютъ Богъ знаетъ что! Подальше отъ грѣха...

Но было уже поздно. Не прошло часу, какъ на дорогѣ заклубилась пыль и показались германскіе кавалеристы. Ѣхали они съ опаской. Передъ тѣмъ, какъ въѣхать въ деревню, долго осматривали ее въ бинокли, обогнули по полю вокругъ избъ, обшарили огороды. Передъ усадьбой Догушевскихъ тоже пріостановились.

Садъ имъ показался подозрительнымъ, офицеръ, что-то скомандовалъ и Догушево-Болото огласилось грохотомъ пальбы. Цѣлый рой пуль защелкалъ по стволамъ деревьевъ, засвистѣлъ въ вѣтвяхъ. Лишь послѣ этого отрядъ въѣхалъ во дворъ панскаго дома.

Стать встрѣтилъ нѣмцевъ блѣдный, но спокойный. Панни Марія стояла на верандѣ и сердце ея замирало.

А что какъ, ни слова не говоря, они начнуть жечь, бить, разстрѣливать? А что, какъ сію же минуту прикажутъ схватить ея Стася и потащутъ къ стѣнѣ, подъ ружейныя дула?..

— По-нѣмецки знаете? — отрывисто и грубо спросилъ офицеръ, не слѣзая съ коня.

— Да, знаю.

— Что это за деревня? Чья усадьба?

— Это наше — мое и матери. Называется Догушево-Болото.

— Казаки здѣсь давно были?

— Нѣсколько дней тому.

— Сколько? Сколько именно?

— Дня три-четыре.

— А навѣрно вы не помните?

— Четыре... Да, именно четыре дня, какъ ушли.

— Сколько ихъ было?

— Кажется, полусотня.

— Фу, дуракъ! Отвѣчай точно! — крикнулъ офицеръ и наѣхалъ на Стася лошадью.

Стась еще больше поблѣднѣлъ и проговорилъ отчетливо:

— Я казаковъ не считалъ, потому что не имѣлъ къ тому нужды. Но мнѣ говорили, что ихъ было два взвода.

— А, не считалъ! Не считалъ! Такъ я тебя заставлю считать въ слѣдующій разъ!

Офицеръ словно взбѣсился отъ злости. Лицо его побагровѣло, рука короткими взмахами подымалась и опускалась. Стась не успѣлъ ни уклониться, ни отпарировать, ни даже сообразить въ чемъ дѣло, какъ на голову ему посыпались удары плетью.

— Негодяй! Подлецъ! — вскричалъ онъ, отвѣчая на боль. — Какъ ты смѣешь бить мирнаго безоружнаго человѣка?! О, мерзавецъ!

— Слѣзай! — скомандовалъ офицеръ. — Взять этого молодца, связать. Онъ еще не знаетъ, какъ мы учимъ этихъ подлыхъ свиней.

Панни Марія видѣла, какъ нѣсколько здоровенныхъ солдатъ навалились на ея Стася, какъ безпомощно и жалко онъ бился въ ихъ рукахъ, какъ лицо его отъ страшнаго удара кулакомъ вдругъ залилось кровью.

Съ неистовымъ крикомъ она выскочила на крыльцо.

— Изверги! Душегубы! Пустите моего сына, пустите! Прочь!

На секунду солдаты опѣшили. Эта разъяренная женщина, съ сѣдѣющими волосами, съ горящимъ взоромъ, показалась имъ страшной, точно привидѣніе. Но офицеръ безпечно захохоталъ и робость прошла. Что за глупости! Здоровому, сытому германскому солдату отступать передъ слабой сѣдой женщиной!..

— Взять и ее. Связать!

И тотчасъ же дюжія руки скрутили, скомкали, смяли панни Марію. Она кинула имъ прямо въ лицо послѣднее проклятіе, а послѣ въ глазахъ помутилось отъ боли и ужаса, сердце стало.

— Обыщите домъ, — приказалъ начальникъ. — Я увѣренъ, въ этомъ вороньемъ гнѣздѣ мы найдемъ не мало интереснаго.

Солдаты уже хозяйничали въ сараяхъ, погребахъ,

кладовыхъ, амбарахъ. Съ деревни привели нѣсколько крестьянскихъ повозокъ и начался грабежъ. Все сколько-нибудь цѣнное выносилось, выбрасывалось изъ оконъ, вытаскивалось. Картины и книги, старинное оружіе и ковры, домашняя утварь и содержимое дѣдовскихъ сундуковъ — все складывалось на возы. Ловили птицу, выносили изъ погребовъ соленья, варенья, копченые окорока, свиное сало, медъ въ кадушкахъ, вино въ боченкахъ, грибы и сушеные фрукты въ вязкахъ.

Грабежъ точно бы опьянилъ ихъ. Съ возбужденными лицами, съ налитыми кровью глазами, съ безсмысленной ненужной жестокостью полузвѣрей, нѣмцы волокли и громили все попадавшееся подъ руку. Что не могли взять съ собой, то били, кололи въ щепы, уродовали. Лишь мелкій, легкій прахъ вздымался къ небу отъ этого погрома помѣщичьяго добра, накопленнаго трудами многихъ поколѣній.

Стась лежалъ накрѣпко связанный у стѣны амбара и злобно думалъ:

«Что жъ, бейте! Бейте, проклятые, грабьте! Хорошо было бы привести сюда Янтека и показать. Ха, ха, ха! Возрожденіе Польши отъ германской культуры! Возрожденіе! Ха, ха, ха!»...

Его било то смѣхомъ, то странной нервной дрожью.

IV.

Передъ вечеромъ къ Догушеву-Болоту подошелъ еще полуэскадронъ германскихъ драгунъ, а когда совершенно стемнѣло, то окна помѣщичьяго дома ярко засвѣтились огнями

Ночь все скрыла. Большая барская усадьба выгля-

дывала мирной и веселой, справляющей какой-то домашній праздникъ. Раздаются безпечные голоса, бѣгаютъ слуги, мелькаютъ за стеклами тѣни гостей... Но изрѣдка сквозь этотъ кажущійся мирнымъ гомонъ тревожно и гулко проносится звукъ выстрѣла... Одинъ, другой, третій. Грохнетъ что-то, похожее на залпъ,— и вновь мирно, вновь суетливо-празднично.

Это съѣхавшіеся германскіе разъѣзды пируютъ послѣ трудового дня.

Трое офицеровъ сидятъ въ наполовину разгромленной столовой и пьютъ. Они уже отужинали. Денщики время отъ времени появляются съ вновь откупоренными бутылками стараго крѣпкаго меда и замѣняютъ опорожненныя бутылки новыми. Для бесѣды у бражничающихъ офицеровъ либо мало темъ, либо имъ лѣнь. Порой кто-нибудь изъ троихъ вынимаетъ револьверъ и безцѣльно стрѣляетъ въ шкафъ, буфетъ, въ стѣнные часы. Иногда интересъ къ стрѣльбѣ охватываетъ всѣхъ. Тогда выбираютъ что-либо мишенью и состязаются. Это вызываетъ споры, смѣхъ, похвальбу. А дальше опять поднимаютъ стаканы.

— За побѣду!

— За кайзера!

— За встрѣчу въ Москвѣ!

— Нѣтъ, лучше въ Петербургѣ!

Около полуночи, окончательно напившись, велѣли привести связанныхъ хозяевъ.

Стась вошелъ самъ. Лицо его, разбитое и посинѣвшее было страшно, какъ нарочно придуманная маска. Какъ маска же, оно было неподвижно. Только глаза горѣли лихорадочнымъ блескомъ. Панни Марію ввели подъ руки. Голова ея была опущена, сѣдые волосы растрепались.

— Попрошу, брошусь въ ноги!—мелькало въ ея смятенномъ мозгу.—Не звѣри же! Должны же они пощадить... Пусть, если это надо, убьютъ меня, но Стася... моего Стася!.. Брошусь, буду цѣловать ихъ сапоги!..

И бросилась. Едва успѣли ее ввести, какъ она рванулась, кинулась въ ноги, припала головой.

— Пощадите! Будьте милосердны!.. О, Боже! Простите Стася моего!У меня есть второй сынъ. Онъ служитъ у васъ. Во имя его, окажите милосердіе... Не убивайте Стася!..

Врядъ ли она сама понимала, что дѣлаетъ, что говоритъ. Глаза блуждали, тѣло билось. Была она и страшна, и жалка.

Рванулся было къ матери Стась, но два солдата опрокинули его.

— Что ты дѣлаешь?!—вскрикнулъ онъ по-польски.— Вспомни, кто ты и предъ кѣмъ унижаешься! Встань, мама! Слышишь, встань же!

Въ первый моментъ нѣмцы отшатнулись. Однако, понявъ въ чемъ дѣло, оправились. Явилось даже настроеніе пошутить,

Оберъ - лейтенантъ, старшій изъ компаніи, прихлебнулъ изъ стакана, сдѣлалъ видъ, будто вытираетъ слезы, и дѣланно-дрожащимъ голосомъ произнесъ:

— О, мать!.. О, святая материнская любовь!..

Товарищи захохотали, веселье наладилось. Панни Марія встала, оглядѣла пирующихъ мутнымъ взоромъ и тихо отошла къ стѣнѣ. Стоящій рядомъ Стась прошепталъ:

— Мама! Ради всего святого!.. Приди въ себя! Гдѣ твое мужество?!.

— Молчать! заревѣлъ оберъ-лейтенантъ.—Я тебя, негодяй, живо отучу шептаться!

Въ его рукѣ блеснулъ револьверъ и вслѣдъ затѣмъ произошло нѣчто дикое. Грохнулъ выстрѣлъ, но еще въ предыдущую секунду панни Марія кинулась впередъ и прикрыла Стася своимъ тѣломъ. Нѣмецъ не успѣлъ отвести дула. Простирая руки, будто ловя что-то, панни Марія тихо покачнулась и стала падать... Связанный Стась не могъ поддержать мать. Онъ лишь склонился къ ея лицу и цѣловалъ, шепча:

— О, мама! Какое несчастіе! Зачѣмъ ты это сдѣлала?

У нея понемногу тускнѣли глаза. Она силилась что-то сказать, тянулась къ сыну, но лишь кровь алыми пузырьками клокотала на губахъ и вырывался хрипъ. Послѣ и это кончилось...

Стась поднялся съ колѣнъ.

— Такъ будьте же вы прокляты!—проговорилъ онъ сдавленно, но четко.—На тѣлѣ убитой вами матери, призываю на ваши головы самую страшную кару Божью! Да не будетъ вамъ прощенія во вѣки вѣковъ!..

То, что произошло, было неожиданно и страшно даже для пьяныхъ нѣмцевъ. Они смотрѣли на Стася, и ни у кого не хватило рѣшимости пристрѣлить еще и его.

— Уведите!.. Заприте до утра!—хрипло крикнулъ оберъ-лейтенантъ.

Когда Стася выводили изъ столовой, офицеръ добавилъ вслѣдъ:

— Пусть до утра подумаетъ, а на зарѣ разстрѣлять эту собаку.

V.

Въ кладовой, куда заперли Стася, была кромѣшная темень. Первое время, оглушенный всѣмъ происшедшимъ, Стась лежалъ на сыромъ полу безъ движенія, безъ ясныхъ мыслей, въ состояніи совершенной подавленности.

Убили мать, убьютъ вскорѣ и его. Ну, что же, и хорошо. Такъ, должно быть, и надо... Ужасъ! Ужасъ!.. Интересно, что они теперь думаютъ, эти люди? Гдѣ такіе рождаются? Боже мой, Боже!

И вдругъ отчетливое сознаніе охватило мозгъ Стася:

— Убьютъ! Еще нѣсколько часовъ и—смерть!

Онъ вскочилъ и забѣгалъ по кладовой. Мыслей вдругъ явилось множество:

— Почему убьютъ? По какому праву?.. Неужели я долженъ принимать ихъ звѣриный капризъ, какъ нѣчто законное и неотвратимое?.. Отчего я не пытаюсь вырваться, бѣжать?.. Весь день меня караулилъ какой-то солдатъ, а я даже не попробовалъ заговорить съ нимъ. Если нѣмцы такъ хищны и такъ жадны, это значитъ, что ихъ можно подкупить, что ли. Не удастся подкупить—нужно пробовать другіе способы. Прежде всего развязаться...

Съ судорожной торопливостью Стась началъ теребить веревки. Онѣ не поддавались, лишь какіе-то невидимые узлы затягивались сильнѣе и больно врѣзались въ тѣло. Рванувъ въ послѣдній разъ, Стась почувствовалъ такую нестерпимую боль, что передъ глазами пошли круги. Со стономъ, съ безсильными слезами, онъ снова упалъ на полъ.

— Погибъ, погибъ!—проносилась мысль.

А на дворѣ посѣрѣло, сквозь окошечко пробивался свѣтъ.

— Значитъ, погибъ!..

Энергія упала. Явилась какая-то робкая настороженность. Вытянувъ шею, поминутно вздрагивая, Стась прислушивался къ каждому шороху и ждалъ. Онъ не то, чтобы вѣрилъ въ возможность чуда, а всѣмъ существомъ своимъ, всѣмъ истерзаннымъ тѣломъ и потрясенной душой хотѣлъ чуда.

А вдругъ нагрянутъ казаки!.. Въ сущности, что въ этомъ невозможнаго? Они были здѣсь не разъ и опять могутъ явиться. Говорятъ, будто они, какъ охотники, выслѣживаютъ нѣмцевъ. Услышатъ, что здѣсь хозяйничаютъ вражескіе разъѣзды, и прискачутъ... Или внезапно этихъ германскихъ звѣрей отзоветъ начальство! Вѣдь бываетъ на войнѣ, что какую-нибудь часть посылаютъ съ порученіемъ, а затѣмъ экстренно отзываютъ. Почему бы этому не случиться? Тогда впопыхахъ имъ будетъ не до плѣнника...

Надежды вились тонкія и непрочныя, какъ кружево. Исполненія чего-нибудь такого, счастливаго, чудеснаго хотѣлось до тоски, до слезной, дѣтской мольбы.

И вотъ, вдругъ, что-то близко зашумѣло. Что? Гдѣ? Врагъ это или другъ?.. Опять шумъ. Теперь Стась уже явственно разслышалъ, что это за дверьми кладовой. Тамъ, повидимому, спалъ солдатъ-караульщикъ. Онъ все время сопѣлъ носомъ и изрѣдка всхрапывалъ. Теперь храпъ прекратился, послышалась возня. Ага, встаетъ... Неужели сейчасъ всему конецъ?.. Но что это? Какъ странно! Кто то застоналъ... вскрикнулъ... захрипѣлъ... Кто же такъ просыпается—здѣсь что-то другое... Возятся у дверей, открываютъ.

Прислонившись къ стѣнѣ, Стась закрылъ глаза и ждалъ. Сердце, казалось, вотъ-вотъ разорвется.

На казнь или на свободу?

— Стась, ты здѣсь?—пронесся тихій шопотъ.— Стась, отзовись. Это я—Янтекъ...

Отъ счастья у Стася помутилось въ головѣ и подкосились ноги. Онъ хотѣлъ бы отвѣтить, но не могъ. А Янтекъ уже трясъ его.

— Стась, Стась! Очнись, что съ тобой?

Янтекъ трясетъ спереди, кто-то другой сзади обрѣзаетъ веревки,—и руки Стася свободны.

— О, мой Янтекъ! Мой братъ!—шепчутъ губы Стася, и онъ такъ рыдаетъ, что того гляди захлебнется въ слезахъ.

— Довольно, Стась. Идемъ! Всякая минута можетъ стоить жизни.

Безпомощная дѣтская слабость разомъ слетѣла.

— Идемъ! Идемъ, Янтекъ!

— Осторожнѣе! Переступи!—шепчетъ братъ.

У порога кладовой валяется задушенный нѣмецкій солдатъ. Они широко шагаютъ черезъ трупъ, проходятъ длинный коридоръ, осматриваются, перебѣгаютъ около клумбы открытое мѣсто—и вотъ они уже въ саду. Въ окнахъ всѣ огни погашены. День начался, но до восхода солнца не меньше часа. О, они используютъ этотъ часъ!...

— Да вѣдь это Антось! — радостно восклицаетъ освобожденный и, какъ брата, обнимаетъ хлопца.

Антось смѣется. Онъ много сдѣлалъ!..

— Я во второмъ эскадронѣ взводнымъ,—на лету разсказываетъ Янтекъ.—Къ вамъ нагрянулъ третій эскадронъ, а мы были у корчмы, по дорогѣ къ Праснышу. Я еще утромъ далъ знать вамъ въ Догушево-

Болото, но мой посланецъ испугался нѣмцевъ и убѣжалъ. Его встрѣтилъ Антось... Славный хлопецъ! Ничего не побоялся, досталъ лошадь, прискакалъ ко мнѣ... Когда я услышалъ, что они здѣсь натворили—разомъ рѣшилъ: довольно. У звѣрей я не служу! Я не грабитель и не убійца. Ни одинъ честный полякъ не пойдетъ за ними!

— Маму видѣлъ?—тихо спросилъ Стась.

— Да. Мы съ Антосемъ снесли ее въ садъ и спрятали возлѣ каменной бесѣдки. Ты знаешь, кто ее застрѣлилъ? При тебѣ?

— На глазахъ. Офицеръ съ большими усами, высокій.

— Ага, командиръ третьяго эскадрона... Хорошо! Я ему покажу, собакѣ! — и Янтекъ погрозился кулакомъ.

VI.

Возлѣ Рожанъ сотня донцовъ стояла бивакомъ. Нѣсколько дней подъ рядъ казаки рыскали по окрестностямъ, выслѣживая нѣмецкіе разъѣзды. Въ серьезномъ дѣлѣ еще ни разу побывать не пришлось, но мелкія стычки происходили довольно часто. Казаки уже успѣли «освоиться» съ германскими кавалеристами и говорили про нихъ:

— Лютой народъ, однако въ работѣ слабожильны. Нѣтъ въ емъ настоящей стойкости. Только и всего, что безжалостные—на манеръ волка.

Такъ какъ лошади здорово измотались, то на воскресенье сотня получила дневку, подкормилась, выспалась. Разсчитывали въ понедѣльникъ утромъ пошарить мѣстность въ сторону Прасныша и Цѣханова.

Было слышно, что туда явились нѣмецкіе разъѣзды и жестоко хозяйничаютъ. Однако, казаки любятъ дѣлать дѣло сознательно. Переть на рожонъ и кидаться очертя голову—они считаютъ пустымъ и даже глупымъ занятіемъ. Вотъ прослѣдить, какъ слѣдуетъ, захватить врасплохъ, нагрянуть, какъ громъ небесный—это иная статья. Для такой работы не жаль ни трудовъ, ни риска.

Офицеры, собравшись за утреннимъ чайкомъ на буркѣ сотеннаго командира, не спѣша и съ толкомъ обсуждали предстоящій поискъ въ сторону Прасныша. Мѣста были знакомыя, тѣмъ не менѣе, каждый понималъ, что нужна осторожность и осторожность. Влопаться долго-ли! А вотъ разузнать все, какъ слѣдуетъ, собрать точныя свѣдѣнія, прихлопнуть непріятеля, что называется въ «мертвую»—здѣсь требуется сноровка. Иначе, какіе же это казаки!

И разсуждали, похлебывая горячій чай, щурясь на солнце, не поря горячки—дѣльно.

— Скверно, что Праснышъ кругомъ открытъ,—сказалъ сотникъ.—Вотъ если бы удалось захватить ихъ восточнѣе Бортниковъ—тамъ отлично.

— Нужно придумать что-нибудъ,—возразилъ есаулъ, командиръ сотни.

— На голомъ мѣстѣ что же придумаешь!

— Не мѣсто краситъ человѣка...

— Ваше благородіе, такъ что, два какихъ то пана васъ спрашиваютъ,—доложилъ казакъ, прискакавшій изъ охраненія.

— Кто такіе?

— Не могу знать. Говорятъ, Догушевскіе, изъ Догушева-Болота.

— Проси. Скажи, что, молъ, очень радъ... Это кстати, господа. Пожалуй, сейчасъ мы кое-что узнаемъ.

Паны Догушевскіе зря не пріѣхали бы. Я ихъ знаю—хорошіе люди.

Показались Стась, Янтекъ и Антось. Янтекъ успѣлъ смѣнить форму нѣмецкаго драгуна на тужурку брата, а потому никакихъ подозрѣній не вызвалъ.

— Милости прошу. Очень радъ!—встрѣтилъ ихъ есаулъ.—Чѣмъ могу служить?

Объяснилъ Стась. Разсказавъ про нападеніе на Догушево-Болото, про погромъ и убійство, онъ добавилъ:

— Мы ушли въ лѣсъ за Старыя Болота. Тамъ есть лазы, про которые знаютъ очень немногіе. У насъ въ томъ лѣсу спрятаны припасы, кони, оружіе—на всякій случай. Такъ вотъ, я и братъ предлагаемъ вамъ, господинъ офицеръ, проводить вашу команду туда, а къ ночи потайной дорогой вывести на Догушево-Болото. Нѣмецкій эскадронъ вы захватите, какъ въ сѣти.

— Такъ, такъ. Значитъ панни Марія, матушка ваша, погибла? Какъ жаль! Прекрасная была женщина, царство небесное! Мы всѣ ее чтили, всѣ чтили. Отъ души соболѣзную.

Братья поклонилисъ и опечалились.

— Какіе звѣри! Ну, ну! Попадитесь вы только въ мои руки!.. Такъ, говорите, что можно подойти къ нимъ незамѣтно?

— Совершенно незамѣтно.

— Что же, прекрасно. Мы будемъ вамъ только благодарны. Ведите.

Солнце перевалило за полдень, когда длинная вереница всадниковъ потянулась съ бивака къ Старымъ Болотамъ. Впереди съ головнымъ дозоромъ ѣхалъ Стась, знавшій въ этихъ мѣстахъ всякую тропинку. Въ болотахъ, поросшихъ осоками и низкорослыми

9*

березками, всадники одинъ за другимъ пропадали изъ глазъ, точно бы ихъ вмѣстѣ съ конями засасывала трясина.

А когда спустилась ночь, то всадники вынырнули. Безшумными тѣнями они окружили садъ, службы, деревню. По вчерашнему, домъ горѣлъ огнями, и въ усадьбѣ шло поголовное пьянство. Догушево-Болото было слишкомъ богато, слишкомъ барски-хозяйственно, чтобы его можно было истощить въ одинъ вечеръ. Въ столовой пили офицеры, въ амбарахъ, на кухнѣ, прямо на дворѣ—солдаты.

— Такого командира разстрѣлять мало,—бурчалъ себѣ подъ носъ есаулъ.—Пьянствуетъ, подлецъ, не провѣряетъ охраненіе...—и подалъ сигналъ.

Ночное эхо подхватило крикъ есаула, и началась казачья работа...

Когда Янтекъ и Стасъ вбѣжали въ столовую, чтобы расправиться съ нѣмецкими офицерами, то имъ уже нечего было дѣлать.. Все было готово, казаки проворно обыскивали убитыхъ, снимали снаряженіе.

А къ утру сотня гуляла подъ Праснышемъ, на указанномъ Янтекомъ бивакѣ второго эскадрона. Казаки не кладутъ охулки на руку.

Догушевскіе не принимали участія въ стычкѣ. Съ высокаго пригорка, озаренные зловѣщимъ заревомъ пожара, они смотрѣли на этотъ «казачій пиръ», вслушивались въ дикіе крики. Что то большое и важное несознанно росло въ груди братьевъ. Чудилось, будто и зарево это, и вопли, и грозный шумъ сѣчи—все знакомо, все испытано и понятно ихъ сердцу, какъ «роковое» и неизбѣжное.

ЦВѢТЫ ВОЙНЫ

ЦВѢТЫ ВОЙНЫ.

Часа на два непріятельская артиллерія примолкла, а послѣ начался вдругъ адъ. Отдѣльныхъ выстрѣловъ и отдѣльныхъ разрывовъ услѣдить стало невозможно. Вверху шрапнель, а на землѣ гранаты рвались сразу десятками. Со свистомъ, съ лязгомъ, съ какимъ то до тошноты противнымъ скрежещущимъ стономъ лопались громадные нѣмецкіе снаряды. Точно бы тысячами гигантскихъ стеколъ скребли и царапали другъ о друга.

Изъ штаба дивизіи сообщили по телефону:

— Не прозѣвайте непріятельской атаки. Повидимому, они подготовляютъ ударъ въ штыки.

По окопамъ дали знать:

— Гляди въ оба!..

Окопы неглубокіе, сдѣланные наспѣхъ. Солдаты стоятъ на колѣняхъ, на корточкахъ. Кому нужно, тѣ ходятъ согнувшись надвое, чтобы въ пустую не подставляться подъ пули.

— Ванютка! Эй, Ванютка!—кричитъ ефрейторъ Курыгинъ.

Голосъ у Курыгина жесткій, басовитый, лицо сердитое. Сплошной громъ заглушаетъ слова—они мрутъ здѣсь же, не достигнувъ гребешка насыпи. Но по окопу, какъ по изолированному проводу, окликъ бѣжитъ и принимается.

— Я здѣсь, дяденька Провычъ!

— Поди сюды!

Ванютка летитъ къ Курыгину, перепрыгивая черезъ ноги стоящихъ на колѣняхъ солдатъ, тулясь къ свободной стѣночкѣ.

Ему вольно въ окопѣ: не тѣсно, не низко. Онъ, будто мышенокъ въ загроможденной кладовой, вертко и ходко юлитъ по всѣмъ щелямъ нарытыхъ канавъ. Всякій зигзагъ окопа для него просторный коридоръ, каждый комъ земли—отличное укрытіе.

— Мышенокъ и есть! Ахъ, ты, герой!—смѣясь, говорятъ бородачи.

Лицо у Ванютки широкое, веснушатое, со вздернутымъ носомъ. Нѣтъ въ немъ ни красоты, ни даже дѣтской миловидности. Обыкновенный мальчишка, какихъ въ каждой русской деревнѣ десятки. Глазенки узенькіе, сѣренькіе, все время въ движеніи. И если бы не эта живость глазъ, освѣщающая всю его фигурку своеобразно-мышинымъ проворствомъ и лукавствомъ, то былъ бы Ванютка совсѣмъ безцвѣтнымъ.

— И чего ты все бѣгаешь?—сердито ворчитъ Курыгинъ.

— Я, дяденька Провычъ, воду носилъ.

— Какую воду?

— Второй роты унтеръ Малышевъ и господинъ Скудометовъ раненые лежатъ, такъ пить попросили.

— Штабсъ-капитанъ?

— Такъ точно, дяденька Провычъ.

— Ну, отнесъ—и ворочайся, посиди. Видишь, всѣ притаились. Набѣжать на пулю не шутка, а послѣ что?

— Я, дяденька Провычъ, маленькій, меня не видно.

— Она, братъ ты мой, не станетъ разбирать, большой ты или маленькій. Вдаритъ—глазомъ не мигнешь.

— И патроны носилъ.

— Тебя только не хватало! Много ли всей твоей силы?

— Ого! Я съ утра семнадцать жестянокъ перетаскалъ!

— Бахвалься вотъ, егоза!—съ сердцемъ прикрикнулъ Курыгинъ и заворчалъ подъ носъ!—Совѣсти въ нихъ нѣту, на комъ выѣзжать вздумали!

— Мнѣ, дяденька Провычъ, ничего. Я по канавкѣ, а гдѣ ползкомъ. Меня развѣ замѣтятъ?

— Сиди ужъ, сдѣлай милость.

Ванютка всѣхъ солдатъ за глаза зоветъ по фамиліи, а въ глаза просто «дяденьками». Ефрейтора же Курагина не иначе, какъ прибавляя отчество «Провычъ». Съ перваго дня, когда Ванютка присталъ къ полку на походѣ, дяденька Провычъ принялъ мальчугана подъ свое покровительство. По копейкамъ собралъ ему на сапоги, на бѣлье. На постоѣ въ фольваркѣ выпросилъ у панскаго управляющаго дѣтскую шубку въ родѣ казакина. Стараніями Курыгина Ванютка ходитъ щеголемъ, и рубашка у него всегда чистая, и отъ всяческой нечисти ефрейторскій глазъ его ревниво оберегаетъ.

— За дитемъ только не догляди—вразъ запаршивѣетъ. Развѣ само оно понимаетъ?—разсудительно пояснялъ Курыгинъ свой уходъ за ребенкомъ.

Солдаты солидно крякаютъ и молча соглашаются.

— Дай-ка, Провычъ, Ванюткины сподники—заодно выстираю слюнявцу,—говоритъ товарищъ, улучивъ минуту для стирки.

— Надо бы Ванюткѣ фуфайку сладить,—предлагаетъ другой въ перерывѣ между двумя боями.

Такъ и живетъ приблудный мальчуганъ въ третьей ротѣ. Его не цѣлуютъ, не ласкаютъ напоказъ. Частенько на него прикрикиваютъ и за шалости обѣщаютъ драть вихры. Надъ рѣзвостью и неустрашимостью мальчика снисходительно смѣются. Каждый словно бы стѣсняется въ присутствіи товарищей высказать ребенку любовь и нѣжность.

Но у Ванютки есть чутье. Онъ прекрасно знаетъ, что, прильни онъ на ночлегъ къ кому угодно, хотя бы къ самому подпрапорщику Стрепетову, его не оттолкнутъ. Во всякой палаткѣ онъ найдетъ пріютъ, всякая шинель прикроетъ его полой. Лепетъ девятилѣтняго вояки вызываетъ у «дяденекъ» покровительственную усмѣшку—это въ порядкѣ вещей: Ванютка не претендуетъ быть на равной ногѣ. Однако и надуть мальчишку трудно: онъ чувствуетъ, что эта броня старшинства вовсе не такая ужъ непроницаемая.

Весело хлопаетъ вверху шрапнель, съ злобнымъ взвизгиваніемъ проносятся надъ головами невидимыя гранаты и гдѣ-то сзади рвутъ на мелкіе куски твердую землю.

Передъ окопами ничего не видно. Непріятель зарылся, и лишь изрѣдка какія-то черненькія темненькія точки движутся надъ той линіей, гдѣ предполагаются ихъ авангарды.

Курыгинъ держитъ винтовку на прицѣлъ, смотритъ сосредоточенно. У Ванютки есть затаенная мысль, но

онъ боится ее высказать дяденькѣ Провычу, потому что неподходящая минута. Вотъ глаза ефрейтора блеснули, мигнули, и тотчасъ же его винтовка, вздрогнувъ въ рукахъ, четко и сухо щелкнула.

Ванютка всматривается въ нѣмецкій окопъ: дяденька Провычъ зря стрѣлять не станетъ! Но тамъ, какъ и раньше ничего не видно, ничего не поймешь.

«Здорово прячутся, подлые!—съ досадой думаетъ Ванютка.—Вотъ если бы вышли на чистое мѣсто—мы бы имъ показали!..

Сидѣть безъ дѣла скучно. Хорошо бы сбѣгать во вторую роту—можетъ, еще кого ранило? Или за патронами... Или въ деревню, за четыре версты, тамъ въ походныхъ кухняхъ варятся щи: Ванюткѣ дадутъ «генеральскую» пробу.

— Смирно! Самъ корпусной пожаловалъ! скомандуетъ со смѣхомъ кашеваръ Грищенко и поднесетъ на огромной вилкѣ паекъ мяса.

А здѣсь сиди, жмись. Скучно.

— Дяденька Провычъ!

— Ну?

— Дай, дяденька Провычъ, стрѣльнуть.

Выпрашивая, Ванютка боится, гнуситъ. Проситъ безъ надежды на успѣхъ.

— Одинъ только разикъ!

Курыгинъ молчитъ, Ванютка смѣлѣетъ.

— Былъ на войнѣ, спросятъ: «стрѣлялъ?», а мнѣ что же—врать? Только разикъ, дяденька Провычъ.

Ефрейторъ не можетъ удержаться, хохочетъ.

— Ха-ха-ха! Аника—воинъ! Ну, на, пали.

Отъ неожиданной радости у Ванютки трясутся руки. Онъ въ совершенствѣ выучилъ, какъ стрѣляютъ. Но въ эту минуту все выскочило изъ головы. За-

былъ къ какому плечу прикладывать винтовку, которой рукой поддерживать, а которой дергать спускъ.

— Не сюды... Эхъ, ты! Вотъ такъ... Держи крѣпко, тяни къ плечу. Плотнѣе, крѣпче. Ну, теперь стрѣляй... Ха-ха-ха! Да не робѣй ты! Ну... пли!

Свой собственный выстрѣлъ показался Ванюткѣ страшно оглушительнымъ и сильнымъ. Въ плечо отдало и все тѣло Ванюткино дернуло назадъ. Но это ничего: онъ предполагалъ, что будетъ хуже.

— Еще, дяденька Провычъ! Миленькій, еще!..

Въ окопѣ вдругъ произошло движеніе. Сбоку суетливо и расторопно затрещали пулеметы, словно бы громко сигналя зазѣвавшимся товарищамъ, что близка опасность и нужно беречься.

— Атака! Атака!—пронеслось нервной ноткой.

— Давай сюды! Сиди смирно!—отрывисто и сурово приказалъ Курыгинъ, сразу забывъ о баловствѣ.

— Цѣлься лучше! Не порть безъ толку патрона!—раздался надъ ухомъ голосъ ротнаго командира.

Говоритъ онъ спокойно, громко, самоувѣренно. Но и Ванюткѣ и солдатамъ чудится за этимъ спокойствіемъ такая же встревоженность, какъ въ возгласахъ «атака», какъ въ спѣшной трескотнѣ пулеметовъ.

— Будьте стойки! Боже васъ упаси растеряться!— какъ бы предупреждаетъ это спокойствіе начальника.

На учебномъ стрѣльбищѣ спокойствіе совсѣмъ иное.

Ванютка не умѣетъ сдержать любопытства. Высунувшись надъ насыпью, онъ смотритъ впередъ. Сѣрые глазки горятъ, губы побѣлѣли.

«Добѣгутъ! Добѣгутъ»!—колотится въ мозгу опасеніе.

Отъ непріятельской линіи быстро приближаются толпы нѣмцевъ. Мѣстами они рѣдки, бѣгутъ цѣпью, мѣстами же не видно просвѣтовъ—сплошь люди. Надъ головой вдругъ съ визгомъ, съ дымомъ, несется какая-то страшная туча. Уже послѣ Ванюткѣ объяснили, что это наша артиллерія стрѣляла картечью. Въ ту минуту онъ видѣлъ лишь, какъ густыя колонны нѣмцевъ то разорвутся на стороны, падутъ на землю, зашатаются, то снова рванутся навстрѣчу тучѣ.

И ужъ невозможно разобрать, гдѣ ахаютъ пушки, гдѣ трещатъ пулеметы, а гдѣ палятъ винтовки. Сплошной стонъ и грохотъ.

Сначала Ванюткѣ казалось, будто бѣгущіе къ нимъ нѣмцы падаютъ, а послѣ поднимаются и догоняютъ ушедшихъ впередъ товарищей. Но когда они приблизились, мальчуганъ понялъ, что это не такъ. Кто упалъ, тотъ ужъ не поднимался. Догоняли же и вновь заполняли образовавшіяся бреши совершенно новые люди. Они перепрыгивали черезъ павшихъ, что-то кричали. Уже можно разсмотрѣть ихъ лица, уже ясно видно, какъ встрѣчный ураганъ свинца и стали снесетъ вдругъ начисто цѣлую кучу народа, прорѣжитъ широкій коридоръ. Кажется: нѣтъ, куда тамъ, не добѣжать! А въ слѣдующую минуту коридора нѣтъ: его наполнили свѣжіе солдаты.

Кто и какъ распорядился—Ванютка не услѣдилъ, но по всему окопу вдругъ прекратили стрѣльбу. Лишь орудія и пулеметы продолжали ревѣть и надрываться.

— Дяденька Провычъ, куда вы? И мнѣ итти?

Курыгинъ не отвѣтилъ, голосъ Ванютки жалко потонулъ въ громыхающей бурѣ. Канонада стихла до того внезапно, что это оглушило.

Замелькали предъ глазами Ванютки сапоги выска-

кивающихъ за окопы солдатъ, затѣмъ переливчато, вспыхивая и замирая, пошло «ура».

— На штыкъ!—догадался мальчикъ и вскарабкался на самый гребень насыпи.

Наши набѣгали изъ второй линіи окоповъ, изъ резерва, откуда-то со стороны. И все впередъ, все туда, куда скрылся дяденька Провычъ.

Ванюткѣ стало жутко. Крича во всю мочь «ура», мимо него бѣжали незнакомые солдаты. Затрутъ его, чуть не затопчутъ, вновь освободятъ, и опять бѣгутъ новые. Не зная, что нужно дѣлать окончательно растерявшись въ этомъ потокѣ, побѣжалъ за ними и Ванютка.

II.

Кончился день, и вмѣстѣ замерло сраженіе.

Гдѣ-то далеко впереди еще палятъ изъ пушекъ, но какъ-то утомленно, вяло. Бахнетъ глухой ударъ, подрожитъ съ минуту воздухъ—и стихнетъ. Спустя время опять глухо и одиноко пронесется:

— А-а-ахъ!—и долго плыветъ, гудя.

Окопы, еще такъ недавно бывшіе самыми многолюдными, критическими, приковывавшими къ себѣ всеобщее вниманіе—брошены и пусты. Нѣсколько партій санитаровъ бродятъ по нимъ съ носилками, да худыя, тощія собаки набѣжали откуда-то и трусливо поджавъ хвосты, ждутъ ночи. Похоже, будто онѣ отлично понимаютъ всю гнусность и святотатственность своего мародерства, а потому боятся попасться на глаза, сломя голову шарахаются въ сторону отъ живыхъ людей.

Контръ-атакой опрокинувъ нѣмцевъ, наши батальоны ушли далеко впередъ. По изрытому, исковерканному шоссе спѣшатъ какіе-то всадники въ одиночку, по два, должно-быть, съ донесеніями. Дребезжа, ѣдутъ двуколки. Разбрасывая искры и курясь дымкомъ, пробираются куда-то походныя кухни, видимо, потерявшія свои роты и теперь не знающія, кого кормить горячими щами.

— Дяденька, не видали вы третьей роты?

Ванютка усталъ, мышиные глазки потухли, веснушки какъ-то до странности рѣзко выступили на осунувшемся лицѣ.

— Ты еще откуда взялся?

— Я третьей роты. Отбился.

— Какого полка?

— Стрѣлковаго, сибирскаго.

— Ахъ, шутъ тебя! Лѣзь сюды, подвеземъ.

— Я ищу дяденьку Провыча.

— Ну, лѣзь, лѣзь. Экая фигура! Ха-ха-ха! Воевать задумалъ, шельмецъ!

Солдатамъ весело. Ванютку сажаютъ къ самому котлу, даютъ жирный кусокъ дымящагося горячаго мяса.

— Ты гдѣ же сражался?

— Я, дяденька, съ ротой въ окопѣ сидѣлъ.

— Ха-ха-ха! Въ окопѣ! Ну и дѣла!

— Я патроны носилъ. Водой поилъ, которые раненые...

Ванютка не хвастается, но ему обиденъ смѣхъ незнакомыхъ солдатъ. И свои смѣются, однако не такъ.

— Патроны, говоришь? Водой поилъ?..

— А то какъ же. Семнадцать жестянокъ перета-

скалъ. Большому укрыться некуда, а мнѣ что? Я по канавкѣ.

— Ахъ милой! Воинъ нашъ! Гляди на него: по канавкѣ, говоритъ!.. И не боялся?

— А ни капельки. Развѣ въ меня попадутъ?!

Солдаты опять смѣются, но теперь уже нѣтъ въ ихъ смѣхѣ ничего обиднаго.

На поля ложатся сумерки. Перепоясанныя окопами, взрытыя снарядами, они жутки — эти поля. Въ одиночку, по двое, порой кучами лежатъ люди. Иногда доносится стонъ.

Ванюткѣ страшно. Страшно потому, что въ сердцѣ горитъ и жжетъ тоскливая жалость къ страдальцамъ, а сдѣлать онъ ничего не можетъ.

— Я полагаю, надо взять вправо, вонъ по тому проселку, — говоритъ одинъ солдатъ.

Другой возражаетъ:

— А почему вправо? На пальцахъ гадалъ?

— Оттудова палили.

— Эге! Ты скажи, откудова не палили!

Ванютка прислушивается къ спору съ тревогой. Вонъ оно въ чемъ дѣло! Значитъ, они сами не знаютъ, куда ѣдутъ. Можетъ, дяденька Провычъ совсѣмъ въ другой сторонѣ... Нѣтъ, это Ванюткѣ не съ руки. Онъ хочетъ навѣрняка разузнать, гдѣ дяденька Провычъ и вся рота. Къ чужимъ ему ѣхать незачѣмъ. Чужихъ вездѣ много.

— Я пойду.

— Куда?

— Пойду ужъ. Мнѣ третью роту...

— Ошалѣлъ, милой. На ночь глядя, куда пойдешь?

— Мнѣ третью роту надо, — упрямо повторяетъ Ванютка и ползетъ ногой на подножку.

— Фу, глупый какой! Ночь пережди, а завтра сыщешь.

— Чего завтра? Я сейчасъ пойду.

— А еще патроны носилъ! Дуракъ и есть!.. На хлѣба-то, паекъ захвати.

Кашевары недовольны рѣшительностью мальчика. И жалко имъ, и досадно. Куда онъ пойдетъ? Отъ земли еле видать, а заладилъ: «пойду, пойду»! Пропадетъ. Одинъ щелчокъ—и конецъ.

— Отчаянный,—говоритъ кашеваръ, когда Ванютка исчезъ въ сгущающейся тьмѣ.

— Чего тамъ: пропасть не дадутъ! Вонъ, гляди, люди вездѣ,—указываетъ товарищъ на движущіеся по полю огоньки. И добавляетъ задумчиво:—Правильный мальчуга! Такого самъ Богъ сбережетъ.

А Ванютка уже шагаетъ къ огонькамъ. Вечеръ меркнетъ; страшныя ямы отъ нѣмецкихъ снарядовъ Ванютка шибко-шибко обходитъ. Черезъ канавы перелѣзаетъ. Въ одномъ мѣстѣ чуть не изъ-подъ ногъ его выскочила собака и съ визгомъ кинулась въ сторону. Шарахнулся отъ нея и Ванютка, но опомнился.

— Ахъ, подлая! У-лю, лю, лю!..

Тулупчикъ вдругъ сталъ жаркимъ, шея пропотѣла.

— О, Господи! О-охъ!—донеслось сбоку.

Мальчикъ остановился, дрожа. Прислушался.

— Мать Пресвятая... Охъ-ти, охъ!..

Стонъ, бормотанье, кряхтѣнье какое-то.

Нерѣшительно Ванютка двинулся туда, пристально всматриваясь. Мелкая рытвинка, и въ ней стонущій, охающій человѣкъ.

— Что вы, дяденька? Больно вамъ?—робко спрашиваетъ Ванютка и присаживается на корточки.

10

Раненый не отвѣчаетъ. Помочь бы ему, но чѣмъ? Ахъ, да! Вѣдь у Ванютки полные карманы.

— Дяденька, можетъ, вы хлѣбца хотите?

Молчаніе.

— Паечекъ есть. Тепленькій!..

— О-ой!.. Братцы мои!..

Мышиные глаза различаютъ блѣдное, бѣлое лицо, откинутую руку, пальцы, конвульсивно сжимающіеся, шевелящіеся. Стоны все рѣже, бормотанье слабѣе, безсвязнѣе.

Ванютка соображаетъ, что здѣсь онъ ненуженъ со своимъ паечкомъ. Страшно!..

Въ слѣдующую минуту крошечная фигурка съ раздувающимися полами тулупчика стремглавъ несется по полю. А сзади словно бы догоняетъ:

— О-ой!.. Братцы мои!..

Вспотѣлъ Ванютка. Рубашку хоть выжми.

— Это еще кто? Иди сюда! Ты откуда взялся?

— Я — ротный... Ванютка... Третьей роты.

Санитаръ освѣщаетъ мальчика фонаремъ, сестра въ черной кожаной курткѣ склонилась къ нему.

— Какъ ты сюда попалъ? Боже мой, ребенокъ!..

— Я ищу дяденьку Провыча.

— Что за чертовщина! Откуда ты, прелестное дитя?—раздается бодрый, громкій возгласъ.

Бородатый господинъ съ бѣлой повязкой на рукавѣ беретъ Ванютку за шиворотъ и приподнимаетъ, какъ котенка.

— Хо-хо-то! Ночной бандитъ! Мародеръ!

Разомъ къ Ванюткѣ возвращаются вся его мышиная отвага и смѣтливость.

— Какъ утромъ наши пошли на штыкъ, такъ я и отбился. Мнѣ бы только сыскать третью роту!

— Ого, да онъ ротный! Ну, братъ, вяжись за нами. Теперь намъ некогда, а послѣ мы тебя пристроимъ. Ахъ, ты, молодчинище! Только не отставай.

У этихъ людей работы много. Бородатый все покрикиваетъ. Бойкій, веселый даже. Носятъ, должно-быть, далеко, потому что, пока носилки вернутся, проходитъ много-много времени. И ждутъ ихъ съ досадой, нетерпѣливо. Мало рукъ!

— Если бы ты, братецъ, былъ на аршинъ повыше да пудика на два потолще—мы бы тебя лихо приспособили къ дѣлу, — говоритъ бородатый господинъ. — Эко ты не догадался вырасти!

Всѣ смѣются. Двое перевязанныхъ и ждущихъ носилокъ тоже слабо улыбаются.

Забавный этотъ господинъ съ бѣлой повязкой. Кажется, въ какомъ дѣлѣ работаетъ! Другому на умъ не пришло бы зубоскалить, а онъ—хоть бы что! И прочимъ изъ-за этого нѣту страха...

Однако Ванюткѣ надоѣдаетъ ходить слѣдомъ за санитарами безъ дѣла. На него все меньше обращаютъ вниманія. И усталъ онъ, спать хочется.

Въ одномъ окопѣ нашли сразу человѣкъ тридцать раненыхъ. Пока ихъ на скорую руку перевязывали и уносили, Ванютка прилегъ.

— А мальчонку мы никакъ обронили гдѣ-то,—сказалъ бородатый господинъ.

Кинулись туда, сюда — нѣтъ Ванютки.

— Не бѣда! Такой молодецъ не погибнетъ,—безпечно проговорилъ бородачъ, и отрядъ двинулся дальше.

10*

III.

Приснилось Ванюткѣ, что идетъ онъ съ бородатымъ господиномъ по полю и осматриваетъ лежащихъ.

— А вотъ и твой дяденька Провычъ, — говоритъ спутникъ.

Дѣйствительно, лежитъ на боку ефрейторъ Курыгинъ и стонетъ. Жалость въ сердцѣ Ванюткиномъ неизмѣримая. Всю бы муку взялъ на себя.

А господинъ говоритъ:

— Не хнычь. Бери носилки.

И пошли. Господинъ впереди, Ванютка сзади. Сила у него такая, что десятерыхъ поднялъ бы.

«Ишь, а говорилъ: аршина не хватаетъ!—думаетъ Ванютка о своей силѣ. — Гляди, у самого сполна ли этотъ аршинъ?»

Легкость на душѣ, радость. Только бы донести дяденьку Провыча. Донести до какой-то волшебной черты, за которой нѣтъ ни ранъ, ни боли. Тамъ ужъ онъ самъ встанетъ на собственныя ноги... И донесу! Ого! Своего дяденьку Провыча не донести!

— Не подгадь, борода! Крѣпись!—поощряетъ Ванютка бородача.—Экъ, ты не догадался на вершочекъ вырасти! Ха-ха-ха!..

Смѣясь, Ванютка и проснулся.

«Вотъ оно какое дѣло! Дяденьки Провыча то нѣту!— думаетъ мальчикъ.—Во снѣ привидѣлся...»

Лѣвой ногѣ тепло, а правой холодно — высунулась изъ-подъ полы наружу. Ванютка круче подгибаетъ ее къ животу, дышитъ въ нутро тулупчика. Это хитрая и сложная штука — на шубѣ лежать и подъ нее же

спрятаться безъ остатка. Чтобы и руки, и ноги, и голова — все было укрыто.

«Какъ-то теперь дяденькѣ Провычу? — мелькаетъ мысль. — Можетъ, онъ тоже раненый лежитъ, коченѣетъ...»

И слѣдомъ другая:

«А санитары?.. Ушелъ этотъ бородатый докторъ или здѣсь еще?»

Ванютка высовываетъ голову изъ-подъ теплой овчины и широко открываетъ мышиные глаза.

Ни зги! Черный мракъ стоитъ безпросвѣтной стѣной у самаго Ванюткиноваго лица. Ни шума, ни даже шороховъ. Одинъ, совершенно одинъ лежитъ Ванютка посреди необъятной темной пустыни. Ширятся, округляются щелки-глазки. Предъ нимъ то запляшутъ, то исчезнутъ какіе-то желтые огненные круги. Не чудовища ли это, пожирающія людей, о которыхъ разсказывали Ванюткѣ солдаты? О, Господи! Мать Пресвятая Богородица!..

Ванютка сунулъ голову обратно въ тулупчикъ и тихонько заскулилъ. Возможно, онъ такъ и заснулъ бы, не замѣтивъ, какъ это произошло, но по сосѣдству вдругъ началось нѣчто страшное. Тихо, послѣ громче зарычалъ кто-то.

— Кгххх... ррр!.. кгххх... ррр... р-р-р-р-р!..

Ванютка похолодѣлъ, не дышитъ. Авось не замѣтятъ его, авось пройдутъ мимо!..

Рычанье не прекращается. Слышенъ какой-то хрястъ, чмоканье, возня. И неожиданно, вмѣсто сказочныхъ чудовищъ, задрались собаки. Вцѣпившись одна въ другую, рвутъ, визжатъ, лаютъ — будто шабашъ чертей.

— Ата-та-та-та! Улю-лю-лю-лю! — не своимъ голосомъ закричалъ Ванютка и вскочилъ на ноги.

Стая кинулась вразсыпную, только свистъ пошелъ по полю. И все новожденіе разомъ кончилось. Ванютка видитъ, что ночь такой безпросвѣтной казалась ему изъ окопа, гдѣ стояла предъ глазами стѣна земли. На просторѣ же ничего необычайнаго нѣтъ. Ночь — какъ ночь. Вверху мерцаютъ звѣздочки, по землѣ шуршитъ легкій вѣтеръ. И огоньки видать, только далеко. Все тѣ же, должно быть, санитары подбираютъ раненыхъ.

Ванюткѣ даже совѣстно за свои страхи. А еще солдатъ! Вся третья рота засмѣяла бы!..

«Пойти развѣ поискать бородатаго доктора?» — думаетъ Ванютка, успокоенно зѣвая.

Не тянетъ. Бородачъ веселый, но только дѣлать тамъ Ванюткѣ нечего. Вотъ если бы не ночь, то поискать бы дяденьку Провыча и третью роту — это другой разговоръ!

Ванютка медленно идетъ. Съ темнотой онъ уже такъ свыкся, что она его словно бы и не пугаетъ. Въ головѣ плетутся серьезныя дѣловыя разсужденія:

«Кажись, не доспалъ я. Лечь бы снова, а утречкомъ со свѣжими силами на поиски. Что жъ зря мотаться!»

Однако и лечь Ванютка уже не хочетъ какъ-нибудь, а ищетъ подходящаго мѣста. Вглядывается, шаритъ ногами. Хорошо бы найти соломы или сѣна. Войска бились и отсиживались здѣсь больше недѣли. Значитъ, есть и солома и сѣно. Нужно лишь поискать.

— Эй, кто это? Кто идетъ? — послышался окликъ.

Ванютка присѣлъ, потомъ поползъ. О какихъ бы то ни было встрѣчахъ онъ не думалъ и отъ неожиданности сразу струсилъ.

— Уйду!.. Тихимъ манеромъ по канавкѣ... Не сыщутъ!..

— Кто здѣсь?.. Помогите... О-ой, чтобъ-те скиснуть!..

Остановился Ванютка, заколебался. Какъ же это онъ убѣжитъ, когда его зовутъ?.. Раненый!.. Свой!..

— Дяденька, кого вы? Меня?..

Въ темнотѣ довѣриться опасно. Ванютка сталъ такъ, чтобы въ случаѣ чего въ любой моментъ дать стрекача.

— Кто такой? Никакъ Ванютка?—спросилъ слабый голосъ.

— Я, дяденька. Я и есть!

— Пособи, братъ. Подойди-ка. О-о-ой, грѣхи тяжкіе!..

Ванютка подошелъ, сталъ на колѣни, а какъ пособить—не знаетъ. Въ его мышиномъ сердцѣ борются и робость, и жалость, и любопытство.

— Кто вы, дяденька?

— Не узналъ? Свой же, третьей роты.

— Господи, да вѣдь вы подпрапорщикъ Иванъ Демьянычъ! Миленькій, куда же это васъ?

— Ступню сорвало. Кажется, начисто... Пособи-ка, голубчикъ, перенесть ее. Затекла.

Ванютка дотронулся и попалъ рукой въ липкую кровь. Подпрапорщикъ охнулъ.

— Тише ты!.. Бери снизу. Легче! Вотъ такъ... сюда ее, на эту сторону. Фффу-у! Ну, и болитъ же, треклятая!..

Подъ рукой мальчикъ ощущаетъ что-то пухлое, намятое, развороченное. Жутко!

— Можетъ, за носилками сбѣгать?

— Гдѣ жъ ты ихъ сыщешь по ночи?

— Я видѣлъ, тамъ огоньки ходятъ.

Раненый колеблется, а затѣмъ рѣшаетъ:

— Нѣтъ, подождемъ до утра. Посиди лучше, Ванютка.

Близко-близко лицо Ванюткино къ лицу Ивана Демьяновича. Этотъ подпрапорщикъ всегда былъ суровъ, и приблудный мальчуганъ побаивался его. Теперь же какъ-то до странности измѣнились черты. Глаза запали, скулы выдвинулись, выраженіе строгости смѣнилось слабостью, безпомощностью. Временами раненый не умѣетъ сдержать стона, и хотя прибавляетъ каждый разъ возгласы: «чтобъ тебя», или «о, чортъ!», но бравада эта звучитъ такъ жалобно, что Ванютка помимо воли чувствуетъ свое превосходство въ силѣ.

— Вамъ холодно, дяденька? Дайте, я покрою васъ.

— Ну, ну, оставь! Еще чего не выдумаешь!

Раненому дѣйствительно холодно, его трясетъ, но совѣстно ему, чтобы мальчишка снялъ съ себя тулупчикъ и накрылъ его — подпрапорщика Стрепетова!

— Поѣсть, дяденька, не хотите ли?—радостно предлагаетъ Ванютка, вспомнивъ про запасы. — Вотъ паечекъ. Былъ горячій, а теперь простылъ... Хлѣбецъ... Кушайте, кушайте, дяденька, авось полегчаетъ.

Раненый сталъ жевать, но его затошнило.

— Ой... о-о-охъ!.. Не могу я! — проговорилъ онъ совсѣмъ больнымъ, безпомощнымъ голосомъ.

Увидѣвъ, какъ Иванъ Демьяновичъ вдругъ откинулся и въ усталой, измученной позѣ разбросалъ руки, Ванютка заволновался. Пропала послѣдняя робость предъ строгимъ подпрапорщикомъ. Положеніе «сильнаго», «здороваго» человѣка безсознательно наложило на Ванютку обязанность помочь во что бы ни стало.

— Вы не тревожьтесь, дяденька. Лежите спокойно. Ого, да у васъ жаръ какой!.. Повремените чуточку, я за соломой сбѣгаю. Тутъ навѣрно есть...

Скинувъ тулупчикъ, онъ уже безъ разсужденій покрылъ раненаго и въ одной курточкѣ побѣжалъ искать соломы. Когда вернулся съ охапкой, то Стрепетовъ лежалъ въ забытьѣ.

— Ничего, пусть отдохнетъ—это на пользу,—бормоталъ Ванютка, отправляясь за второй охапкой.

Постель, наконецъ, готова. Ванютка склонился къ самому уху раненаго и шепчетъ:

— Дяденька, вы переползли бы на солому. Холодно такъ, дяденька. Глядите, и полегчаетъ.

— Не могу я, Ванютка. Силы нѣту.

— А вы обопритесь на меня, дяденька. Дайте я вамъ поддержу ногу.

Лицо, шея и рука у Стрепетова такія горячія, что Ванютку словно бы опоясало накаленное кольцо.

— Вотъ такъ... Теперь ложитесь тихонько. Я вамъ подъ голову подложу.

Тулупчикъ для взрослаго коротокъ, не покрываетъ ногъ. Ванютка набросалъ сверху соломы — будто въ толстое одѣяло завернулъ раненаго по колѣни. А туловище покрылъ шубкой, и самъ легъ рядомъ.

— Это пройдетъ, дяденька. Только бы вамъ согрѣться.

— Худо мнѣ, Ванютка. Нога горитъ.

— Ничего, дяденька, вы сосните. Утромъ перевяжутъ васъ, въ лазаретъ доставятъ.

Раненый затихаетъ. Лежать стало мягко и потеплѣло. Мальчикъ вплотную прижался къ нему, обнялъ рукой, прильнулъ щекой къ щекѣ.

— Мышенокъ!.. Истинно мышенокъ! — шепчетъ подпрапорщикъ съ ласковой благодарностью.

— А дяденьку Провыча вы не видѣли?

— Это ефрейтора Курыгина? Нѣтъ, не видалъ.

Меня свалило у второй линіи ихнихъ окоповъ, а рота ушла впередъ... Помню, Курыгинъ будто бы былъ цѣлъ.

Раненый крѣпче обнялъ Ванютку, и мальчуганъ забылся. Прикурнувъ подъ тулупчикомъ, прижавшись къ пылающей щекѣ подпрапорщика, онъ сначала вслушивался въ его прерывистое дыханіе, потомъ мысли спутались, должно-быть, отъ тепла.

IV.

— Хо-хо-хо-! Нѣтъ, вы поглядите, съ какимъ комфортомъ эта крыса устроилась!—восклицалъ бородатый докторъ, взявшись за бока. — Ахъ, ты, лодырь Царя Небеснаго! Солнце вонъ гдѣ, а онъ дрыхнетъ и раненыхъ развращаетъ. Тащи съ него тулупъ!

Ванютка вскочилъ при общемъ смѣхѣ. Въ первую минуту онъ тоже смѣялся, но, взглянувъ на подпрапорщика, сразу стихъ.

— Дяденька! Дяденька милый! Проснитесь! Пришли за вами... На перевязку, дяденька!

Отъ раненаго, какъ отъ печки, несло жаромъ. Лицо красное, въ поту. Губы шевелятся, что-то шепчутъ, а что — Ванютка разобрать не можетъ.

— Дяденька, милый! Голубчикъ! Очнитесь!—вскрикиваетъ Ванютка со слезами.

Лица окружающихъ становятся серьезными.

— Ну, ну! Не тормоши! Придетъ время—очнется,— останавливаетъ мальчика бородатый господинъ.

Санитаръ и сестра ловко разрѣзаютъ подпрапорщику сапогъ, открываютъ рану. Движенія ихъ привычны, пріемы увѣренны. Здѣсь же наскоро обмываютъ и перевязываютъ.

— Да-а! — протягиваетъ докторъ. — Этого въ разрядъ оперативныхъ. Нога тю-тю!..

У Ванютки сами собой вырываются всхлипыванія. Взявъ тулупчикъ подъ мышку, онъ идетъ напрямки черезъ поле, куда глаза глядятъ.

— Дяденька милый!.. Дя... дя... дяденька!..

. . . .

Третья рота занималась уборкой павшихъ. Рыли могилы, какъ умѣли, сколачивали кресты, сносили тѣла и клали рядомъ, покрывая съ головой шинелями.

Ждали батюшку.

— Слышь, Провычъ! Изъ сосѣдскихъ позицій передавали, будто встрѣтили Ванютку кашевары.

— Когда?

— Вчерась вечеромъ. Хотѣли подвезти, а онъ ушелъ. Пойду, гритъ, мнѣ третью роту нужно.

— Вотъ дуракъ!

— Чего дуракъ? Мальчишка правильно разсуждаетъ: хочетъ къ своимъ. Не бездомный щенокъ, чтобы увязываться за первымъ встрѣчнымъ.

Прибылъ священникъ. Стали отпѣвать и хоронить по десяти душъ вмѣстѣ. Солдаты нестройно, негромко, съ жуткой, хватающей за душу простотой пѣли и провожали товарищей въ послѣднемъ обрядѣ. Лица хмурыя. Отворотясь, будто совѣстясь другъ друга, вытираютъ глаза. Молоденькій доброволецъ не сдержался, махнулъ рукой и пошелъ прочь — только видно, какъ трясутся узкія плечи.

— Со святыми упокой, Христе Боже!..— тоскливымъ мотивомъ несется къ блѣдному осеннему небу.

Сосѣдъ толкаетъ Курыгина и шепчетъ:

— Гляди-ка, да вѣдь это Ванютка!..

Курыгинъ срывается, бѣжитъ навстрѣчу.

Заплаканное, измызганное грязными потеками лицо ротнаго «мышенка» въ одно мгновеніе перерождается въ радостно-сіяющее. Глазки-щелки загораются блескомъ.

Но восторгамъ не время.

— Тише! Панихиду служатъ, — сердито говоритъ дяденька Провычъ и ведетъ Ванютку за руку въ роту.



ИЗДАТЕЛЬСТВО

ЛУКОМОРЬЕ

Контора: Петроградъ, Невскій пр., 40.
Складъ изданія: Жуковская, 7.

1 р. 50 к.